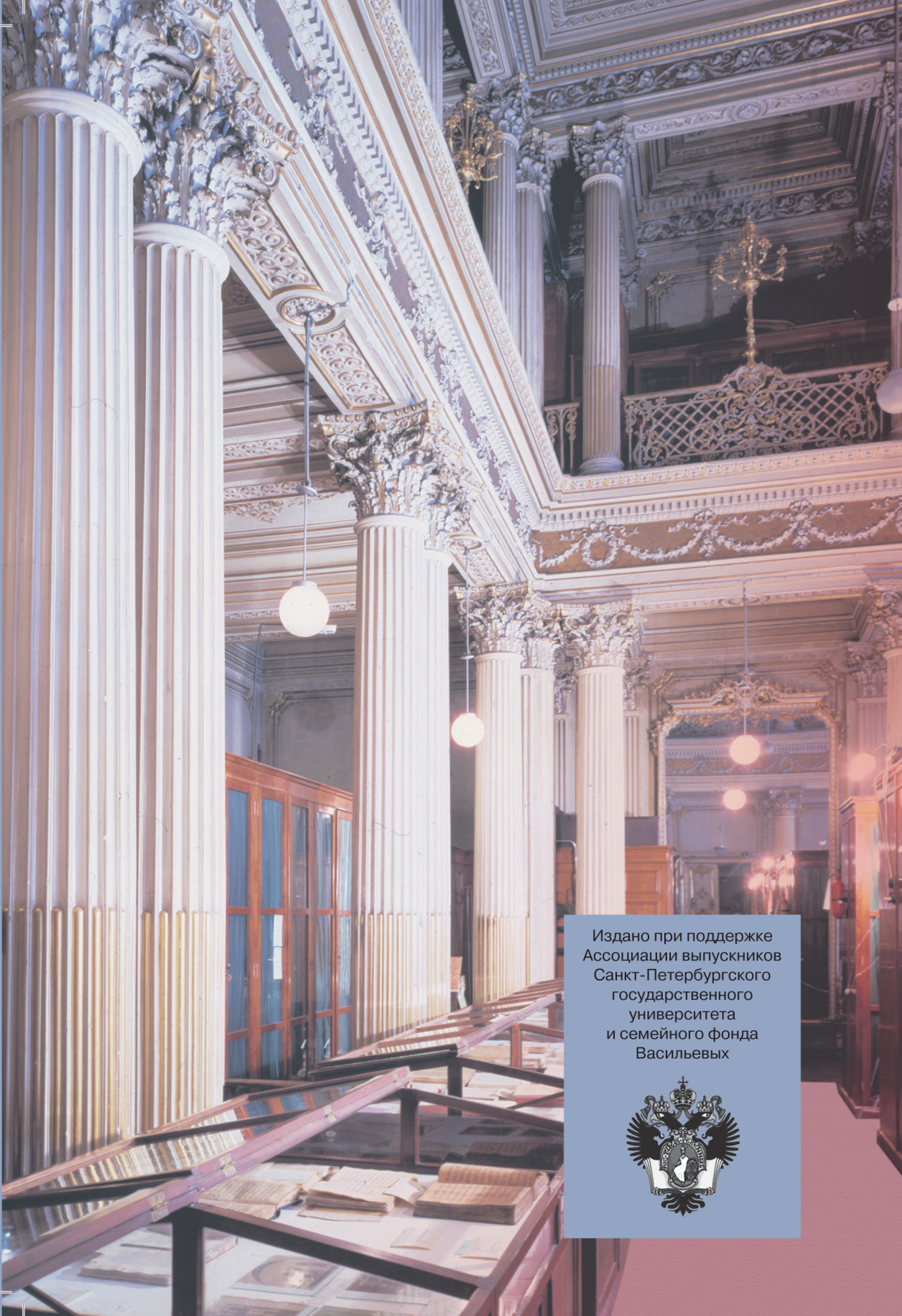
ISSN 1811-8062

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 20 № 1
2023

ПУБЛИКАЦИИ
■
ИССЛЕДОВАНИЯ
■
ИСТОРИОГРАФИЯ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
■
КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ
■
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
■
РЕЦЕНЗИИ
■
IN MEMORIAM



Издано при поддержке
Ассоциации выпускников
Санкт-Петербургского
государственного
университета
и семейного фонда
Васильевых

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Журнал основан в 2004 году

Том 20, № 1
весна
2023

Выпуск 52

Редакционная коллегия

Главный редактор чл.-корр. РАН **И.Ф. Попова** (ИВР РАН)
Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (ИВР РАН)
Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (ИВР РАН)

д.и.н. **А.К. Аликберов** (ИВ РАН)
акад. РАН **В.М. Алпатов** (ИЯ РАН)
к.ф.н. **С.М. Аникеева** (Изд-во «Наука»)
акад. РАН **Б.В. Базаров** (ИМБТ СО РАН)
д.филос.н. **С.Л. Бурмистров** (ИВР РАН)
д.и.н. **Р.М. Валеев** (КФУ)
проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская гос. библиотека)
О.В. Васильева (Российская нац. библиотека)
акад. РАН **А.П. Деревянко** (ИАЭТ СО РАН)
к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (ИВР РАН)
д.и.н. **А.И. Колесников** (ИВР РАН)
акад. РАН **Н.Н. Крадин** (ИИАЭ ДВО РАН)
акад. РАН **А.Б. Куделин** (ИМЛИ РАН)
д.ф.н. **И.В. Кульганек** (ИВР РАН)
д.и.н. **А.Н. Мещеряков** (ИВ РАН)
акад. РАН **В.С. Мясников** (ИКСА РАН; ИВР РАН)
проф. **Не Хунъинь** (КНР, Пекин, Пед. ун-т; Сычуаньский пед. ун-т)
д.филос.н. **Е.П. Островская** (ИВР РАН)
к.и.н. **С.М. Прозоров** (ИВР РАН)
проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский ун-т)
акад. РАН **А.В. Смирнов** (ИФ РАН)
проф. **Таката Токио** (Япония, Ун-т Киото; Китай, Фуданьский ун-т)
член-корр. РАН **И.В. Тункина** (СПбФ АРАН)
д.и.н. **С.А. Французов** (ИВР РАН)
член-корр. РАН **Д.В. Фролов** (МГУ им. М.В. Ломоносова)
к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (ИВР РАН)

Учредитель:
ФГБУН «Институт восточных рукописей РАН»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство ПИ
№ ФС77-78987 от 14 августа 2020 г.

Подписной индекс
АО «Почта России» ПП090

Периодичность издания
4 раза в год

ISSN 1811-8062

Языки издания:
русский, английский

12+

Санкт-Петербург
ИВР РАН
2023

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

Ю.А. ИОАННЕСЯН. «Путеводитель растерянных» Сайида Казима Рашти. Перевод с арабского и персидского. Часть 4 **5**

ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

С.Л. БУРМИСТРОВ. «Алмазная игла»: буддийские корни одного брахманистского текста **27**

В.М. РЫБАКОВ. О некоторых принципах передачи на русский язык старокитайских административных терминов **35**

МЭН СЯ, *Н.Ю. ЦАРЕВА.* Перевод Е.И. Кычанова «Измененного и заново утвержденного свода законов девиза царствования Небесное процветание» в контексте развития современного переводоведения **44**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ТЕКСТОЛОГИЯ, КОДИКОЛОГИЯ, ПАЛЕОГРАФИЯ, АРХЕОГРАФИЯ

Е.А. ДЕСНИЦКАЯ. Вводный раздел «Мангалавады» Варахарьи из коллекции ИВР РАН **58**

Ю.И. ДРОБЫШЕВ. Тангутское государство в русских летописях **70**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

С.С. САБРУКОВА. Коллекция фотографий А.М. Позднеева из Архива востоковедов ИВР РАН **84**

Хартмут ВАЛРАВЕНС. Отто Фишер (22 мая 1886 — 9 апреля 1948). Публикации по искусству Дальнего Востока (на нем. яз.) **95**

И.К. ПАВЛОВА. А.Н. Болдырев: служение науке длиною в жизнь **115**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М.А. КОЗИНЦЕВ. Международная научная конференция «XXXVII Кононовские чтения» (Санкт-Петербург, 28–29 октября 2022 г.) **125**

Т.В. ЕРМАКОВА. Шестнадцатые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга (Санкт-Петербург, 21–22 ноября 2022 г.) **130**

В.В. ЩЕПКИН. Научная конференция «Экспедиции в земли айнов» (Санкт-Петербург, 8 декабря 2022 г.) **136**

Н.В. ЯМПОЛЬСКАЯ. Выставка «Мудрость Востока: учители, ученики, книги» в Государственном музее истории религии **140**

РЕЦЕНЗИИ

Shi Jinbo. Tangut Languages and Manuscripts. An Introduction. — Leiden: Brill, 2020. — 540 p. (The Languages of Asia Series, vol. 20. Ed. by Alexandre Vovin, Jose Andres Alonso de la Fuente) (*К.М. БОГДАНОВ*) **144**

Наставления раннетанских императоров / Перевод с китайского, комментарии, исследование, приложения И.Ф. Поповой. — М.: Наука — Вост. лит., 2022 — (Памятники письменности Востока. CLIX / редкол.: А.Б. Куделин (пред.) и др.) — 310 с.: илл. (*Т.А. ПАН*) **147**

ПАВЛОВА М.Б. Сын бога Шивы: Жизнь и гимны раннесредневекового тамильского святого Самбандара в контексте религиозного течения бхакти в Южной Индии. — М.: Ганга, 2022. — 468 с. (ил.) (*Е.В. ТАНОНОВА*) **151**

IN MEMORIAM

Зограф Ирина Тиграновна (1931–2022) (*Т.А. ПАН*) **155**

На четвертой стороне обложки:
К статье Е.А. Десницкой. Ms. Ind. V, 73. Л. 1. Фонд индийских рукописей. Институт восточных рукописей РАН

© Институт восточных рукописей РАН (Азиатский Музей), 2023

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

The Institute of Oriental
Manuscripts
(Asiatic Museum)

PIS'MENNYE PAMIATNIKI VOSTOKA

Founded in 2004
Issued quarterly

Volume 20, No. 1
spring
2023

Issue 52

Editorial Board

Editor-in-Chief **Irina F. Popova**, Corresponding Member of RAS (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS
Deputy Editor-in-Chief **Tatiana A. Pang**, Ph.D. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS
Secretary **Elena V. Tanonova**, Ph.D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS

Alikber K. Alikberov, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow
VladimirM. Alpatov, Member of RAS (Phil.), Institute of Linguistics, RAS, Moscow
Svetlana M. Anikeeva, Ph. D. Sci. (Phil.), Nauka Publishers, Moscow
Boris V. Bazarov, Member of RAS (Hist.), Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, SB RAS, Ulan-Ude
Sergey L. Burmistrov, Dr. Sci. (Philosophy), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg
Anatoly P. Derevyanko, Member of RAS (Hist.), Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS, Novosibirsk
Serge A. Frantsouzoff, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg
Dmitrii V. Frolov, Corresponding Member of RAS, Moscow State University
Youli A. Ioannesyan, Ph. D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg
Aliy I. Kolesnikov, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg
Nikolay N. Kradin, Member of RAS (Hist.), Institute of History, Archaeology and Ethnology, FEB RAS, Vladivostok
Alexander B. Kudelin, Member of RAS, Institute of World Literature, RAS, Moscow
Irina V. Kulganek, Dr.Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg
Alexander N. Meshcheryakov, Dr. Sci. (Hist.), Higher School of Economics, Moscow
VladimirS. Myasnikov, Member of RAS (Hist.), Institute of China and Contemporary Asia, RAS, Moscow
Nie Hongyin, Prof., Beijing Normal University, Sichuan Normal University, China
Helena P. Osrovskaya, Dr. Sci. (Philosophy), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg
Stanislav M. Prozorov, Ph. D. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg
Nicholas Sims-Williams, Dr. Sci. (Phil.), University of London
Andrey V. Smirnov, Member of RAS (Philosophy), Institute of Philosophy, RAS, Moscow
Takata Tokio, Dr. Sci. (Phil.), Kyoto University, Japan, Fudan University, China
Irina V. Tunkina, Corresponding Member of RAS, St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS
Ramil M. Valeev, Dr. Sci. (Hist.), Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan
Olga V. Vasilyeva, National Library of Russia, St. Petersburg
Hartmut Walravens, Prof., Berlin State Library, Germany
Nataliya S. Yakhontova, Ph. D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

IN THIS ISSUE:

PUBLICATIONS

HISTORY, PHILOSOPHY, PHILOLOGY

Youli A. IOANNESYAN. "A Guide for the Perplexed" by Sayyid Kazim Rashti. Translated from Arabic and Persian. Part 4 **5**

RESEARCH WORKS

HISTORY, PHILOSOPHY, PHILOLOGY

Sergey L. BURMISTROV. "The Diamond Needle": The Buddhist Roots of a Brāhmaṇic Text **27**

Viacheslav M. RYBAKOV. On Some Principles of Rendering Old Chinese Administrative Terms into Russian **35**

MENG Xia, Natalia Y. TSAREVA. E.I. Kychanov's Translation of *The Revised and Newly Endorsed Code of the "Celestial Prosperity" Reign* in the Context of the Development of Modern Translation Studies **44**

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

TEXTOLOGY, CODICOLOGY, PALEOGRAPHY, ARCHEOGRAPHY

Evgeniya A. DESNITSKAYA. The Introductory Section of Varāhārya's *Maṅgalavāda* (a MS from IOM, RAS Collection) **58**

Yuliy I. DROBYSHEV. The Tangut State in Russian Chronicles **70**

COLLECTIONS AND ARCHIVES

Svetlana S. SABRUKOVA. A Collection of Photographs by A.M. Pozdneev (from the Archives of Orientalists at the IOM, RAS) **84**

Hartmut WALRAVENS. Otto Fischer (22 Mai 1886 — 9 April 1948) Veröffentlichungen zur asiatischen Kunst **95**

Irina K. PAVLOVA. A.N. Boldyrev: A Lifelong Service to Science **115**

ACADEMIC LIFE

Mark A. KOZINTCEV. International Scientific Conference XXXVII Kononov Memorial Lectures (St. Petersburg, October 28–29, 2022) **125**

Tatiana V. ERMAKOVA. The 16th All-Russian Oriental Conference in Memory of O.O. Rozenberg (St. Petersburg, November 21–22, 2022) **130**

Vasilii V. SHCHEPKIN. Scholarly Conference "Expeditions to the Ainu Lands" (St. Petersburg, December 8, 2022) **136**

Natalia V. YAMPOLSKAYA. "The Wisdom of the Orient: Teachers, Disciples, Scriptures" Exhibition at the State Museum of the History of Religion **140**

REVIEWS

Shi Jinbo**.** *Tangut Languages and Manuscripts: An Introduction*. Leiden: Brill, 2020. 540 pp. (The Languages of Asia Series, vol. 20. Ed. by Alexander Vovin, Jose Andres Alonso de la Fuente) (*Kirill M. BOGDANOV*) **144**

The Family Precepts of Early Tang Emperors. Translation from Chinese, commentary, research, indexes by I.F. Popova. Moscow: Nauka–Vostochnaya literatura, 2022 (Pamiatniki pis'mennosti Vostoka, CLIX / Ed. board: A.B. Kudelin et al.). 310 pp. with ill. (*Tatiana A. PANG*) **147**

Maria B. Pavlova. *A Son of Shiva: The Life and Hymns of the Early Medieval Tamil Saint Sambandar as a Part of Bhakti Movement in Southern India*. Moscow: Ganga Publishing House, 2022. 468 pp. (ill.) (*Elena V. TANONOVA*) **151**

IN MEMORIAM

Zograf Irina Tigranovna (1931–2022) (*T.A. PANG*) **155**

Back cover:
To the article by Evgeniya A. Desnitskaya. Pl. 1. Ms. Ind. V, 73, *folio* 1 from the Indian Manuscripts Collection of the IOM, RAS

Письменные памятники Востока. 2023. Том 20. № 1 (вып. 52). С. 5–26

«Путеводитель растерянных» Сайида Казима Рашти

Перевод с арабского и персидского

Часть 4[1]

Ю.А. ИОАННЕСЯН

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO205618

Статья поступила в редакцию 30.11.2022.

Аннотация: Настоящая статья представляет собой продолжение публикации со вступлением и комментариями перевода части ценного сочинения одного из основоположников шейхизма Сайида[2] Казима Рашти: *Далил ал-мутахаййирин* («Путеводитель растерянных»). Сочинение датируется 1842 г. Перевод выполнен с арабского оригинала с привлечением двух персидских переводов.

Ключевые слова: шиитские школы, шейхизм, Сайид Казим Рашти.

Для цитирования: *Иоаннесян Ю.А.* «Путеводитель растерянных» Сайида Казима Рашти. Перевод с арабского и персидского. Часть 4 // Письменные памятники Востока. 2023. Т. 20. № 1 (вып. 52). С. 5–26. DOI: 10.55512/WMO205618.

Сведения об авторе: ИОАННЕСЯН Юлий Аркадьевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (youli19@gmail.com). ORCID: 0000-0003-2936-1128.

© Иоаннесян Ю.А., 2023

Сочинение (трактат) *Далил ал-мутахаййирин* («Путеводитель растерянных») принадлежит перу одного из родоначальников шейхизма Сайиду Казиму Рашти. Шейхизм, появившийся на Ближнем и Среднем Востоке и бурно развивавшийся в конце XVIII — первой половине XIX в. как мистическое течение в шиизме, стал альтернативой и «шиитским ответом» общеизвестному феномену мистической мысли и прак-

[1] Часть 1 перевода из трактата «Путеводитель растерянных» Сайида Казима Рашти см. (Иоаннесян 2022а). Часть 2 перевода см. (Иоаннесян 2022б). Часть 3 перевода см. (Иоаннесян 2022в).

[2] Как и в других наших работах по шейхизму, в слове «Сайид» в составном имени: «Сайид Казим (Рашти)» мы пишем с прописной буквы, без удвоения «й». В остальных случаях с удвоением «й».

тики в исламе — суфизму. В шейхизме отчетливо выделяются две относительно самостоятельные составляющие, связанные с двумя фазами его истории: одна (ранняя) пришлась на период, предшествующий зарождению в 1844 г. бабизма и ознаменовавшийся деятельностью основателей шейхизма — Шайха Ахмада Ахса'и и Сайида Казима Рашти; другая соответствует последующему периоду, связанному со смертью Сайида Казима Рашти, возникновением бабизма, переходом многих видных шейхитов в бабизм, расколом тех, кто не признал основателя бабизма — Баба и встал в резкую оппозицию к нему. Сайид Казим Рашти (Сайид Казим) явился учеником и продолжателем дела Шайха Ахмада Ахса'и, которому в первую очередь и посвящен настоящий трактат, раскрывающий как исторические, так и мировоззренческие аспекты раннего шейхизма.

Трактат написан по-арабски в 1258/1842 г. Эта дата (11-го числа месяца *раби'* I 1258 г.) указана в его авторском колофоне. Данное сочинение также представлено персидскими переводами, сделанными вскоре после его появления. Публикуемый ниже русский вариант выполнен нами с арабского оригинала по второму изданию трактата: *ал-Хаджж Сайид Казим ар-Рашти*. Далил ал-мутахаййирин. Ат-таб' ассани. Кирман: Матба'а «ас-Са'ада» (без указания даты) и двум персидским переводам. Один из них, осуществленный Зайн ал-'абидином Ибрахими, издан типографским способом и, если судить по его колофону, появился в том же году, что и оригинал, всего через месяц после выхода в свет последнего (14-го числа месяца *раби'* II 1258 г.): *ал-Хаджж Сайид Казим ар-Рашти*. Далил ал-мутахаййирин. Тарджума: Зайн ал-'абидин Ибрахими. Чап-и дуввум. Кирман: Чапхана «Са'адат» (без указания даты). Второй, выполненный учеником Сайида Казима — Мухаммадом Рази б. Мухаммадом Ризой в 1276/1859 г., включен в сборник литографированных шейхитских текстов, изданный, наиболее вероятно, в Табризе, экземпляр которого представлен в коллекции ИВР РАН (шифр: Pk 213). Сборник этот без пагинации, а указанное сочинение занимает в нем первые 50 листов. Перевод З. Ибрахими значительно ближе к оригиналу, чем Мухаммада Рази. Данное обстоятельство объясняется не низкой квалификацией последнего, а его желанием максимально доступно преподнести авторский текст читателю, для чего переводчик прибегает к многочисленным собственным вставкам и пояснениям, порой в виде пространных пассажей, отсутствующих в оригинале. Этот перевод ценен и в том отношении, что он помимо раскрытия смысла сочинения наглядно демонстрирует, как понималось учение основателей шейхизма их ближайшими учениками.

В представленном ниже переводе в квадратных скобках слева с пометой «а» указана страница арабского оригинала сочинения, с пометой «п» — порядковый номер страницы литографского сборника с персидским переводом трактата, выполненным Мухаммадом Рази б. Мухаммадом Ризой в (см. выше).

Перевод
Путеводитель растерянных

В те же дни губернатор Багдада казнил дядю нашего шайха, блистательнейшего шайха и достойнейшего, благороднейшего богослова аш-Шайха Муса б. аш-Шайха Джа'фара, да объемлет их Бог Своей милостью и изольет на них дожди с облаков Своего прощения, по причине возведенной на него клеветы и наветов в связи с предметом,

существенно менее значительным, чем тот, который упомянули мы, так как клевета та представляла собой заявление без доказательства и свидетельства. Сие несмотря на то что досточтимый аш-Шайха Муса пользовался у него[3] безграничным уважением и [а. 82] почетом. Если такое стало возможным / из-за клеветы, связанной с меньшим, чем те пассажи [из книги], то что, по-твоему, [случится], если обнаружит их он[4] в книге и узнает доподлинно, что таковы слова [Шайха Ахмада] и его учение? Как представляешь ты его действия? Не заслужит он ни осуждения, ни порицания, когда пойдет на всё — казнит, разграбит имущество, возьмет в плен или предпримет нечто другое [по отношению к виновному], если только на пути его желания не встанет Бог.

Затем они[5] показали ему[6] другую бумагу, а в ней — их собственные подделки и [п. 47] ухищрения, приписав нашему наставнику и господину слова о том, что Повелитель верующих ʻАли б. Аби Талиб, мир ему, и есть «Творец и Податель благ, оживляющий и умертвляющий». Они[7] же не признают непосредственную передачу ему власти в *халифате* после Посланника Божьего, благодать Божья и мир на нем и на его семействе. Как могут они признать за ним подобные дела и воспринимать приписывание ему этих [функций]? В их глазах утверждающий такое — самый порочный из нечестивцев и самый безбожный. Следует его убить, кровь пролить, а жилище вместе с домочадцами отдать на разграбление всеми способами. Посылая эту книгу [губернатору], они преследовали лишь одну цель — сделать так, чтобы от Шайха [Ахмада], да возвеличит Бог его положение, не осталось бы и следа, и, более того, чтобы из-за него пострадали все шииты. Как сказал ибн аз-Зубайр[8] в битве в «День верблюда»: «Убейте меня и Малика».

Когда узнал[9] об этом наш наставник, Шайх [Ахмад], его охватила глубокая печаль и длительная скорбь из-за того, что нанесен был вред всем шиитам и ему [а. 83] самому. В любую минуту и в каждое мгновение ожидал он беды, так / что напрочь лишился отдыха и покоя. Знание и бремя религиозных обязанностей перед Богом потребовали от него бежать. И поскольку бегство к Богу, Преславному, есть защищенность от всех опасностей, то он совершил побег к Богу, Преславному, подчиняясь повелению Бога, который говорит: «Бегите же к Богу»[10]. Вознамерился он отправиться в паломничество к Дому Божьему из страха перед «фараонами этой общины», следуя примеру Господина мучеников, когда тот сбежал от них из заповедной обители своего деда, Посланника Бога, да пребудут над ним и его семейством благодать Божья и мир, к Дому Божьему. Так же и Шайх [Ахмад], да возвысит Бог положение его и водрузит его стяги в обоих мирах! Он совершил побег от притеснителей и пустился в дорогу вместе с домочадцами, семьей, сыновьями, дочерями и

[3] Т.е. губернатора.

[4] Т.е. губернатор.

[5] Т.е. клеветники.

[6] Т.е. губернатору.

[7] Т.е. сунниты.

[8] ʻАбд Аллах б. аз-Зубайр ал-Кураши — один из известных сподвижников пророка Мухаммада, политический деятель Аравии VII в., претендент на пост халифа. См. о нем (Прозоров 2004: 39). В битве, получившей название «битва в День верблюда» и окончившейся победой имама ʻАли, аз-Зубайр выступил на стороне противников ʻАли.

[9] В оригинале переходный глагол: اخبر, не соответствующий контексту, ср. у Ибрахими: ...شیخ باخبرشدند (Ибрахими: 84), у Мухаммада Рази: وقوف یافت .

[10] Коран 51:50.

женами. Продав всю имевшуюся у них утварь и женские украшения, он отправился в путешествие. Путешествие это было [для него] тяжелым из-за хрупкого его телосложения, физического истощения, преклонных лет и неимоверного страха. Уложив свой походный скарб, тронулся он в путь с семьей, оставив меня одного и беззащитного в руках тех гнусных людей, без какой-либо подмоги и помощи[11], кроме поддержки Бога, Его попечения и охраны.

Когда достиг [Шайх Ахмад] с семьей и некоторыми детьми Хадиййи, что в трех привалах от озаренной светом Медины, пришли к нему вестники от Бога, Преславного, и позвали его в пределы близости к Богу, возгласив: «Поспеши к спасению, поспеши к спасению!». И подул на него возбуждающий ветер и вызвал в нем страстное желание [а. 84] встречи с Богом, Всевышним. Затем сошло на него дуновение забытья / и побудило [п. 48] его предать забвению сей мир и то, что в нем. Потом овеяло его ветром щедрости и подвигло его охотно даровать свой дух на стезе любви к Богу, Всевышнему. И перенесся он из тесного узилища сего на широкие просторы, и воссоединился со своими Друзьями, достигнув предела в близости к ним и отдыха от мирских скорбей и тягот, от страданий и забот, от огорчений и смуты. Взамен обрел он [общество] Друзей, к которым всегда испытывал тяготение, и товарищей, которые [никогда] не покидают его и с которыми не расстается он сам. Его бегство внешнее соединилось с бегством *истинным*. Направлялся он к внешнему Дому Божьему, а достиг *Обитаемого дома*[12] истинного. Непрестанно кружится он вокруг этого Дома, бросая пристальные взгляды в сторону света сияющей лампады, зажженной от огня Древа, которое ни восточное, ни западное. Масло ее готово воспламениться, хотя бы его и не коснулся огонь[13].

С его кончиной случилось бедствие, воспрепятствовать которому не могло ничто. Произошло землетрясение[14], и возникла великая суматоха. Многие богословы погибли вслед за [Шайхом Ахмадом]. Наступила смута *джихада*[15], и с ней потускнел блеск Ислама. Мусульмане претерпели унижение от неверных/неверующих, погибло множество народу, совершилось поругание почитаемого, у неверных/неверующих появилось доказательство против мусульман. Из-за этого русские отважились напасть на [а. 85] Византийское царство[16], после того как сами были они попираемы / и повержены этим царством, и приобрели многие из византийских владений, и покорили земли Ислама. И заколебались его столпы, пришло в негодность само его основание и уже совсем было разрушилось, как Бог, Всевышний, поправил его Своею безграничной благоустроительной милостью и исчерпывающей мудростью. И было возвращено им[17] государство, хотя и пришлось им после сего покориться, повиноваться

[11] Букв.: без защитника и помощника.

[12] *Обитаемый дом* — в тексте: البيت المعمور. В средневековом персидском толковом словаре «Гийас ал-лугат» данный термин поясняется так: «البيت المعمور — это мечеть из изумруда или яхонта, расположенная на четвертом небе напротив *Ка'бы* (مقابل كعبه) таким образом, что если из нее что-либо выпадет, то приземлится на крышу *Ка'бы*… „Обитаемой“ названа потому, что она постоянно населена посещающими ее ангелами» (Рампури 1899: ст. «Байт»).

[13] Аллюзия на коранический стих 24:35: «Бог — свет небес и земли. Его свет — точно ниша; в ней светильник; светильник в стекле; стекло — точно жемчужная звезда. Зажигается он от дерева благословенного — маслины, ни восточной, ни западной. Масло ее готово воспламениться, хотя бы его и не коснулся огонь…».

[14] *…землетрясение…* — не ясно, идет речь о физическом землетрясении или о потрясении в переносном смысле. В оригинале: زلزلة, у Ибрахими: زلزله, но у Мухаммада Рази: آشوب.

[15] *Джихад*/*ал-джихад* — борьба с врагами ислама, см. (Прозоров 2004: 212).

[16] Византийское царство — имеется в виду Османская империя.

[17] Т.е. к мусульманам.

и подчиниться велению Франции. Всё это явилось итогом *джихада*, охватившего целиком земли и рабов [Божьих]. И возникли великие смуты и испытания, которые стихли лишь недавно, но их последствия сохраняются, и нет им конца.

Вкратце, после кончины [Шайха Ахмада], да возвысит Бог его положение, и [завершения] сияния его довода, некоторые[18] посчитали, что его воздействие прекращается, ве́сти о нем канут в лету, его огонь погаснет, а его свет померкнет[19]. И года два они безмолвствовали. И узрели они, что свет его непрестанно усиливается[20], благополучная звезда его знаний и следов воздействия неизменно [сияет] на вершинах и в заоблачных высотах, опять взялись они за старое и приступили к травле сего жалкого, несчастного и бедного раба, сделав меня мишенью для своих [язвительных][21] языков, без повода и основания, только за то, что превозношу я добродетели [Шайха Ахмада], заявляю громогласно о его заслугах, обучаю на основе его сочинений и делаю отборные жемчужины плодов его произведений достоянием людей.

[а. 86] Отправили мне послание: / «Бросай путь, по которому идешь». В ответ я заметил, что путь, по которому иду, состоит в познании Господа, Божьих имен, Его атрибутов, деяний, следов воздействия, Его пророков и посланников, категорий Его созданий, доказательств и уполномоченных, абсолютного пророчества [Мухаммада], абсолютного повиновения имамам, в постижении единобожия, его ступеней и устранения [п. 49] возникающих сомнений и колебаний в данном вопросе[22]. А если происходит дискуссия по этим вводящим в заблуждение людей и сбивающих их с толку темам, то да здравствует Ислам! Для чего тогда сотворены создания и для чего ниспосылались пророки? Сказал Повелитель верующих, мир ему: «Начало религии — познание Бога, а совершенство в постижении Его — признание единобожия, совершенство в признании единобожия — отрицание для Него описания через придание Ему качества из-за того, что каждое качество свидетельствует о том, что [само] оно не есть описуемое этим качеством, и всякое описуемое свидетельствует о том, что оно не есть то качество, каким его описывают. Качество и описуемое свидетельствуют о том, что между ними есть сочетаемость. Сочетаемость свидетельствует о *начальности*[23], а Он недоступен вечности, которая недоступна *начальности*. Потому всякий, кто описал Его, в действительности счел Его сочетаемым с чем-то, а каждый, кто счел Его сочетаемым, признал этим Его двойственность, а любой, признавший Его двойственность, разделил Его на части, а всякий, кто разделит Его на части, — заблудший в данном вопросе».

Они ответили мне: «Те знания, о которых споришь ты, — из области мудрости[24], а мудрствующие суть сбившиеся и сбивающие с пути людей». На это я сказал: «За что

[18] У Мухаммада Рази: «нечестивцы и смутьяны».

[19] У Мухаммада Рази: «посчитали… его свет затушенным».

[20] У Мухаммада Рази: «затем узрели они, что свет его засиял вновь».

[21] Это слово добавлено у Мухаммада Рази и Ибрахими.

[22] У Мухаммада Рази конкретнее: «в вопросе единобожия».

[23] «Начальность» — религиозно-философский термин, означает всё сотворенное как имевшее начало или которому было положено начало актом творения. «Начальное» в этом смысле противопоставляется «безначальному», т.е. божественному, ср. далее в тексте.

[24] Термин حكمة(ال), по-персидски: حكمت, означает как «мудрость», так и «философию», что отражено и в словаре Деххода (Фарханг-е Деххода). Нам представляется, что автор имеет в виду не абстрактную «мудрость», а «философию». Мы здесь переводим термин как «мудрость» из-за того, что в коранических стихах, на которые ссылается автор, это слово так передано И.Ю. Крачковским. С.М. Прозоров переводит *‘илм ал-хикма* как «учение о божественной мудрости» (Прозоров 2004: 390).

порицаете вы мудрость, за название или за ее смысл? Если дело в названии „мудрость“, то ее превознес Бог, Всевышний, в Своей Книге и упомянул о ней: „Не посылал Он [а. 87] посланцев, кроме как / для того, чтобы обучить людей мудрости“[25]. И еще изрек Он в величии Своем: „Он послал среди простецов посланника из них; он читает им Его знамения, и очищает их, и обучает их писанию и мудрости“[26]. И сказал Всевышний о Да’уде/Давиде: „Мы даровали ему мудрость и решительность в речи“[27]. И сказал Всевышний: „Мы еще раньше даровали Лукману мудрость“[28]. И [еще] Всевышний изрек: „А кому дарована мудрость, тому даровано обильное благо“[29].

Подобных этим стихов множество, а предания не поддаются исчислению. Упоминание о них и их изложение затянут повествование. А если порицаете[30] вы мудрость за ее значение, то мудрость состоит в познании Бога и Его единобожия, и сопряженных с Его познанием Его имен, качеств, деяний и следов воздействия Его деяний, кои представляют собой подлинное бытие созданий, сущности и истины, равно как [состоит она] и в познании своей души[31] с точки зрения ее украшенности[32] сими[33] качествами и достоинствами и очищенности от всего низменного, в постижении божественного управления, предписаний данного в откровении закона в области практического богословия, заключения сделок и договоров, индивидуальных правовых актов и постановлений. К такому пониманию мудрости подводит упомянутое нами ранее изречение Всевышнего: „Не делай с Богом другого божества, чтобы не оказаться тебе порицаемым, оставленным“[34]. Указывает оно на четыре ступени единобожия и на то, что относится к нему из имен, качеств, деяний и следов [их] воздействия. Посему если не [а. 88] описываешь[35] ты Преславного / в том, что подобает Ему из Его блистательного величия и славы, через Его качества, деяния и следы Его воздействия, то избираешь для [п. 50] себя другого Бога, отбросив[36] качество Его подлинного бытия[37].

Затем изрек Преславный: „И решил твой Господь, чтобы вы не поклонялись никому, кроме Него“[38]. [Этим] указал Он на единобожие в поклонении Ему, поскольку оно — самая явная из ступеней единобожия. Потом сказал Он: „и к родителям благодеяние“[39]. [Почтение] к родителям увязал Бог, Преславный, с единобожием и поклонением Ему, и превознес Он их[40] в Своем описании, сказав, что они — воспитатели. [А теми] выступают исключительно Пророк и его наместник, по слову Пророка, благодать Божья и мир ему и его семейству: „Я и ‘Али — отцы этой общи-

[25] Стиха в таком виде в Коране нам обнаружить не удалось.
[26] Коран 62:2, ср. также 3:158(164).
[27] Коран 38:19(20).
[28] Коран 31:11(12).
[29] Коран 2:272(269).
[30] У Ибрахими здесь глагол 3-го лица мн. ч.
[31] Может быть понято и как «себя».
[32] *…украшенности…* — в оригинале: تحليها, у Мухаммада Рази: متحلّی بودن آن, но у Ибрахими: تجلی (Ибрахими: 89).
[33] Т.е. божественными.
[34] Коран 17:23(22).
[35] У Мухаммада Рази глаголы во фразе в 3-м лице ед. ч.
[36] Букв.: разрушив.
[37] *…отбросив качество Его подлинного бытия…* — в оригинале: ناقض فی صفة. У Ибрахими: نقض که در وصف کننده صفت کینونت او شده ای. Мухаммад Рази читает ناقض как ناقص и переводит всю фразу иначе: کینونیتش ناقص است.
[38] Коран 17:24(23).
[39] Продолжение того же стиха.
[40] Т.е. родителей.

ны“. И [так] указал он на признание пророческой миссии Мухаммада и повиновение имаму, как и на то, что сопряжено с ними из качеств, повелений, их неотъемлемых принадлежностей и всего относящегося к ним. Затем изрек Преславный: „И если у тебя достигнет старости один из них или оба, [то не говори им — тьфу!]“[41]“[42] и далее по тексту до слов: „И не ходи по земле горделиво: ведь ты не просверлишь землю и не достигнешь гор высотой! Зло всего этого для Господа твоего отвратительно“[43].

Среди всех этих стихов одни — из области науки о нравах и воспитания души, другие — о повелениях данного в откровении закона, как становится очевидным при небольшом размышлении, толкование же их затянет повествование, сделав его скучным. После того как упомянул Преславный познание Бога, Его качеств, следов воздействия, деяний, имен, Пророка, его наместника, воспитание души и поклонение Богу, [а. 89] Преславному, как предписал Он законом, сказал Он: „Это — то, / что внушил тебе Господь твой из мудрости“[44]. „Мудрость“ часто используется в значении пяти принципов: учения о единобожии, веры в божественные справедливость и правосудие, признания пророческой миссии Мухаммада, учения об *имамате* и веры в воскресение и Судный день[45]. Как изрек Всевышний, „Мы еще раньше даровали Лукману мудрость“[46], „Благодари Меня и твоих родителей: ко Мне возвращение“[47]. Итак, через благодарность Себе указал Преславный на познание единобожия и Его справедливости, посредством „родителей“ — на пророчество [Мухаммада] и на повиновение имаму, а словами „ко Мне возвращение“ — на воскресение и Судный день.

Неужели обсуждение этих аспектов, ради которых мир и сотворен, заслуживает мести? „Ты мстишь нам только за то, что мы уверовали в знамения Господа нашего, когда они к нам пришли. Господи наш! Пролей на нас терпение и упокой нас предавшимися[48]“. А если некоторые сошли с прямого пути в мудрости, что привело к ее неприятию [вами] и нежеланию упражняться в ней, то [по той же причине] следовало бы отказаться от большинства и даже от всех наук, так как не существует науки, в которой не раздавались бы голоса людей лжи. Это особенно относится к исламскому праву (*фикху*), представляющему собой науку о предписаниях по частным вопросам религиозного закона. Ведь в ней преумножили они нововведения и омерзительные деяния, такие как суждение по аналогии[49], мнение, одобрение и другие изобретения и произвольно придуманные установки. Не вижу, чтобы вы отвратились и отказались от них и им подобных. А если спорите и печетесь вы о различении, то есть различении худого и [а. 90, п. 51] здорового, / истинного и ложного, отборного напитка и миража, то под мудростью мы разумеем именно это. Посему необходимо погружаться в размышления о ней, упражняться в ней, участвовать в обсуждениях ее, чтобы отличать истинное от ложного, отборный напиток от миража, худое от здорового. Почему же не от-

[41] Этой части стиха, помещенной в квадратные скобки, в тексте нет. Мы вставили ее, чтобы довести фразу до логического завершения.
[42] Коран 17:24(23).
[43] Коран 17:39(37)–40(38).
[44] Коран 17:41(39).
[45] Ср. (Прозоров 2004: 74).
[46] Коран 31:11(12).
[47] Коран 31:13(14).
[48] Коран 7:123(126), ср. 5:64(59).
[49] См. (Прозоров 2004: 56).

вергли вы размышления на другие [темы] и обсуждения их, но отвергли [то же самое] применительно к ней[50]? „Что с вами, как вы судите?“[51]»[52].

Тогда ответили они: «Опасность в глубоких размышлениях о мудрости и упражнениях в ней велика, ибо ошибка в ней обрекает на вечный адский огонь, тогда как упражнения в другом, наоборот, не навлекают адского огня и пребывания навеки в стране погибели».

И тогда я сказал: «О Боже, Преславный! Если вы не упражняетесь в ней, то как можете отличить ее истинное от ее ложного, порочное воззрение от здравого воззрения? Быть может, человек пребывает в неверии и ереси, а воображает, что это и есть признание единобожия. И при этом слабеют сердца и впадают в любое сомнение. Сие есть подтверждение слов Повелителя верующих, мир ему: „Мелкие мухи, что следуют за всякой каркающей вороной, носимые любым ветром“. А вот речение Всевышнего: „А когда ты их увидишь, тебя восхищают их фигуры. Если они говорят, ты слушаешь их слова, точно они столпы приставленные. Они принимают всякий крик — против них. Они [а. 91] враги, берегитесь же их! Пусть Бог их / поразит, до чего они обольщены!“[53]. Таким образом, если сердце не зиждется на проницательности, не вразумлено светом ясного довода, озаряющим сиянием и зажженным сверкающим факелом, то не может оно отбросить проникающие в него сомнения и возникающие колебания. И постоянно происходит [у такого человека] нагромождение сомнений, пока не выведут они его за пределы правильного убеждения.

Так, спросили как-то у сего богослова[54] о противоречии в словах [имама], мир ему, в молитве: „О Тот, кто [существует] до всякой вещи! О тот, кто будет после всякой вещи!“, „тогда как из положений учения и религии известно, что необходимо признавать рай и ад вечными, не ведающими ни конца, ни угасания во веки веков, пока стоит мир Божий. А если они не преходящи, то может ли быть Бог, Преславный и Всевышний, после них?“. И ответил он: „Из правил лексикологии известно, что нет такого общего, что не становилось бы частным. Посему Бог, Преславный, [будет] после всякой вещи, за исключением рая и ада, так как они не прейдут никогда“[55]. Взгляни на этот никчемный ответ и сии пугающие слова! Если бы он поразмыслил над постижением Бога так, как повелел Бог, Преславный, и в том, в чем обязал Он из признания единобожия и таинств Его единственности и отвлеченности, то было бы ведомо ему, что у Преславного Бога не бывает перемены состояний, и не разнится Его отношение [к чему-либо], не присущи Ему, [а. 92] / Преславному, „аспекты“. А потому Его „предшествование“ тождественно Его [п. 52] „следованию за [чем-либо]“. Он бывает „перед“ и одновременно „после“, притом что Он — „опережающий“ и „первый“, Он — „последний“. Он — „последний“, будучи „первым“, и „ближний“, будучи „дальним“, и „дальний“, будучи „ближним“. Не действуют в отношении Него ни связи, ни приращения, не присуща Ему череда

[50] Т.е. к мудрости.

[51] Коран 68:36.

[52] Здесь заканчивается пространный полемический пассаж, обращенный к оппонентам Сайида Казима. Для удобства восприятия мы разделили его на абзацы.

[53] Коран 63:4.

[54] Не ясно, о ком конкретно идет речь. Персидские переводы также не проливают свет на это обстоятельство.

[55] Мухаммад Рази поясняет в тексте: «Т.е. нет общего принципа, который бы не выражался в частных случаях. В данном вопросе противоречие разрешается посредством того, что Бог, Всевышний, „после всякой вещи, кроме рая и ада“».

состояний, и не преображаются Его качества. Не отличается Его положение „перед творением“ от положения „после творения“, и не поминается *начальное*[56] в *безначальном*. „Хвала Ему, и превыше Он того, что они Ему приписывают“[57], „и превыше Он того, что [о Нем] говорят, на великую высоту!“[58]. Если бы он[59] углубился, взглянул [проницательным взором], призадумался и постарался осмыслить, то попалось бы ему на глаза изречение нашего господина [имама] ас-Садика[60], мир ему, которое передал *Сикат ал-Ислам*[61]: „Бог непричастен творению, Его творение непричастно Ему“, и то, что привел ас-Садук[62], да смилуется над ним Бог, о единобожии из проповеди нашего господина его святости [имама] ар-Риды/Ризы, мир ему, в собрании ал-Ма'муна: „Всему, что есть в творении, нет доступа к Творцу“.

Одним словом, нерадивость и небрежение в познании Бога, Преславного, неизбежно ведут в водовороты подобных бедствий и погибели. Одному из богословов, претендующих на ученость и главенство, сказали: „Посланник Божий, да пребудет благодать Божья над ним и его семейством, вознесся на небо ночью. Как же совершил он полуденную молитву? Ведь полуденная молитва творится не иначе, как при полуденном [а. 93] солнце. Неужели бывает день ночью? / Откуда полдень в полночь? Что это была за молитва?“ Смутился тот и растерялся. Затем призадумался, погрузился в размышление. Потом сказал: „Он совершил молитву в неурочное время“. Тогда спросили у него: „Как может Посланник Божий пренебречь [своевременной] молитвой, чтобы молитва его стала внеурочной?“. Тот ответил: „Он сотворил молитву вместо другого лица“.

Взгляни на этого человека! Из-за того, что не занимался он познанием Бога, [не изучал] воздействия творений Божьих и не соглашался на то, чтобы сказать: „Я не знаю“, в какой водоворот губительных бедствий вовлек он себя! Некий богослов в одном из своих сочинений упомянул, что у Бога нет местоположения, иначе смешался бы он с нечистотами. Это высказывание верно по отношению ко всему телесному, поскольку смешение есть свойство тел. А если бы было у Преславного место, то невозможно допустить, чтобы какое-либо место было свободно от Него. Тогда Он неизбежно должен был пребывать в нечистотах и грязи, а иначе Его место должно было бы пустовать. Но поскольку такое смешение невозможно, то из этого вытекает, что нет у Него местоположения.

Одним словом, подобных случаев множество, и такие обмолвки не редкость. Всё это исключительно по причине небрежения к познанию Бога и представления о том, что сие [якобы] „не наша обязанность“. И оказались они там, где оказались — в смятении и замешательстве от этих сомнений, которые постоянно их одолевают и создают им трудности»[63]. Они[64] же ответили: «Нам достаточно знаний простых людей / и

[56] *…начальное…* — букв.: возможно-сущее. И «возможно-сущее», и «начальное» — синонимы «тварного» и антонимы «безначального», «предвечного», т.е. несотворенного.

[57] Коран 6:100.

[58] Коран 17:45(43).

[59] Т.е. богослов, которого критикует автор.

[60] Ас-Садик — шестой шиитский имам Абу ʻАбд Аллах Джаʻфар б. Мухаммад ас-Садик.

[61] Сикат ал-Ислам — титул («надежный повествователь исламских преданий»), закрепленный, в частности, за крупнейшим богословом куммской школы и собирателем преданий Мухаммадом б. Йаʻкубом ал-Кулини (ар-Рази). См. (Прозоров 2004: 255, 261; и др.).

[62] Ас-Садук — Абу Джаʻфар Мухаммад б. ʻАли ас-Садук ал-Кумми, известный также как Ибн Бабуйа, шиитский богослов и правовед, знаток шиитских преданий. См. (Прозоров 2004: 308–309).

[63] Здесь заканчивается очередной пространный полемический пассаж, обращенный к оппонентам автора, с которыми он продолжает спор.

[64] Т.е. оппоненты.

[а. 94, п. 53] обобщенных познаний в удовлетворительных пределах. Углубление в тонкости и обсуждение частных вопросов не является необходимостью, и нет нужды в том». На это я сказал: «Да, обобщенные знания уместны в том случае, если их детализация не повергает [их носителя] в беспокойство, противоречие и смятение. Тогда их достаточно для того, чтобы человеку быть мусульманином и убежденным[65]. Но богословы и правоведы из наших сотоварищей и из исламских правоведов в целом едины во мнении, что [для обладания] необходимой компетентностью требуются детальные познания в сфере философии и спекулятивного богословия, постижение реальностей вещей, их тонкостей и подробностей, [а также] сомнений, возникающих в данном деле. Сие нужно человеку, для того чтобы готов был он рассеять сомнения вокруг Ислама, развеять подозрения и вымыслы, связанные с верой, и умел осознавать уловки лукавого и случаи, при которых вкрадываются сомнения от него. Конечно же, лукавый не вселяет сомнений с одной стороны, но делает это с разных сторон и посредством различных наук. Иногда это происходит через астрономию, временами через геометрию, порой посредством талисманов и магии, в иных случаях при помощи науки о буквах. Сообразно сему разнятся и аспекты, относительно которых появляются сомнения, и случаи использования им[66] уловок[67].

Посему непременно должен быть совершенный[68] ученый-мудрец[69], который был [а. 95] бы сведущ в сих различных / аспектах[70], озаренный светом проницательности, чтобы устранять сомнения[71], опровергать доводы притязающего на пророчество[72] и развенчивать сомнения суфиев, кои порождают великие муки и образуют огромную завесу над этой доблестной верой и этим правым учением»[73]. [Достижение этого положения не есть обязанность, распространяющаяся на каждого][74]. «…„обязанность, не распространяющаяся на каждого“ — та, что возлагается на всех совершеннолетних, пока не поднимется на ее [выполнение] один из них и снимется она с дру-

[65] *…убежденным*. — В оригинале: موقناً. У Мухаммада Рази и Ибрахими: مؤمنی.

[66] Т.е. лукавым.

[67] Ср. тот же пассаж в переводе у Мухаммада Рази, который по-иному расставляет акценты: «Но исламские богословы, правоведы и авторитеты едины в том, что богослову необходимо быть сведущим и разбираться в тонкостях научных знаний, философии, спекулятивного богословия, в реальностях вещей, в глубинах сомнений [верующих] и в путях возникновения сомнений, чтобы быть ему способным рассеивать те колебания, сомнения и порочные представления, что появляются у последователей Ислама, [а также] постигать дьявольские ухищрения и уловки и осознавать случаи, [при которых вкрадываются] сомнения... Ведь путь к обольщению и наваждению открывается перед дьяволом различными способами и через диковинные знания...».

[68] Мухаммад Рази добавляет: «и всеобъемлющий».

[69] В этой фразе излагается концепция «четвертого столпа» шейхитского учения, согласно которой необходимо во все времена наличие особого канала связи со «Скрытым имамом» и божественного водительства для наставления паствы в лице особого «ученого мужа». Этой теме посвящены многие наши работы.

[70] Мухаммад Рази добавляет: «и случаях».

[71] У Мухаммада Рази: «чтобы не дрогнул / не оказался слабым он в устранении каких бы то ни было из этих сомнений».

[72] Эта часть фразы о «притязающем на пророчество» представляется туманной в оригинале: ويدفع حجة المتنبّى, но четко сформулирована у Ибрахими: وحجت مدعی پیغمبری ... را دفع کند. У Мухаммада Рази она вовсе отсутствует (см. его вариант в примеч. ниже). Не исключено, что она является последующей интерполяцией заинтересованных лиц и направлена на оспаривание статуса Баба — основателя бабизма.

[73] У Мухаммада Рази: «чтобы… оказался способен рассеивать подозрения суфиев и опровергать доводы, кои порождают великие муки и образуют огромную завесу над этой доблестной верой».

[74] Этой фразы нет в оригинале, но она имеется в обоих персидских переводах.

гих. Посему [всем] обремененным духовными обязанностями необходимо прилагать достаточно усилий и выказывать сильное рвение для овладения философией, спекулятивным богословием и теологическими познаниями в удовлетворительных для того пределах. А это возможно только тогда, когда многие будут заняты [этим], пока не достигнут ступени совершенства двое, трое или четверо из них[75], чтобы не опустела земля, лишившись того, кто бы восстал из доверенных/заместителей Имама, мир ему, явно и зримо с Доказательствами Божьими[76].

Знание исламского права полагаете вы обязанностью, не распространяющейся на каждого, сочтя ложным утверждение *ханбалитов*[77], заявляющих о праве как о всеобщей обязанности. И удовлетворились вы [в этом деле] подражанием [авторитету]. На каком же основании признаёте вы необходимыми дискуссии, размышления и собрания людей для изучения [одного из предметов], не возлагающихся в качестве обязанности на каждого, и воспрещаете это в случае с изучением другого такого предмета? И это притом что оба из них причисляете вы к обязанностям, не распространяющимся на каждого. Так, применительно к богословским принципам достаточным бывает общих знаний, а в частных вопросах довольно подражания [авторитету].

[а. 96] Почему же заставили вы / людей погружаться в дискуссии и размышления [п. 54] по частным вопросам для развития ими навыка извлечения доказательств при изучении того, что не является всеобщей обязанностью, и запретили им дискуссии и размышления для обретения познаний в сфере теологии и рационалистической догматики? Неужели потребно обсуждать частности, но непозволительно обсуждать основы? Это, поистине, несправедливое разделение. Здесь уместна известная пословица о добавлении частного к основе. На чем будут корениться расходящиеся в стороны ветви, если нет прочной основы? „Установи трон и потом украшай“.

О чем бы из теологических вопросов, элементов божественной религиозно-философской системы, знаний о деяниях, следах воздействия, именах и качествах [Бога], пророчестве [Мухаммада] и повиновении имаму ни рассуждали мы, не говорим мы, основываясь исключительно на доводах разума, хотя у вас и это считается достаточным. Так поступают другие из тех, кто назвался „философом“. Они и рассуждают с позиции „чистого разума“ о теологических вопросах независимо от того, соответствует ли это данному в откровении закону или нет. Мы же с Божьей помощью не идем по сему пути и не используем этот метод. Напротив, первоначально мы следуем доводам разума, затем выявляем то, в чем указания однозначно толкуемых стихов Корана согласуются с доводами разума, потом обращаемся за руководством к *сунне*[78] в том, что вытекает из однозначных слов в неоспоримых и известных преданиях[79], согласующихся с доводами разума, и далее рассматриваем [предмет с точки зрения норм][80] религиозно-правовой [а. 97] школы и / сопоставления их с выводами этого трехчастного [анализа]. Если эти [трехчастные выводы] противоречат [нормам религиозной школы], то отвергаем

[75] У Мухаммада Рази: «двое или один из них».

[76] У Мухаммада Рази: «чтобы им могло быть утверждено Доказательство [Божье] и мог быть явлен доверенный/заместитель имама среди Божьих созданий».

[77] В оригинале: الحابيين, но в сноске приведен вариант:حنبليين. Последний у Ибрахими дан в скобках. У Мухаммада Рази — только: حنبليين. О *ханбализме* см. (Прозоров 2004: 118).

[78] У Мухаммада Рази: «к достославной сунне». *Сунна* — пример жизни пророка Мухаммада как образец и руководство для мусульманской общины.

[79] У Мухаммада Рази: «из однозначно толкуемых стихов Корана».

[80] «Нормы» — добавлены у Мухаммада Рази.

мы их[81] по той причине, что религиозно-правовую школу считаем мы более сильным и веским [аргументом]. Затем[82] обращаем мы взор к знамениям, „явленным по странам и в нас самих“, по слову Всевышнего: „Мы покажем им Наши знамения по странам и в них самих, пока не станет им ясно, что это — истина“[83]. После [такого анализа][84] заключаем мы об истинности и непреложности [собственных выводов]. Ибо нет другого пути, который установил для нас Бог в [поисках] истины, кроме этих способов.

Если согласуются друг с другом [эти способы][85], то следует признать, что или сие есть истина, или Бог, Преславный, подстрекает ко лжи. Боже огради, Боже огради от сего! Тогда, если обсуждаем мы вопросы религиозных знаний и догматы сообразно с этими способами, какое заблуждение может проистечь из сего и что в этом запретного, чего нам следовало бы опасаться? Почему должны мы отказаться от очевидной истины и ясного пути? „Что же после истины, кроме заблуждения?“[86]. Неужели вы прикажете нам отказаться от истины?»[87].

Они ответили: «Мы не требуем от тебя отказаться от обсуждения вопросов этого вида знаний, как и от занятий по данной тематике. Но [мы сетуем на то, что] ты следуешь по пути Шайха [Ахмада], действуешь его способами и говоришь его языком». Я спросил их: «Какой изъян в его пути и какой недостаток в его способе действий? Разве не свидетельствовали ваши богословы, все богословы Ислама, вершители дел, о его надежности, блистательных качествах, обширных знаниях, всеобъемлющих достоинствах и распространяющемся свете? Разве не сформировалось единогласного мнения всех [а. 98] шиитских богословов о его блистательном / положении и превосходстве его ранга? [п. 55] Что же недозволенного совершил я, если последовал за ним и доверился свидетельству тех высших авторитетов, [особенно] с учетом предельных усилий, которые приложил я, чтобы разузнать и получить полное представление о нем в поиске водительства, избегая соблазнов, домогаясь близости к Богу и Его расположения, отрешившись от сего дольнего мира?

Не желал я от него, да возвысит Бог положение его, никаких земных благ. Я был его спутником в пути и дома, общался с ним днем и ночью. Не обнаруживал я в нем ничего, кроме величайших познаний в теории и практике. И это в совокупности с открывшимися мне вразумительными доводами и четкими доказательствами его истинности и надежности от наших глав — имамов, мир Божий им, [и] от Господа всех созданий. По какой же тогда причине нужно отвергнуть его и не принять свидетельства тех авторитетных мужей, ведущих и знатных богословов, выдающихся светил учености? Если уж суждено мне быть следующим [за кем-либо] подражателем, то следование за всеми исламскими богословами с их обильными знаниями, блистательными качествами, абсолютным главенством и безраздельным истинным верховенством предпочтительнее и достойнее следования одному человеку, не сведущему в этих областях знания, не просвещенному в этих вопросах, не

[81] Т.е. выводы.
[82] Мухаммад Рази добавляет: «после рассмотрения сего».
[83] Коран 41:53.
[84] «Такого анализа» — добавлено у Мухаммада Рази.
[85] Т.е. если совпадут результаты применения этих способов.
[86] Коран 10:33(32).
[87] Здесь заканчивается очередной полемический пассаж, адресованный оппонентам Сайида Казима.

идущему по этому пути, не ступающему по сей стезе и не постигшему этой терминологии. Какой довод есть у него против меня, если не обладает он и крупицей этих знаний, хотя и разбирается в исламском праве и основах вероучения? / [а. 99] Его отец[88], да обнимет его Бог Своею милостью и поселит его в раю на седьмом небе, был, несомненно, проницательнее его, более сведущим, благочестивым и лучше разбирающимся в случаях, требующих осторожности. И он, да смилуется над ним Бог, признал свою немощь в постижении слов сего выдающегося богослова от Господа[89]. Посему подражание тем светилам предпочтительней подражания одному, чьи качества я описал, как и сообществу простецов наподобие четвероногих животных. Если сам я пытлив, наблюдателен, проницателен и обременен обязанностями, которые разумею, то вот сообщаю вам, что я приберег любовь к нему и подчинение ему до Дня, в который [предстану] пред Богом в нужде к Нему[90]. Уповаю на то, что соединит меня Бог с ним[91] в День собирания людей и одарит меня заступничеством Своего Пророка, благодать Божья на нем и на его семействе, по великодушию Своему. Посему если имеется у вас довод или доказательство, отличное от тех, что я привел, позволяющее обосновать отказ от [Шайха Ахмада], „то представьте ваши доказательства, если вы правдивы“[92]»[93].

Тогда они[94] ответили: «Те богословы не заметили то, что заметили мы, и не [п. 56] открылось им то, что открылось нам. Посему не наложено на нас обязательства принимать их слова[95]». Я сказал: «Именно так и заявили предшественники, когда спросил их Бурайда ал-Аслами[96]: „Повелителя верующих, мир ему, назначил заместителем Посланник Божий[97], благодать Бога на нем и на его семействе. По какой же причине вы отказываетесь от него в пользу сына Абу Кухафы[98]?“. Они дали ответ: „Мы [при этом] присутствовали, а ты отсутствовал. Очевидец зрит то, что незаметно отсутствующему“. Жизнью клянусь, те выражения, к которым обращаются они и которым придают [а. 100] надуманные значения, / встречались в сочинениях, которые написал он[99], да возвеличит Бог положение его, еще до того, как покинул он Ахсу, и перед тем, как направился он в Персию. И книги его, с Божьей помощью, были известны. И сии выражения, и подобные им попали в их[100] поле зрения.

В дополнение к сказанному о том, что богословы[101] [изначально] заметили выражения те и не нашли в них повода для тех надуманных толкований, к которым обращаются [оппоненты], укажем, что исламские богословы, богословы правой общи-

[88] Возможно, речь идет о том, «претендующем на ученость и главенство» богослове, о котором повествуется на с. 92 оригинала данного сочинения (см. [а. 92]).

[89] Т.е. Шайха Ахмада.

[90] Видимо, имеется в виду Судный день. Некоторый свет на эту ассоциацию проливает стих Саади: روز قیامت که خلق طاعت وخیر آورند ما چه بضاعت بریم پیش کریم، افتقار.

[91] Т.е. с Шайхом Ахмадом.

[92] Коран 2:105(111).

[93] Здесь заканчивается очередной пространный пассаж, обращенный к оппонентам Сайида Казима.

[94] Т.е. оппоненты.

[95] В оригинале и у Мухаммада Рази: اقوال, у Ибрахими: احوال.

[96] Бурайда ибн ал-Хусайб ал-Аслами — один из сподвижников пророка Мухаммада.

[97] Ср. (Прозоров 2004: 79).

[98] Подразумевается халиф Абу Бакр, отца которого называли ‘Усман Абу Кухафа.

[99] Т.е. Шайх Ахмад.

[100] Т.е. оппонентов, с которыми полемизирует Сайид Казим.

[101] У Мухаммада Рази: «крупные богословы».

ны/секты до досточтимого саййида ас-Саййида Махди единодушно и в один голос признавали надежность [Шайха Ахмада] и его блистательные качества. Не было [у них] против него возражений. Изрек [Посланник Божий], благодать Божья на нем и на его семействе: „Неизменно до наступления Часа[102] пребудет в истине группа из моей общины“. Итак, если между ними[103] имеется согласие, то определенно пребывают они в истине. Это подтверждает правоту [их слов о] блистательных качествах [Шайха Ахмада]. В противном случае Бог, Преславный, неизбежно прояснил бы им всю пагубность его положения и неправильность его убеждения так, что не совпали бы их слова вовек, когда бы речь шла о ложном»[104].

Тем не менее в порядке допущения чего-либо невозможного, а именно, что все богословы этой правой общины, вокруг оси которых вращается истина, могли единодушно признать ложное, как будто соглашаясь со словами [оппонентов], спросили мы их[105]: «Что именно из убеждений [Шайха Ахмада] открылось вам, что вы сочли порочным, и что ложного обнаружили вы в его сердце, если не брать в расчет [а. 101] тщетные / наветы?»[106]. Они сказали: «Четыре выражения при [изъяснении] четырех вопросов. Среди них выражение при упоминании вознесения, заставляющее думать, что Пророк, благодать Божья на нем и на его семействе, оставил каждую из стихий своего существа на своем месте: огненную стихию — в сфере огня, воздушную — в его[107] сфере, водную и земную — в соответствующих сферах, тогда как из [шиитской] доктрины известно, и религия утверждает, что его вознесение состоялось в его теле[108].

И среди них[109] выражение [при изложении] вопроса о возврате, приводящее к мысли, что каждый из элементов тела соединится со своим первоистоком и не вернется, тогда как неотъемлемая часть Ислама — безоговорочное признание[110] возврата физического тела[111]. И среди них выражение [при изъяснении] вопроса знания, из которого следует, [п. 57] что у Бога есть два знания — знание *начальное* и *безначальное*. [*Начальное* же], несомненно, есть то, что [некогда] не существовало, а затем возникло. Это неизбежно приводит к выводу, что знание Бога, будучи начальным, появилось когда-то впервые и что было время, в которое Он не был знающим. И среди них выражение, что позволяет думать, будто бы имам есть действующая причина [мироздания]. В этом случае неотвратимо следует, что имам независим в своем действии и созидании или что [дело][112] созидания было препоручено ему. Исходя же из непреложных принципов Ислама, оба [допущения] ложны. Итак, разошелся [Шайх Ахмад] в четырех этих вопросах с непреложными принципами Ислама, и посему неверно [было бы] обращаться к нему,

[102] *…до наступления Часа…* — имеется в виду Судный день.

[103] У Ибрахими: «исламскими богословами».

[104] Здесь заканчивается очередной полемический пассаж — ответ Сайида Казима своим оппонентам.

[105] У Мухаммада Рази: «я спросил их».

[106] У Мухаммада Рази: «что именно из убеждений досточтимого [Шайха] сочли вы порочным, а из его речей — ложным?».

[107] Т.е. воздуха.

[108] В оригинале: بجسمه, у Ибрахими: بجسم شريفش, у Мухаммада Рази: با جسميت او «в его телесности / телесной оболочке».

[109] Т.е. ложных, по мнению оппонентов, утверждений Шайха Ахмада.

[110] Букв.: коренится в / стоит на...

[111] В тексте: البدن الجسمانى.

[112] Слово «дело» (امر), отсутствующее в оригинале, фигурирует в обоих персидских переводах.

[а. 102] полагаться / на него и следовать ему. По этой причине мы и запрещаем тебе следовать за ним и распространять положения его [учения]»[113].

Услышав это от них, сказал я: «Разве это не те же самые положения, которые вы отвергали еще при жизни [Шайх Ахмада], и разве не направлял вам он свои возражения, [указав на] отсутствие необходимости [понимать] положения эти так, как сформулировали вы? Разве не просил он вас представить ему данные выражения[114], чтобы вразумил он вас, истолковал вам вложенный в них смысл, и разве не отказались вы от сего? Неужели после этого остался у вас довод против него и неужели может внешнее [впечатление] противостоять ясному указанию? Ужели не знаете вы, что богословам присущи термины, которые нельзя уразуметь, не рассмотрев их с точки зрения тех богословов? И не должно быть препирательств из-за термина. И [разве неведомо вам], что смысл посредством слова передается несколькими способами[115] — многообразными метафорами, иносказаниями, аналогиями, двусмысленностями и разными идиоматическими оборотами? Иногда слово используется по принципу: „Тебе говорю, но слушай ты, сосед!“[116].

Сказал наш господин ас-Садик, мир ему: „Я изрекаю слово и разумею под ним один из семидесяти способов [выражения]. Для каждого из них есть у меня свое место и время. Человек волен склонять/видоизменять слово так, как захочет, и не будет он при этом лжецом“. Так, Авраам/Ибрахим взглянул на звезды и сказал: „Поистине, я болен!“[117], хотя не был он болен, но и не лгал. „Он сказал: ‘Нет, он сделал это, старший из них’“[118].

[а. 103] Старший [же] из них не делал этого, [но] и не лгал Авраам/Ибрахим. Если такие способы [выражения] допустимы для Слова [Божьего], то каким видится тебе подход к [частному] термину? Между тем имеются согласное мнение мусульман, требования религии и внятные указания Книги Ясной[119] о том, что не следует принимать во внимание[120] запись или термин. Верно, что вразумительное высказывание с прозрачным внешним смыслом, не допускающим противоположного толкования с точки зрения общепринятого лексикона, заслуживает внимания. Но, когда существует вероятность того, что говорящий подразумевал смысл, противоположный внешнему, и заявил об этом, необходимо признавать правоту его [слов] и отказаться от возражений, ибо ему [п. 58] виднее, что́ он хотел сказать, и он лучше знает, что именно он подразумевает и держит в голове, тем более в случае с термином.

Я неоднократно упоминал, что имеется согласное мнение мусульман об отсутствии доверия к записи при наличии ясного указания автора[121] на противоположное [толкование]. Неприятие сего [правила] есть неприятие необходимого. Итак, есть ли что-либо у вас, какие-либо объяснения или довод для того, чтобы нарушить это со-

[113] Здесь заканчивается очередное возражение оппонентов Сайиду Казиму.

[114] В оригинале: «выражение», в персидских переводах: «выражения».

[115] У Мухаммада Рази: «пускают они в обращение слово, передавая смысл несколькими способами…».

[116] Т.е. истинный адресат отличается от адресата внешнего.

[117] Коран 37:87(89).

[118] Коран 21:64(63).

[119] Т.е. Корана.

[120] В тексте: لا عبرة — букв.: нет назидания в… Одно из значений этого устойчивого оборота, как оно толкуется в словарях, «не придание значения чему-то». Так Лейн переводит لا عبرة به посредством: “no regard is due to it” (Arabic-English Lexicon 1955–1956; http://www.tyndalearchive.com/TABS/Lane/).

[121] Букв.: пишущего.

гласное мнение? Неужели приведете вы довод сей в качестве оправдания, когда спросит вас Бог в великий Судный день, и прибегнете ли вы к этому доказательству, отвечая на вопрос Посланника Бога, благодать Божья на нем и на его семействе, во время словопрения при сборе в День страшного суда? Что станете говорить, когда скажет вам Пророк: „Что натворили вы, будучи последней из общин?“. Какой ответ дадите знаменосцу, Повелителю верующих, на *минбаре*, а *минбар* есть средство приближения к Богу, когда заявит он[122] вам: „Бог ли разрешил вам это, или вы измышляете на Бога [а. 104] ложь?“[123], „Бойтесь Бога[124], о люди, и оказывайте предпочтение / тому, кого предпочел Бог, берите от того, кого научил Бог“, „Не причиняйте людям урона ни в чем и не ходите по земле, распространяя нечестие; остаток у Бога — лучше для вас, если вы верующие“[125], „И не сидите на всякой дороге, пугая и отвращая от пути Бога[126], полагая, что вы наставлены на прямую стезю“»[127].

Но не принесли пользы им[128] эти слова, не помогло им это пространное предостережение. Сохраняли они настойчивость и упорство в своем отрицании «без знания, руководства и освещающей книги[129], отворачивая свою шею, чтобы сбить с Божьего пути»[130], «и следуют за всяким сатаной дерзким»[131]. После того сплотились они, устроили сборище, в первую пятницу месяца *раджаба* созвали заседание и собрали там большое количество народа — несколько тысяч человек, среди которых ни один не поддерживал меня. И вызвали меня на это мучительное заседание. День выдался тяжелым. «И пришел народ, поспешно устремляясь»[132] со всех сторон, включая тех людей, которых привлекли их главы[133]. А я среди них находился в полном одиночестве. И сказал мне один из них: «Знать совещается о тебе, чтобы убить тебя. Выходи же — я для тебя добрый советчик»[134]. И это притом что не было у меня возможности избежать той [пропасти[135], в которую толкали меня]. Люди те с оружием в руках[136] окружили меня, облаченные в [одежды из] ткани наподобие пледа, будто собрались на *джихад* в присутствии посланного Господом рабов [Божьих][137].

[а. 105] И когда они успокоились / и расселись, я спросил их: «В чем причина этого столпотворения и такой суматохи? Неужели вы слышали или видели от меня нечто [п. 59] противное данному в откровении закону, общепринятому обычаю, вере или богословско-правовой школе и собрались здесь для того, чтобы представить доказательства против меня и поставить сему предел?[138]». Они сказали: «Хотим прояснить

[122] Т.е. Повелитель верующих, имам ‘Али.
[123] Коран 10:60(56).
[124] Ср.: Коран 59:18.
[125] Коран 11:86(85)–87(86).
[126] Коран 7:84(86).
[127] Здесь заканчивается очередной полемический пассаж, адресованный оппонентам.
[128] Т.е. оппонентам.
[129] В персидских переводах упоминание «книги» отсутствует.
[130] Коран 22:8–9.
[131] Коран 22:3.
[132] Аллюзия на коранический стих 11:80(78): «И пришел к нему его народ, поспешно устремляясь…».
[133] У Мухаммада Рази: «Своих глав собирали они на сборище то целыми группами».
[134] Коран 28:19(20).
[135] Слово «пропасть, бездна» (ورطه) имеется у Мухаммада Рази.
[136] Мухаммад Рази добавляет: «и боевыми средствами».
[137] Ибрахими видит здесь указание на пророка Мухаммада: جهاد در حضور رسول خدا (Ибрахими: 107), Мухаммад Рази — на Имама эпохи (*Ка’има*): در حضور امام عصر.
[138] У Мухаммада Рази: «предел на основе данного в откровении закона».

у тебя некоторые выражения Шайха [Ахмада] и заявить о том[139], что они — отклонение от правоверия». Я ответил: «Почему же не спросили вы у него [самого] в тот первый день, когда обратился он к вам с этим, чтобы растолковать их[140] вам? Теперь же, после того как проявили вы бесчестие и продемонстрировали низость, заполнив все пространство и все просторы ложными речами и негодным учением, вы выступили против него[141]. Но человек тот уже перешел из сего мира в мир следующий, и нет его, чтобы прояснить вам потаенное своего сердца. Взгляните на самих себя. Не навредит вам [чужое] заблуждение, если вы сами наставлены на верный путь».

Они сказали: «Мы рассмотрели его слова после его смерти и вынужденно спрашиваем о них тебя». — «Заблудших среди умерших множество. Вы так же поступали и с терминологией кого-либо [другого] из ушедших, как поступили в данном случае?» — обратился я к ним. Они ответили: «За ним следуют, перенимают его убеждения и заблуждаются». Я сказал: «То же и с заблудшими из умерших. Им следуют, ученики придерживаются их убеждений, громогласно заявляют о них. И были они до Шайха [Ахмада]. Почему не вызвали вы их и их последователей, чтобы доказать порочность / [а. 106] убеждений их шайха, и отошли бы они от него и обратились бы к истине? Если вам о них ничего неизвестно, то я сообщу вам их имена, книги, высказывания и термины, прежде чем будете рассуждать о нашем Шайхе и его последователях».

Они сказали: «Нет у тебя выхода, и ты обязательно должен разъяснить нам эти выражения». Я ответил: «„Поистине, мы принадлежим Богу, и к Нему мы возвращаемся“[142]. Несите то, что у вас». Затем озвучили они прежние выражения, которые уже рассматривались. Я толковал, комментировал и разъяснял их значения раньше. Это — выражения, соответствующие потребностям Ислама и [обозначающие] понятия, [сопряженные с] Книгой и *сунной*. Я назвал это сочинение: «Кашф ал-хакк». И не оставил там я места для речей тех, кто наделен речью[143], и для доказательства и аргумента тех, кто наделен доводом [против]. Это известное сочинение столь же явственно, как солнце в зените. Не думаю, что есть город, в котором бы не знали о нем. Но не извлекли они[144] пользы из этого трактата с его исчерпывающим, подробным изложением и ясным, общедоступным комментарием.

И вот произнесли они одно из выражений Шайха, этого океана [мудрости], знамени учености и всепроникающего света, а именно: «Воистину, физическое тело[145] не возвращается». Спросили меня, является ли это выражение отклонением от правоверия. Я заметил: «Насколько могу я судить, повинуясь Господу[146], выражение сие не является ни [а. 107] богохульным, ни еретическим. Сообщите мне, / какова [семантика термина] „тело“ согласно [составителям словарей] „Камус“[147], „Сихах“[148] и „Маджма‘ ал-бахрайн“,

[139] У Мухаммада Рази: «доказать тебе».

[140] Т.е. выражения, термины.

[141] Видимо, аллюзия на коранический стих 10:91: «Да, теперь! А раньше ты ослушался и был распространителем нечестия».

[142] Коран 2:151(156).

[143] Т.е. для возражений возражающего.

[144] Т.е. оппоненты.

[145] В тексте: الجسد العنصرى.

[146] У Мухаммада Рази: «призывая в свидетели Господа».

[147] Возможно, подразумевается словарь арабского языка «ал-Камус ал-мухит ва-л-кабус ал-васит» Маджд ад-дина Фирузабади.

[148] Возможно, предполагается словарь арабского языка «Тадж ал-луга ва сихах ал-‘арабиййа» Абу Насра Исма‘ила б. Хаммада ал-Джаухари ал-Фараби.

[п. 60] отвлекаясь от словоупотребления, принятого у философов. Сколько значений [термина] „тело“[149] привели они?». Те сказали: «Мы не знаем». Я воскликнул: «Боже, Преславный! Если не сведущи вы в семантике [слова] „тело“ и в его употреблении, сообразно лексикографам, то как можете вы возражать против этого термина на том основании, что „тело“ будто бы имеет значение, в котором признание его „возвращения“ равносильно отходу от правоверия?». Они сказали: «Мы имеем в виду понимание простых людей». Я заметил: «Неужели лексикология исключает простых людей?»[150]. Тогда они повторили: «Мы имеем в виду понимание простых людей и понимание всех [здесь] присутствующих». При этом никто из них не признал моей правоты и не помог мне.

Я сказал: «Какое отношение к данной теме имеет понимание простых людей? Если бы всё, что не понимали простые люди, было бы ложным, то следовало бы признать ложными книги богословов. Дровосек и бакалейщик, несомненно, не знают выражений, [содержащихся в] „Шарх ал-лам‘а“, и не ведают [принципа] „одного из двух“, и не осознают, что допущение одного обстоятельства относительно некой вещи исключает его противоположность в частном и в общем. Неужели позволительно им объявить всё это ложным? Таким образом, расширилась [бы] дыра для чинящего[151]».

Поскольку увидел я, как мало у них беспристрастности и сколь велико [их желание] притеснять и угнетать, то спросил: «Что вы хотите?». Они сказали: «Хотим, [а. 108] чтобы ты написал, что выражения эти [свидетельствуют] / об отклонении от правоверия. Тогда я написал, что эти выражения, без предшествующего и последующего пояснения к ним, и если перед ними или между ними, или после них не удалена какая-то [часть], с точки зрения понимания простых людей, [свидетельствуют] об отклонении от правоверия»[152]. Изрек Всевышний: «Руки Бога связаны»[153], «Лица в тот день сияющие, на Господа взирающие»[154]. Несомненно, они[155], с точки зрения понимания простых людей, представляют собой отклонение от правоверия, ибо нет у Бога частей тела — ни рук, ни лица.

Озвучили они и другие выражения, некоторые из которых были искажены, а иные не смогли они прочесть[156]. Захотели они[157], чтобы я их правильно записал. Тогда я написал, что источник этих слов — иносказательно трактуемые стихи в Коране и что толкование их следует спрашивать у изрекшего их, ибо таковыми предстают и коранические стихи, предания со слов Пророка и имамов. Короче говоря, «нет доверия к бумаге»[158]. Одним словом, когда отчаялись они и не добились от меня своего, слава Богу, не удалось им доказать ничего из того вздора, который сами же сочинили они, то сказали: «Мы желаем, чтобы ты подтвердил пред нами свою авторитетность как *муджтахи-*

[149] В тексте: الجسد .

[150] У Мухаммада Рази: «какая связь между лексикологами и пониманием простых людей?».

[151] Пословица, означающая, что затруднения увеличились.

[152] У Мухаммада Рази другая версия в переводе: «эти выражения, без пояснения к ним, вне [связи с] предшествующим и последующим [изложением], и если перед ними или между ними, или после них не удалена какая-то [часть], с точки зрения понимания простых людей, [свидетельствуют] об отклонении от правоверия».

[153] Коран 5:69(64).

[154] Коран 75:22–23.

[155] Т.е. эти термины и выражения, которые метафорически использованы в Коране.

[156] У Мухаммада Рази: «правильно прочесть».

[157] У Мухаммада Рази: «их цель состояла в том, чтобы…».

[158] Т.е. не следует делать выводов из записанных на бумаге положений, не зная толкований к ним и того, что понимал под своими записями автор.

да[159]». Когда речь зашла об этом, то возглавлявший собрание сказал: «„Уже ясно отличился прямой путь от заблуждения“[160]. Вы препирались с ним до сих пор из-за „пагубности его убеждений“ и „его сопротивления тому, что потребно [в религии]“[161]. Теперь же перед нами выявилась чистота его убеждений. Сейчас вы требуете от него / доказать свою [а. 109, п. 61] авторитетность *муджтахида*. Вы претендуете на статус *муджтахида*. Если для подтверждения авторитетности *муджтахида* требуется форум и собрание народа, тогда [и] вы подтверждали свою авторитетность на каждом своем собрании и заседании?[162]. Давайте же позовем кого-либо, кто бы для подтверждения своей авторитетности *муджтахида* сидел вместе с вами на собрании. Итак, выяснилось, что далеки вы в своем намерении от Бога». В этот момент раздался призыв *муэдзина* на полуденную молитву. Мы встали на молитву, и собравшиеся рассеялись.

«И были они там побеждены и превратились в ничтожных»[163], «и проявилась истина»[164]. Богу хвала, Господу миров! Из-за недостатка беспристрастности присутствовавших на том собрании погубили их превратности судьбы. Не осталось из них, то есть из их заправил никого, кроме одного. Но и он принадлежал [к категории] последователей и приспешников и не был способен на вопросы и ответы. Однако этим не удовлетворились они и продолжили возбуждать смуту и раздувать пламя бесчестия. И давал им отпор Бог, Преславный. «Как только они зажгут огонь для войны, тушит его Бог. И стремятся они по земле с нечестием, а Бог не любит распространяющих нечестие»[165].

В другой раз созвали они народ во [двор][166] его святости ‘Аббаса и подняли знамена и флаги. Собрались [там] чернь и низы общества, чтобы изгнать меня из города при отсутствии какого-либо преступления или прегрешения, которые бы я совершил, пока [а. 110] не обратил Бог их уловки против них самих. / Так и сошли они в могилу в гневе своем[167]. Заставил Господь их обмануться в надеждах и потерпеть неудачу в своем замысле. Подобных намерений и деяний у них было множество. Велико количество таких поступков с их стороны. Мучения, которые я претерпел от них, значительны. Человек проявит великодушие, если не станет их перечислять. Лучше и достойнее скрыть их, чем предавать их гласности, ибо время дороже того, чтобы тратиться на написание сих нелепостей и воспроизведение тех праздных слов. Бог тот, к кому прибегают за помощью, и на Него упование в немощи.

За этим [последовало] событие еще отвратительнее, дело редкостное по своей крайней омерзительности. История эта о жителях Неджефа. Еще раньше они обличали Саййида Махди и его последователей. За время существования закона Пророка и Мухаммадовой стези, тысячу приветствий и благих пожеланий явившему их, по сей день не происходило

[159] *Муджтахид* — в шиитском (имамитском) исламе: высший духовный авторитет, призванный в период сокрытости двенадцатого имама вести общину верным путем. См. (Прозоров 2004: 332).

[160] Коран 2:257(256).

[161] Ср. у Мухаммада Рази: او با ضروری دین مخالفت.

[162] Букв.: когда бы вы ни собирались вместе и ни устраивали заседание. У Мухаммада Рази в более сокращенном виде: «то на каком собрании и форуме подтвердили сами вы свое притязание на звание сие?».

[163] Коран 7:116(119).

[164] Коран 7:115(118).

[165] Коран 5:69(64).

[166] Слово «двор» добавлено в обоих персидских переводах. У Мухаммада Рази: «благословенный двор».

[167] Фраза «Так и сошли они в могилу в гневе своем» (وماتوا بغيظهم) отсутствует в обоих персидских переводах.

[такого] и не упоминалось о том, чтобы сеяли подобную великую смуту и навлекли на кого-либо столь ужасную напасть![168] [Сие же] по причине выражений, произнесший которые громогласно известил о том, что подразумевает под ними не то, что вытекает из их внешнего смысла. Всякий говорящий, несомненно, удостоверяет то, что сам подразумевает под собственными словами. Выражения и записанный текст не имеют силы, если только из контекста не явствует, что говорящий имеет в виду именно то, что вытекает из внешнего смысла [его высказывания]. В противном случае неправильно опираться на них[169]. Этот [подход] наиболее применим тогда, когда говорящий ясно [п. 62] указывает, чтó подразумевает, и отвергает то, как понимает другой, особенно если «другой» и не компетентен постигать подразумеваемое. С неизменным упорством [а. 111] повторял / он[170] эти слова[171] во имя торжества истины и порицал наших оппонентов. Досточтимому Саййиду Махди даже приписывали иногда приступы меланхолии.

Таковыми были его[172] обыкновение и склонности, пока не случилось то, что случилось, о чем я не стану упоминать. Знай, что это — плохо, и больше не спрашивай ни о чем. В то время попалось ему на глаза выражение из сочинения о разумении нравственных принципов, о моральном воспитании души, о достойных верующего раба [Божьего] делах, речах, обо всем им сделанном и не сделанном[173], его мимолетных состояниях, собраниях и некоторых свойствах, которое я написал. Он обнаружил в нем выражение во фразе: «…отвращайтесь от книг некоторых, особенно слепцов из суннитов[174]». Когда увидел он это выражение, то, взглянув на него, завопил и запричитал. Из этого выражения заключил он, что я отрицаю авторитет *муджтахидов*, подражание [им], Писание и *сунну*, *иджтихад*[175] как [особый] путь, и что я изобрел другую[176] богословско-правовую школу. Он распространил [это представление] среди людей, вселил в их умы подозрения, вверг их в сомнение и смущение, пока не пришли в смятение их сердца и не склонились к ложному. И сие несмотря на то что за месяц до этого мы встречались с ним у гробницы ал-Хусайна, мир ему, выказывая

[168] Ибрахими добавляет: «в религии» (Ибрахими: 113).

[169] Т.е. на «выражения и записанный текст».

[170] Здесь и далее Сайид Казим использует местоимение 3-го лица мн. ч., а глагольные формы множественного числа перемежает с формами единственного числа, что отражено и в переводе Ибрахими. Это вводит в недоумение читателя, который задается вопросом, является ли субъектом действий одно лицо или целая группа лиц (оппонентов). У Мухаммада Рази глаголы последовательно переданы формами множественного числа. Однако контекст и дальнейшее изложение показывают, что речь все-таки идет об одном лице — Саййиде Махди, а множественное число использовано для подчеркивания уважительности, что является обычной практикой для персидской культуры. Мы же переводим и местоимения, и глаголы формами единственного числа, чтобы не вводить русскоязычного читателя в заблуждение.

[171] Речь идет об описанном в предшествующих строках подходе, который изначально разделяли жители Неджефа.

[172] Т.е. Саййида Махди.

[173] …*сделанном и не сделанном*… — в оригинале: حركاته وسكناته. В персидских переводах: حركات وسكنات. Это сочетание в Персидско-русском словаре А. Гаффарова (Гаффаров 1976) переведено как: «все сделанное и не сделанное». Так же передаем его и мы.

[174] …*суннитов.* — Букв.: суннитских масс (العامة). Об обозначении этим термином шиитами суннитов см. (Прозоров 2004: 342). Ср. перевод всей фразы у Ибрахими: وازكتب قوم اعراض كن خاصه كتب اهل سنت.

[175] *Иджтихад* — деятельность богослова в изучении и решении вопросов богословско-правового комплекса.

[176] У Мухаммада Рази: «новую».

друг другу полнейшую приязнь, любовь и дружеские чувства. Когда же вернулся он в Неджеф[177], совершил то деяние в сезон паломничества по случаю рождения Пророка Мухаммада.

(Продолжение следует)

Литература

Гаффаров 1976 — *Гаффаров М.А*. Персидско-русский словарь. В 2-х томах / Под ред. Ф.Е. Корша. Репр. воспроизв. издания 1914–1928. М.: ГРВЛ, 1976.

Ибрахими — *ал-Хаджж Сайид Казим ар-Рашти*. Далил ал-мутахаййирин. Тарджума: Зайн ал-‘абидин Ибрахими. Чап-и дуввум. Кирман: Чапхана «Са‘адат», [б. г.].

Иоаннесян 2022а — *Иоаннесян Ю.А*. «Путеводитель растерянных» Сайида Казима Рашти. Перевод с арабского и персидского. Часть 1 // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 2 (вып. 49). С. 5–19. DOI: 10.55512/WMO106542.

Иоаннесян 2022б — *Иоаннесян Ю.А*. «Путеводитель растерянных» Сайида Казима Рашти. Перевод с арабского и персидского. Часть 2 // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 3 (вып. 50). С. 5–24. DOI: 10.55512/WMO109680.

Иоаннесян 2022в — *Иоаннесян Ю.А*. «Путеводитель растерянных» Сайида Казима Рашти. Перевод с арабского и персидского. Часть 3 // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 4 (вып. 51). С. 5–27. DOI: 10.55512/WMO112403.

Прозоров 2004 — *Прозоров С.М.* Ислам как идеологическая система. М.: Вост. лит., 2004.

Рампури 1899 — *Гийас ад-дин Мухаммад б. Джалал ад-дин б. Шараф ад-дин Рампури.* Гийас ал-лугат бар хашийа Мунтахаб ал-лугат [ва] Чираг-и хидайат. Канпур, [1317/1899] (Литография).

Сайид Казим Рашти 1859 — *Сайид Казим Рашти*. Далил ал-мутахаййирин [Маджму‘а, Табриз] 1276/1859. Литография Pk 213 из собрания ИВР РАН (без пагинации).

Фарханг-е Деххода — Фарханг-е Деххода (online). https://www.vajehyab.com/?q=%D8%B7%D9%84%D8%B3%D9%85%D8%A7%D8%AA (дата обращения: 04.05.22).

Arabic-English Lexicon 1955–1956 — Arabic-English Lexicon by E.W. Lane; Stanley Lane-Poole. New York: Fredrick Ungar, 1955–1956. http://www.tyndalearchive.com/TABS/Lane/

References

al-Hajj Sayyid Kazim ar-Rashti. *Dalil al-mutahayyirin* [A Guide for the Perplexed]. Tarjuma: Zayn al-‘abidin Ibrahimi. Chap-i duvvum (Translated by Zayn al-‘abidin Ibrahimi. Second edition). Kirman: Sa‘adat, [s.a.] (in Persian).

Arabic-English Lexicon by E.W. Lane; Stanley Lane-Poole. New York: Fredrick Ungar, 1955–1956. http://www.tyndalearchive.com/TABS/Lane/ (in Arabic and English).

Farhang-e Dehkhoda (online) [The Dictionary by Dehkhoda] https://www.vajehyab.com/?q=%D8%B7%D9%84%D8%B3%D9%85%D8%A7%D8%AA (date of access: 04.05.22) (in Persian).

Gaffarov Mirza Abdulla. *Persidsko-russkii slovar’*. V dvukh tomakh [Persian-Russian Dictionary in two volumes]. Edited by F.E. Korsh. Reprint of the 1914–1928 edition. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1976 (in Arabic, Russian).

Ghiyas ad-din Muhammad b. Jalal ad-din b. Sharaf ad-din Rampuri. *Ghiyas al-lughat* (Lithographical edition). Kanpur [1317/1899] (in Persian).

[177] В оригинале: رجع الى المشهد, что вводит в заблуждение, так как строкой выше это слово использовано для обозначения гробницы ал-Хусайна. В обоих персидских переводах говорится о Неджефе:به نجف مراجعه نمود (у Ибрахими), مراجعت به نجف اشرف نمودند (у Мухаммада Рази). Этому варианту следуем и мы.

Ioannesyan, Youli A. " 'A Guide for the Perplexed' by Sayyid Kazim Rashti. Translated from Arabic and Persian. Part 1". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 2 (iss. 49), pp. 5–19 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO106542.

Ioannesyan, Youli A. " 'A Guide for the Perplexed' by Sayyid Kazim Rashti. Translated from Arabic and Persian. Part 2". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 3 (iss. 50), pp. 5–24 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO109680.

Ioannesyan, Youli A. " 'A Guide for the Perplexed' by Sayyid Kazim Rashti. Translated from Arabic and Persian. Part 3". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 4 (iss. 51), pp. 5–27 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO112403.

Prozorov, Stanislav M. *Islam kak ideologicheshaia sistema* [Islam as an Ideological System]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2004 (in Russian).

Sayyid Kazim Rashti. *Dalil al-mutahayyirin* [A Guide for the Perplexed]. [Majmu'a, Tabriz] 1276/1859. Lithographical volume from the IOM collection, code number: Pk 213 (in Persian).

"A Guide for the Perplexed" by Sayyid Kazim Rashti. Translated from Arabic and Persian Part 4

Youli A. IOANNESYAN
Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 30.11.2022.

Abstract: The article presents a part of a Russian translation (with an introduction and commentaries) of the important treatise: *Dalil al-mutahayyirin* ("A Guide for the Perplexed") by Sayyid Kazim Rashti, one of the founders of the Shaykhi school. The work is dated 1842. The translation is made from the Arabic original and two Persian translations of the treatise.

Key words: Shi'ah schools, Shaikhism, Sayyid Kazim Rashti.

For citation: Ioannesyan Youli A. "A Guide for the Perplexed" by Sayyid Kazim Rashti. Translated from Arabic and Persian. Part 4". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2023, vol. 20, no. 1 (iss. 52), pp. 5–26 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO205618.

About the author: Youli A. IOANNESYAN, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher, of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (youli19@gmail.com). ORCID: 0000-0003-2936-1128.

Письменные памятники Востока. 2023. Том 20. № 1 (вып. 52). С. 27–34

«Алмазная игла»: буддийские корни одного брахманистского текста

С.Л. БУРМИСТРОВ
Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO205531

Статья поступила в редакцию 12.04.2022.

Аннотация: Содержательное сходство «Ваджрасучика-упанишады» и «Апта-ваджрасучи-упанишады», автором которых считается Шанкара (IX в.), с приписываемым буддийскому мыслителю Ашвагхоше (II в.) трактатом «Ваджрасучи» свидетельствует о проницаемости границ между буддийскими и брахманистскими текстами. Во всех трех сочинениях речь идет о том, что делает человека брахманом. На то, что последнее сочинение действительно составлено Ашвагхошей, указывают не только традиция, приписывающая авторство именно ему, и формула поклонения бодхисаттве Маньджушри в мангала-шлоке, но и ряд особенностей языка, сближающих стилистику «Ваджрасучи» со стилем трактатов ранней махаяны (школа мадхьямака). При этом сам трактат имеет чисто брахманистский характер, в нем нет никаких упоминаний буддийских религиозных понятий и представлений, однако основной тезис его состоит в том, что понятие брахманства внутренне противоречиво, а кроме того, разные авторитетные тексты по-разному описывают то, что делает человека брахманом. Тем не менее это сочинение было принято брахманистской школой адвайта-веданта, приписано Шанкаре, а основным тезисом, доказываемым в нем, стало утверждение, что брахманом человека делает знание Атмана.

Ключевые слова: религиозно-философские системы древней и средневековой Индии, буддизм, мадхьямака, веданта, Ашвагхоша, Шанкара, упанишады, кастовая система, санскритские письменные памятники.

Для цитирования: *Бурмистров С.Л.* «Алмазная игла»: буддийские корни одного брахманистского текста // Письменные памятники Востока. 2023. Т. 20. № 1 (вып. 52). С. 27–34. DOI: 10.55512/WMO205531.

Об авторе: БУРМИСТРОВ Сергей Леонидович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (SLBurmistrov@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-5455-9788.

© Бурмистров С.Л., 2023

Граница между буддийскими текстами и трактатами, создававшимися в других религиозно-философских школах Индии, включая ортодоксальные, далеко не одно-

значна, как порой принято считать. Школы — по крайней мере в некоторых случаях — могут заимствовать тексты или приписывать «чужим» трудам авторство своих основателей. Это хорошо видно по одному небольшому тексту из Индийского фонда Отдела рукописей и документов ИВР РАН.

В индийской коллекции Института под шифром V, 9d (Ind. 4) хранится небольшая рукопись, озаглавленная «Полная упанишада об алмазной игле» (*Āpta-vajrasūcī-upaniṣad*). Составление ее приписано в колофоне Шанкаре, основателю ортодоксальной школы адвайта-веданта, и речь в ней ведется о том, кто такой истинный брахман. Эту упанишаду мы несколько лет назад транслитерировали и перевели на русский язык, сопроводив перевод комментарием («Апта-ваджрасучи-упанишада» 2013), и исследовали ее, обосновав, в частности, что она была создана, вероятнее всего, в Южной Индии в XI–XIV вв. — если судить по упомянутым в ней индуистским сектам (Бурмистров 2014).

Эта упанишада представляет собой пространную версию более краткой «Ваджрасучика-упанишады», тоже приписываемой Шанкаре и ранее переведенной на русский язык (Ваджрасучика-упанишада 2000). В обоих сочинениях на вопрос — кто такой истинный брахман? — дается ответ: истинный брахман — это тот, кто непосредственно и во всей полноте познал Атман, наше истинное «Я» — недвойственное, свободное от любых изменений, полное высшего знания и блаженства (Там же: 640). В «Полной упанишаде об алмазной игле» тоже сказано, что подлинно освобожденный — это тот, кто направил свои помыслы на постижение единства души и высшего божества (jīva-parameśvarayor-aikyam) («Апта-ваджрасучи-упанишада» 2013: 71), хотя в основном тематика более пространной версии несколько иная — в ней много внимания уделяется описанию разных сект и их учений и практик.

Однако есть и еще один небольшой текст с почти таким же названием — «Алмазная игла» (*Vajrasūcī*) — и с очень сходным содержанием, но приписываемый буддийскому мыслителю II в. Ашвагхоше. Он был опубликован на санскрите (The Vajrasuci of Asvaghosa 1949) и переведен на английский язык (хотя переводы оставляют желать лучшего) (Vajra Suchi by Asvaghosha 1835). О его происхождении издатель С.К. Мукхерджи говорит очень кратко, не вдаваясь в подробности. Из его слов ясно, что «Алмазная игла» — трактат сравнительно известный и авторство Ашвагхоши не вызывает сомнений. Существует несколько его рукописей: одна — в коллекции Азиатского общества Бенгалии (Asiatic Society of Bengal), одна — в Институте восточных исследований Р.Г. Бхандаркара (Bhandarkar Oriental Research Institute) в Пуне, одна — в Адьярской библиотеке (Ченнай), а также три ротографические копии — одна из коллекции Кембриджского университета и две из министерства по делам Индии (Лондон). Известен перевод его на китайский язык, выполненный в конце X в. неким Дхармадевой, но авторство приписывается Дхармакирти. Впрочем, китайский перевод настолько неясен, что непонятно, представляет ли он собой действительно перевод этого текста или же является самостоятельным произведением. С.К. Мукхерджи в качестве доказательства древности этого сочинения и его наиболее вероятной принадлежности Ашвагхоше отмечает, что в нем упоминаются Веды, Махабхарата и «Законы Ману», но нет ссылок на пураны, самые ранние из которых относятся, согласно современным представлениям, к III в. (The Vajrasuci of Asvaghosa 1949: 128). Отметим, что первый переводчик трактата на английский язык Б. Ходжсон не указывает происхождения рукописи, с которой он выполнил свой перевод, отмечая лишь, что ее принес ему его друг, образованный буддист, он не

сомневается при этом, что трактат — именно буддийский (Vajra Suchi by Asvaghosha 1835: 160).

«Ваджрасучика-упанишада» не имеет мангала-шлоки и начинается прямо с объяснения цели, без традиционного поклонения божеству (в брахманистских текстах) или Будде: «Я объясню знание Ваджрасучи — разрушение незнания, противодействие лишенным знания, украшение тех, чей глаз — знание» (Ваджрасучика-упанишада 2000: 639). Рукопись «Полной упанишады об алмазной игле» начинается с поклонения Ганеше (śrīgaṇeśāyanamaḥ) — божеству препятствий (vighnarāja), способному как ставить их, так и устранять с пути того, кто стремится к истинному знанию («Апта-ваджрасучи-упанишада» 2013: 66, 69)[1]. Текст Ашвагхоши открывается мангала-шлокой, в которой автор поклоняется Маньджунатхе и Маньджугхоше (Mañjunātha, Mañjughoṣa). Эти имена представляют собой варианты имени Маньджушри — бодхисаттвы мудрости. Таким образом, уже мангала-шлока свидетельствует о том, что это сочинение было составлено, скорее всего, буддистом.

Однако содержание «Ваджрасучи» трудно назвать буддийским. Совершив поклонение Маньджугхоше, автор (или составитель) сразу же вслед за этим говорит, что и Веды, и смрити, и наставления, касающиеся религиозного долга (dharma) и практической пользы (artha), суть источники познания (pramāṇa) (The Vajrasuci of Asvaghosa 1949: 133), что вряд ли мыслимо в буддийском трактате. Текст имеет явно полемический характер. Первая фраза прозаической части звучит так: «Здесь [вы], господин, утверждаете: „Основа всех варн — варна брахманов“. Мы же на это говорим: „Кто такой брахман?“» (iha bhavatā yadiṣṭaṃ sarvavarṇapradhānaṃ brāhmaṇavarṇam iti, vayamatra brūmaḥ ko ‘yaṃ brāhmaṇo nāma) (Ibid.). Иными словами, автор ставит под сомнение традиционные представления о статусах варн — или, точнее, представления, которые, судя по всему, стали совершенно общепринятыми позднее, а во время составления «Ваджрасучи» еще не были вполне устоявшимися. Далее все три текста более или менее сходны: в них повторяется один риторический вопрос — делает ли брахмана брахманом тело, жизненное начало или душа, каста, знание, исполнение должных деяний, знание Вед? Жизненное начало (jīva), очевидно, не делает брахмана брахманом, так как оно, по «Ваджрасучика-упанишаде», неизменно в различных телах (Ваджрасучика-упанишада 2000: 639). О том же, хотя и короче, говорит «Полная упанишада об алмазной игле» («Апта-ваджрасучи-упанишада» 2013: 66, 69)[2]. Однако в сочинении, приписываемом Ашвагхоше, говорится, что душа или жизненное начало не делает человека брахманом, так как между богами и животными (paśu) нет безусловной границы: Сурья, Сома, Индра были животными, и даже «поедатели собак» (śvapāka, т.е. неприкасаемые) тоже будут богами благодаря переселению душ. С.К. Мукхерджи указывает, что утверждения подобного рода встречаются в «Ваджасанейи-самхите», «Тайттирия-самхите», «Шатапатха-брахмане» и ряде других несомненно ведийских текстов (The Vajrasuci of Asvaghosa 1949: 155). Особенно примечательно, что ссылки на ведийские самхиты мы видим в «Ваджрасучи» Ашвагхоши.

Точно так же не делает человека брахманом и принадлежность к роду или касте. Мудрецы Каушика, Ришьяшринга, Вальмики, Вьяса и др. происходили из разных родов, а некоторые из них вообще не имели человеческого происхождения (например, Каушика родился из травы куша, что видно даже по его имени), но это не ставит под сомнение их статус брахманов (Ваджрасучика-упанишада 2000: 639–640; «Апта-

[1] Āptavajrasūcyupaniṣad. Индийский фонд ИВР РАН, шифр V, 9d (Ind. 4).
[2] Āptavajrasūcyupaniṣad. Индийский фонд ИВР РАН, шифр V, 9d (Ind. 4).

ваджрасучи-упанишада» 2013: 66–67; The Vajrasuci of Asvaghosa 1949: 134)[3]. И здесь Ашвагхоша говорит о ведийских мудрецах, ни словом не упоминая основателя буддизма и основные буддийские идеи.

Но далее он рассуждает в том стиле, который, если считать автором текста именно Ашвагхошу, был характерен в основном для буддийских сочинений, причем конкретно для трактатов мадхьямаки. Предположим, что брахманство наследуется и сын брахмана будет тоже брахманом. Но, говорит Ашвагхоша, общеизвестно, что фактическим отцом предполагаемого брахмана может быть порой представитель другой варны, иногда даже низкой. Тогда и сам этот человек, рожденный от супружеской измены, и сыновья его, и более отдаленные потомки не будут брахманами, хотя другие люди, не знающие их истинного происхождения, могут считать их таковыми. Но это хотя бы раз может произойти в любом брахманском роде, и тогда со временем вообще не останется ни одного человека, имеющего достоверно брахманское происхождение. Таким образом, брахманов при подобном подходе вообще не может быть, а тезис «брахманом делает происхождение от брахмана» неверен (The Vajrasuci of Asvaghosa 1949: 135).

Этого рассуждения нет в двух других текстах, приписываемых Шанкаре, а само оно представляет собой опровержение исходного тезиса путем сведения его к абсурду, что типично для трактатов мадхьямаки. Достаточно вспомнить, например, доказательство Нагарджуной пустоты всех фундаментальных понятий буддийского учения в «Коренных строфах о Срединном пути» (*Mūla-madhyamaka-kārikā*).

Так же опровергается утверждение, будто тело — то, что делает человека брахманом. Если допустить это, придется признать, что родственники, сжигающие тело умершего брахмана на погребальном костре, и даже сам огонь совершают грех убийства брахмана, а такой вывод неприемлем по соображениям ритуалистики: будь он истинен, совершение погребального ритуала было бы грехом. Далее, если бы тело делало человека брахманом, то все религиозные заслуги разрушались бы вместе с гибелью тела, что неприемлемо по тем же соображениям (The Vajrasuci of Asvaghosa 1949: 135). В упанишадах об Алмазной игле эти соображения пересказаны очень кратко. Например, в «Ваджрасучика-упанишаде» все рассуждения умещаются в одной фразе: «Ведь [люди], начиная с сыновей, сжигают [тела] отцов и других [родичей] и причастны к убийству брахмана и прочим грехам» (Ваджрасучика-упанишада 2000: 639).

Далее, говорит Ашвагхоша, невозможно, чтобы брахман был таковым по рождению, так как в этом случае он оставался бы брахманом в любых обстоятельствах. Но известно, что человек может терять свою касту. В частности, и брахман может стать шудрой (The Vajrasuci of Asvaghosa 1949: 135). Это тоже указывает на то, что рождение не делает человека брахманом. Для нас это интересно, во-первых, тем, что здесь говорится о возможности изменения не только касты, но и варны человека: рожденный брахманом при совершении определенных проступков не становится неприкасаемым (человеком, изверженным из касты в данном случае), но причисляется к варне шудр. Все это свидетельствует о том, что текст составлялся в те времена или в той социальной среде, где границы каст и варн были относительно проницаемыми. Во-вторых, это интересно еще и тем, что здесь Ашвагхоша использует обычный в мадхьямаке метод опровержения «от противного»: мы допускаем, что тезис оппонента

[3] Āptavajrasūcyupaniṣad. Индийский фонд ИВР РАН, шифр V, 9d (Ind. 4).

истинен, и логически выводим из него следствия, очевидно ложные и для нас, и для оппонента, и для слушателей (если этот способ используется в публичном диспуте), из чего следует, что ложным был и исходный тезис.

Следом за этим отвергается и знание как то, что делает человека брахманом. В «Ваджрасучика-упанишаде» об этом сказано очень лаконично: «Это не так, ибо существует много кшатриев и прочих [людей] — мудрых, постигших высшую истину. Поэтому знание — не брахман» (Ваджрасучика-упанишада 2000: 640). В «Полной упанишаде…» вместо знания (jñāna) говорится об учености (paṇḍitya), которая тоже не делает человека брахманом, ибо есть множество кшатриев, вайшьев и даже шудр — ученых, знающих речения мудрецов, что не делает их, тем не менее, брахманами («Апта-ваджрасучи-упанишада» 2013: 70)[4]. В «Алмазной игле» это рассуждение дано более развернуто. Знание не может сделать человека брахманом по причине многообразия знания (jñānabāhulya). Если бы знание делало брахманом, брахманами были бы даже многие шудры, среди которых есть люди широко образованные, знающие Веды, грамматику, учения мимансы, санкхьи, вайшешики, астрологию, воззрения адживиков и т.д. (The Vajrasuci of Asvaghosa 1949: 136).

В первую очередь, конечно, обращает на себя внимание то, что некоторым шудрам приписывается знание Вед. Общеизвестно, что изучение Вед шудрами в средневековой Индии было невозможно и попытки такого изучения сурово карались. В «Вишну-смрити» — одной из дхармашастр (правовых сочинений), составленной не позднее IX в. (Корнеева 2007: 47), — сказано, что изучение Вед (а выучивались они, напомним, изустно, «с голоса учителя») не допускается в присутствии шудры или изгоя (т.е., скорее всего, неприкасаемого) (Вишну-смрити 2007: 129). Но Ашвагхоша прямо говорит о шудрах, знающих Веды, что ставит под вопрос считающиеся незыблемыми правила ритуальной чистоты, запрещающие шудрам учить эти священные гимны. Кроме того, если бы знание Вед давало статус брахмана, то брахманом был бы, например, демон Равана (The Vajrasuci of Asvaghosa 1949: 136).

Далее примечательно упоминание ряда религиозно-философских школ брахманизма, а также учение адживиков. Возникновение школы миманса можно с известной осторожностью датировать рубежом нашей эры. Школа санкхья — более древняя: учение, в высшей степени близкое классической санкхье, проповедовал легендарный наставник Будды Алара Калама, о котором мы знаем из поэмы Ашвагхоши «Жизнь Будды» (*Buddhacarita*), а также из «Махавасту» и «Лалитавистары». Вайшешика упоминается в «Вопросах Милинды», а уже в «Ратнавали» Нагарджуны (II в.) ее воззрения обстоятельно опровергаются с позиций буддийской школы мадхьямака (Шохин 2004: 227, 176, 199–201). Таким образом, «Алмазная игла» не могла быть составлена — по крайней мере в дошедшем до нас виде — раньше начала нашей эры. Но вот верхняя ее хронологическая граница далеко не так очевидна. Школа адживиков, отвергавшая религиозные представления брахманистов, возникла еще во времена Будды, первой среди всех неортодоксальных школ сформировала канон авторитетных текстов (до нашего времени ни один из них не дошел) (Шохин 1994: 82). Она, хоть и начала с III в. до н.э. уступать позиции буддистам и джайнам, продержалась в Индии даже дольше буддистов — в Южной Индии (Майсур) адживики существовали еще в XIV в. (Шохин 2004: 79–80). Джайнский мыслитель Маллишена (конец XIII в.) в своем трактате «Сьядвада-маньджари» (*Syādvāda-mañjarī*) обстоятельно излагает их

[4] Āptavajrasūcyupaniṣad. Индийский фонд ИВР РАН, шифр V, 9d (Ind. 4).

учение и полемизирует с ними, причем говорит о них как о реально действующей школе, распространенной на дравидском юге Индии. Последнее упоминание адживиков в санскритской литературе относится к 1425–1450 гг.: это труды астролога Вайдьянатхи Дикшиты и джайнского мыслителя Гунаратны (Basham 1981: 184–185). Таким образом, упоминания этих школ не позволяют однозначно датировать составление «Алмазной иглы», но указывают на широкое знакомство автора с религиозно-философскими учениями древней и средневековой Индии. «Полная упанишада об алмазной игле» тоже упоминает ряд сект и течений индуизма, но адживиков среди них уже нет.

После этого составитель цитирует фрагменты авторитетных текстов, где говорится о том, что значит быть брахманом, и, видя их противоречивость, приходит к выводу, что понятие «брахман» неопределенно (The Vajrasuci of Asvaghosa 1949: 138). Он указывает, что, если брахманы рождаются не только от родителей-брахманов, но и у кшатриев и представителей других варн и даже появляются на свет чудесным образом, то не имеет смысла говорить о четырех варнах: варна — только одна (paśyāma ekavarṇo nāsti cāturvarṇyam). Даже физических различий мы не находим между брахманами и представителями других варн, хотя никто не затруднится отличить друг от друга человека, тигра, корову или отличить мужчину от женщины, молодого от старого и т.д. (Ibid.: 140). «Каста не воспринимается, о царь, [и только] добродетели — причина блага», — цитирует автор слова мудреца Вайшампаяны (Ibid.: 142).

Как видим, Ашвагхоша в этом небольшом и, возможно, неоконченном произведении (на это указывает последняя часть трактата, почти целиком состоящая из цитат) подвергает сомнению понятие не только брахманства, но и варнового деления общества. И если в «Ваджрасучика-упанишаде» и «Апта-ваджрасучи-упанишаде» проводится мысль, что брахманом делает человека знание Атмана, т.е. осуществление высшей религиозной цели в соответствии с учением веданты, то в тексте, приписываемом Ашвагхоше, в основном развенчивается понятие брахманства как таковое, причем делает это автор в характерно шуньявадинской манере, показывая, что каждый из тезисов оппонента ведет к бессмыслице или к утверждениям, с которыми не согласился бы и сам оппонент, а значит, используемые им понятия пусты.

Опираясь на этот признак, на то, что традиция приписывает создание этого памятника именно Ашвагхоше, и на то, что в мангала-шлоке автор поклоняется бодхисаттве Маньджушри, можно считать, что «Алмазная игла» действительно была составлена Ашвагхошей или, по крайней мере, кем-то из буддистов. Но тогда возникает вопрос: как стало возможным появление очень сходных по содержанию (хотя и не по общей идее) памятников в рамках очевидной брахманистской ортодоксии и приписывание их авторства Шанкаре? Текст Ашвагхоши был взят за основу последователями веданты, основательно сокращен, переписан и переосмыслен в строго ведантистском духе: если в исходном сочинении основная мысль состоит в том, что само понятие брахманства не имеет смысла, то в сочинениях, приписываемых Шанкаре, — что истинным брахманом может считаться только тот, кто познал Атман. Таким образом, между текстами ортодоксальных и неортодоксальных школ не было (во всяком случае, в те времена, когда ведантисты заимствовали «Алмазную иглу» у буддистов) безусловной границы, и, возможно, некоторые из сочинений, ныне считающихся безусловно брахманистскими и относящихся к одной из ортодоксальных школ, реально были составлены в джайнской или буддийской среде (или, может быть, даже в среде адживиков) и затем заимствованы брахманистами с радикальным переосмыслением всего их содержания.

Литература

«Апта-ваджрасучи-упанишада» 2013 — «Апта-ваджрасучи-упанишада» («Полная упанишада об алмазной игле») / Предисл., транслит., пер. с санскр. и коммент. С.Л. Бурмистрова // Письменные памятники Востока. 2013. № 1 (вып. 18). С. 65–78.

Бурмистров 2014 — *Бурмистров С.Л.* Секты и течения индуизма в «Апта-ваджрасучи-упанишаде» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 12. С. 45–55.

Ваджрасучика-упанишада 2000 — Ваджрасучика-упанишада // Упанишады / Пер. с санскр., исслед., коммент. и приложение А.Я. Сыркина. Изд. 2-е, доп. М.: Вост. лит., 2000. С. 639–641.

Вишну-смрити 2007 — Вишну-смрити / Пер. с санскр., предисл., коммент. и приложения Н.А. Корнеевой. М.: Вост. лит., 2007 (Памятники письменности Востока. CXXXII).

Корнеева 2007 — *Корнеева Н.А*. Предисловие // Вишну-смрити / Пер. с санскр., предисл., коммент. и приложения Н.А. Корнеевой. М.: Вост. лит., 2007 (Памятники письменности Востока. CXXXII). С. 14–72.

Шохин 1994 — *Шохин В.К*. Брахманистская философия: Начальный и раннеклассический периоды. М.: Вост. лит., 1994.

Шохин 2004 — *Шохин В.К*. Школы индийской философии: Период формирования (IV в. до н.э. — II в. н.э.). М.: Вост. лит., 2004.

Basham 1981 — *Basham A.L*. History and Doctrines of the Ājīvikas: A Vanished Indian Religion. Delhi; Varanasi; Patna: Motilal Banarsidass, 1981.

Vajra Suchi by Asvaghosha 1835 — Vajra Suchi by Asvaghosha / Transl. by B.H. Hodgson // Transactions of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1835. Vol. III. P. 160–169.

The Vajrasuci of Asvaghosa 1949 — The Vajrasuci of Asvaghosa / Critically edited with notes and translations by S.K. Mukherjee // Visva-Bharati Annals. 1949. Vol. II. P. 133–184.

References

" ‘Āpta-Vajrasūcī-Upaniṣad’ (A Complete Upaniṣad of the Diamond Needle). Introd., translit., transl. from Sanskrit into Russian and comment. by S.L. Burmistrov". *Pis’mennye pamiatniki Vostoka*, 2013, vol. 1, no. 18, pp. 65–78 (in Russian).

Basham, Arthur L. *History and Doctrines of the Ājīvikas*: *A Vanished Indian Religion*. Delhi–Varanasi–Patna: Motilal Banarsidass, 1981 (in English).

Burmistrov, Sergei L. "Sekty i techeniia induizma v ‘Āpta-Vajrasūcī-Upanishade’ " [Sects and Trends of Hinduism in the *Āpta-Vajrasūcī-Upaniṣad*]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena*, 2014, vol. 12, pp. 45–55 (in Russian).

Korneyeva, Natalia A. "Introduction". In: *Viṣṇu-smṛti*. Transl. from Sanskrit, introd., comment. and appendices by. N.A. Korneyeva Moscow: Vostochnaya literatura, 2007 (Pamiatniki pis’mennosti Vostoka, CXXXII), pp. 14–72 (in Russian).

Shokhin, Vladimir K. *Brahmanistskaya filosofiia*: *Nachal’nyi i ranneklassicheskii periody* [Brāhmaṇist Philosophy: Initial and Early Classical Periods]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1994 (in Russian).

Shokhin, Vladimir K. *Shkoly indiiskoi filosofii*: *Period formirovaniia* (*IV v. do n.e. — II v. n.e.*) [Schools of Indian Philosophy*:* The Formation Period, 4th Century B.C. — 2nd Century A.D.]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2004 (in Russian).

"Vajra Suchi by Asvaghosha". Transl. by B.H. Hodgson. In: *Transactions of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, 1835, vol. III, pp. 160–169 (in English).

"The Vajrasuci of Asvaghosa". Critically edited with notes and translations by S.K. Mukherjee. In: *Visva-Bharati Annals*, 1949, vol. II, pp. 133–184 (in English).

"Vajrasūcika-upaniṣad". In: *Upaniṣady*. Transl. into Russian, introd., comment., and Appendix by A.Ia. Syrkin. 2nd ed. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000 (in Russian).

Viṣṇu-smṛti. Transl. from Sanskrit, introd., comment. and appendices by. N.A. Korneyeva Moscow: Vostochnaya literatura, 2007 (Pamiatniki pis'mennosti Vostoka, CXXXII) (in Russian).

"The Diamond Needle": The Buddhist Roots of a Brāhmaṇic Text

Sergey L. BURMISTROV
Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 12.04.2022.

Abstract: The similarity between the contents of the "Vajrasūcika-upaniṣad" and the "Āpta-vajrasūcī-upaniṣad" (both ascribed to Śaṃkara, 9th century) and that of the "Vajrasūcī" (ascribed to the Buddhist thinker Aśvaghoṣa, 2nd century) demonstrates that the dividing line between the Buddhist and Brāhmaṇic written cultures were not entirely impermeable. These texts describe what makes one a true *brāhmaṇa*. Aśvaghoṣa's authorship of the "Vajrasūcī" is proved by three facts: (1) tradition unambiguously ascribing its authorship to him, (2) the worship formula in the *maṅgala-śloka* is addressed to Bodhisattva Mañjuśrī and (3) some stylistic features bring this treatise together with the style of early Mahāyāna texts (Madhyamaka school). At the same time, the treatise is composed within pure Brāhmaṇic conceptual field, it contains neither mentions nor allusions to Buddhist notions, but its main thesis is that the concept of brahminhood is internally contradictory. Besides, different authoritative texts give conflicting expositions of qualities that make one a *brāhmaṇa*. Nevertheless, this text was accepted by Brāhmaṇic school of Advaita Vedānta and ascribed to Śaṃkara, and its main thesis was reformulated as the idea that it is only knowledge of Ātman that makes one a true *brāhmaṇa*.

Key words: religious and philosophical systems of ancient and medieval India, Buddhism, Madhyamaka, Vedānta, Aśvaghoṣa, Śaṃkara, upaniṣads, caste system, Sanskrit written monuments.

For citation: Burmistrov, Sergey L. " 'The Diamond Needle': The Buddhist Roots of a Brāhmaṇic Text". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2023, vol. 20, no. 1 (iss. 52), pp. 27–34 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO205531.

About the author: Sergey L. BURMISTROV, Dr. Sci. (Philosophy), Leading Researcher, Section of South Asian Studies of the Department of Central and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (SLBurmistrov@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-5455-9788.

Письменные памятники Востока. 2023. Том 20. № 1 (вып. 52). С. 35–43

О некоторых принципах передачи на русский язык старокитайских административных терминов

В.М. РЫБАКОВ
Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO114874

Статья поступила в редакцию 30.12.2022.

Аннотация: Управленческий аппарат играл в традиционном Китае важнейшую роль. Бюрократия Китая была для своего времени самой развитой, продуманной и изощренной в мире. Поэтому все старые китайские тексты, и художественные, и исторические, и порой даже философские, буквально пестрят названиями учреждений и должностей. При этом до сих пор ни в отечественном китаеведении, ни в западном не существует общепринятой системы передачи на европейские языки старокитайских административных терминов. Это не случайно. Любая попытка предложить систематическую трактовку понимания и передачи на другие языки этой сложной терминологии наталкивается на ряд серьезных препятствий. В данной статье предложены и проиллюстрированы примерами некоторые принципы, с использованием которых можно было бы подступиться к решению этой проблемы.

Ключевые слова: традиционный Китай, династия Тан, государственное строительство, административные термины старого Китая.

Для цитирования: *Рыбаков В.М.* О некоторых принципах передачи на русский язык старокитайских административных терминов // Письменные памятники Востока. 2023. Т. 20. № 1 (вып. 52). С. 35–43. DOI: 10.55512/WMO114874.

Об авторе: РЫБАКОВ Вячеслав Михайлович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела Дальнего Востока ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (ouyangtsev@mail.ru). ORCID: 0000-0002-7671-9500.

© Рыбаков В.М., 2023

Проблема передачи на западные языки, в частности на русский, неисчислимых наименований учреждений и должностей традиционного Китая до сих пор в общем-то не осознается как проблема. Похоже, в лучшем случае она по сравнению, скажем, с проблемой анализа и интерпретации философских или литературных категорий ощущается мелкой, неважной и сугубо прикладной. Проще говоря, каждый ученый

в пределах стоящей перед ним задачи всякий раз практически заново вынужден давать свою версию тех административных и бюрократических терминов, которые упоминает в своей работе — чаще всего отнюдь не самой бюрократии посвященной. И оттого в этой сфере царит удручающий разнобой.

Можно, конечно, как это зачастую и делается, просто калькировать по-русски западноязычные версии передачи старокитайских административных наименований. Там версии такой передачи более устоялись, хотя и нельзя сказать, что некая единая общепринятая система утвердилась. Но результаты применения такой методики скорее дезинформируют, нежели информируют. На Западе главенствует функциональный подход, т.е. термины не столько переводятся, сколько интерпретируются. К тому же интерпретируются они частенько в русле заданной еще Римской империей смысловой и терминологической традиции, и уж подавно — с применением терминов, находящихся в ходу в своей собственной современной бюрократии. Поэтому то и дело можно встретить такие названия должностей, как, скажем, «ментор», «цензор», «менеджер», «директор», «джентльмен» или «клерк», которые в русском переводе применительно к традиционному Китаю порой звучат несколько гротескно.

Казалось бы, в этом нет большой беды. Если название той или иной должности либо учреждения хотя бы приблизительно дает представление о функциях, которые данным чиновником или данным учреждением исполнялись, то этого как бы уже достаточно. Однако известно, как тщательно подходили в традиционном Китае, в частности в период Тан (618–907), к выбору таких наименований и как часто эти наименования изменялись, отменялись или восстанавливались: то из-за табу на иероглифы, которые входили в имя наследника престола или недавно почившего императора, то в связи с какими-то природными явлениями, понятыми как благовещие или дурные знамения, то просто в стремлении максимально точно или максимально образно и поэтично отразить актуальные, тоже порой менявшиеся представления о служебных функциях данных институтов или персон. Все это не позволяет проявлять тут легкомыслие и заслоняться от китайских названий приблизительным перетолковыванием. Из-за него мы совершенно теряем из виду обширный культурологический пласт, теоретический аспект, и лишаем себя возможности понять и представить, как именно сами тогдашние китайцы представляли себе место данного учреждения или чиновника в сложнейшем и важнейшем деле управления громадной страной, что они сами думали о его роли и функциях, какие возлагали на него задачи и надежды.

Исправить это положение, однако, не так просто. Любые попытки подобного рода наталкиваются на ряд принципиальных трудностей.

В идеале при передаче китайских наименований на русский язык хотелось бы, во-первых, стараться учитывать значения слов, входящих в данное наименование, а не подменять их толкованием на европейский лад, сформулированным исходя из узко понимаемых формальных служебных обязанностей, которые данная должность предполагала или какие на данное учреждение возлагались. Во-вторых, следовало бы до последней возможности избегать терминов, несущих слишком явный отсвет иных культур, слишком очевидный груз сбивающих с толку, обманывающих ассоциаций. В-третьих, хотелось бы постараться каждому китайскому слову, входящему в тот или иной термин, подыскивать при передаче аналог, причем аналог устойчивый — так, чтобы любой мало-мальски знакомый с материалом читатель мог по входящим в русскоязычный термин словам предположить, какие за ним стоят китайские слова, какими именно иероглифами он написан на языке оригинала. И, в-четвертых, хотелось бы

при передаче единообразно сконструированных китайских названий находить или создавать столь же единообразно сконструированные русскоязычные аналоги.

Хорошим примером сложностей, подстерегающих при попытках реализации подобных устремлений, может послужить рассмотрение хотя бы нескольких биномов, двусложных терминов, где первым компонентом является *сы* 司. Они были весьма многочисленны, поскольку конструирование наименований с помощью *сы* было одним из удобных и распространенных способов создания административных терминов, причем, скроенные практически по единому шаблону, они могли обозначать как высших сановников империи, так и низовых служащих, т.е. без указания на статус, широту полномочий, степень высокопоставленности или подчиненности. *Сы* в составе такого термина имеет значение «управлять, заведовать, ведать; быть ответственным за...» (БКРС 1983–1984: III, 103). Второй компонент в составе термина обозначает собственно сферу деятельности или служебную функцию чиновника или учреждения. Следовательно, бином в целом обозначает того, кто отвечает за то-то и то-то.

Понятно, что при передаче на русский язык подобных биномов может быть два различных подхода, каждый из которых имеет свои преимущества и свои недостатки. Можно, не мудрствуя, каждый из них конструировать с использованием слов «ответственный за *что-л.*» или «ведающий *чем-л.*»; этот самый прямолинейный, лежащий на поверхности вариант я в свое время и выбрал в своей монографии «Танская бюрократия» (Рыбаков 2009). И можно еще для каждого такого термина пытаться подобрать компактный, по возможности однословный, аналог, более или менее в равной степени соответствующий китайскому как по смыслу самого термина, т.е. бинома в целом, так и по смыслу его второго компонента, описывающего конкретные должностные обязанности.

Первый подход с легкостью обеспечивает единообразие передачи единообразно сконструированных исходных терминов, учитывает значения обеих составных частей термина и может быть вполне обеспечен уже существующим разнообразием русских слов. Однако он не вполне удобен при практическом использовании из-за того, что термины, создаваемые таким образом, многословны и громоздки. Второй подход в состоянии снабдить нас короткими, удобными при использовании русскими терминами, но часто может потребовать изрядной фантазии, так как неизбежно приведет к необходимости создания более или менее приемлемых неологизмов. К тому же и единообразия он обеспечить не способен.

Начнем с наиболее высокопоставленных *сы*.

Сыкун 司空. Так исстари назывался один из высших сановников страны. В каждый данный период времени *сыкун* мог быть только один, множественности штатных единиц эта высочайшая должность не предполагала. При Тан ей соответствовал основной 1-й ранг (*чжэн и пинь* 正一品)[1]. Изначально специфической сферой ответственности этого сановника был верховный контроль за ирригационными работами, за строительством каналов и дамб — важнейшей и насущнейшей из общественных ра-

[1] В дальнейшем при обозначении рангов я для удобства и краткости буду прибегать к цифровой кодировке, где первая цифра — порядок самого ранга, а вторая, та, что в скобках, обозначает разряд ранга: основной — *чжэн* 正 (1) или сопровождающий — *цун* 從 (2). Следует помнить, что ранги с 4-го по 9-й подразделялись не на 2 разряда, а на 4, поскольку и основной, и сопровождающий делились еще на высший — *шан* 上 (1) и низший — *ся* 下 (2), обозначенные мной через косую черту. 1-й основной ранг, таким образом, обозначен как 1(1), а например, 4-й сопровождающий, высший — как 4(2/1).

бот. Слово *кун* 空, т.е. «функциональное ядро» этого названия должности, одним из первичных смыслов имеет обозначение операций с землей: создание пустот, проделывание отверстий, выкапывание сквозных проходов, прокладывание водоводов; в современном языке благодаря тому, что изначально обозначал пустоту, он может означать, например, «воздушное пространство», «небеса» и даже «авиацию» (БКРС 1983–1984: II, 77). При Тан должность *сыкун* фактически стала высокопрестижным назначением, не связанным с исполнением каких-то реальных служебных обязанностей, и нередко оставалась вакантной. Формально, однако, назначение на должность *сыкун* могло давать возможность участия в обсуждении главных государственных дел. В фундаментальной монографии Р. де Ротура «Traité des Fonctionnaires et traité de l'Armée», явившейся квинтэссенцией долгого опыта западноязычных попыток передачи китайских наименований и, в свою очередь, во многом заложившей основы современной традиции такой передачи, эта должность названа «directeur des travaux publics» (Rotours 1947–1948: 19, 1003). В капитальном словаре Ч. Хакера «A Dictionary of Official Titles in Imperial China», который в последние десятилетия для многих китаеведов стал буквально настольной книгой, она названа «Minister of Works» (Hucker 1985: 450). В словаре Ошанина для этого термина есть несколько интерпретаций: «управитель общественных работ (*дин. Чжоу*); советник (начальник приказа) общественных (публичных) работ» (БКРС 1983–1984: III, 103)[2].

При всем уважении к этим трем авторитетным источникам нельзя не заметить, что все версии имеют весьма мало общего со значениями входящих в название слов. В исходном термине нет ни директоров, ни министров, ни советников, ни, собственно говоря, даже общественных работ. Пытаясь приблизить русскоязычную передачу китайского термина к его реальному значению, в рамках первого подхода — того, что старается учесть оба иероглифа и дать столь же единообразную вереницу русских терминов, сколь единообразна вереница китайских терминов, начинающихся с *сы*, — мы получим, например, такое название, как «ответственный за земляные работы» или хотя бы (но это уже дальше от оригинала) «распорядитель земляных работ». Попытавшись реализовать второй подход, чтобы получить удобный к использованию компактный термин, мы можем получить такие названия должности, как, скажем, «копатель» или даже «прокапыватель». А чтобы русскоязычный читатель не заподозрил, будто речь идет о простых землекопах или, в лучшем случае, бригадире копателей, и чтобы дать представление об уникальности и престижности исполняемых этим чиновником функций, можно было бы разве что писать эти названия с заглавной буквы: либо «Копатель», либо «Ответственный за земляные работы».

Сыту 司徒. Так называлась еще одна известная с древности высшая должность. *Сыту* тоже мог существовать в каждый данный промежуток времени лишь в единственном числе, и тоже этот пост часто оставался вообще незанятым. В танское время этой должности также соответствовал ранг 1(1). С древнейших времен так назывался главный советник правителя и ответственный распорядитель по делам землеустроения и народонаселения, народного воспитания, просвещения и обучения. В «Новой истории Тан» сообщается лаконично, что *сыту* помогал Сыну Неба содержать в надлежащем состоянии и соотношении темное и светлое начала, а также поддерживать покой в краях и уделах (*цзо тянь цзы ли инь ян пин бан го* 佐天子理陰陽平邦國) (Синь Тан шу 1975: 1184). Уже к началу периода Тан это назначение тоже стало ис-

[2] Значения терминов в трудах Р. де Ротура, Ч. Хакера и в словаре Ошанина записаны именно так.

ключительно престижным, номинальным, фактически зарезервированным специально для родственников императора, но оно, как и в случае с *сыкун*, давало возможность участвовать в заседаниях высшего совета. Второе слово, *ту*, входящее в это название, в данном контексте можно понять как «совокупность рядовых наших», «массы ведомого нами простого народа». Р. де Ротур передает это название как «directeur de l'instruction» (Rotours 1947–1948: 19, 1006), Ч. Хакер — как «Minister of Education» (Hucker 1985: 458). Пытаясь передать это название ближе к китайскому оригиналу, получим такие названия, как «Ответственный за подданных» или «Назидатель» либо «Нравоучитель» — и то и другое с заглавных букв.

Сые 司業. Так называлась вторая по значимости должность в управлении княжественных сыновей (*гоцзыцзянь* 國字監). Занимавший ее человек фактически являлся заместителем главы этого высшего учебного заведения танского Китая. По штату полагалось два *сые*, ранг — 4(2/2). Отвечали они за руководство текущим учебным процессом, последовательность преподавания конфуцианского учения, а также осуществляли общий контроль за подразделениями управления (тех, что на современном языке можно было бы назвать факультетами). Во 2-м году Лун-шо (третий девиз правления Гао-цзуна, 661–663) название этой должности было изменено на *шаосычэн* 少司成, в середине годов Сянь-хэн (седьмой девиз правления Гао-цзуна, 670–674) прежнее название было восстановлено. В середине годов Чуй-гун (второй девиз правления У-хоу, 685–688) штатное число *сые* на некоторое время было увеличено до четырех.

Р. де Ротур передает название этой должности как «vice-recteur» (Rotours 1947–1948: 443, 1007). Ч. Хакер предлагает вариант «Director of Studies» (Hucker 1985: 459). Словарь Ошанина дает развернутую трактовку: «*сые* (ассистент в ритуале возлияния вина; в государственном училище 國字監); распорядитель по учебному делу» (БКРС 1983–1984: III, 105). Действительно, должность главы управления, если переводить буквально, и называлась «возливатель жертвенного вина» (*цзицзю* 祭酒), поскольку в его обязанности входило проведение церемониальных возлияний в честь, например, Конфуция, что явно считалось непременным и важнейшим условием эффективности учебного процесса; именно эта функция, а не какая-либо иная, породила название должности главы учреждения. *Сые* действительно ассистировали *цзицзю* во время церемоний. Однако название должности *сые* образовано было уже не от этой церемониальной функции, а, что с нашей точки зрения выглядит более оправданным, от роли в организации реального процесса обучения. Пытаясь передать его ближе по смыслу к китайскому исходному термину, мы можем получить такие названия, как например, «ответственный за усвоение знаний» или «заведующий завершением образования», а если короче — то, скажем, «главный преподаватель»; хотя в таком случае того оттенка, что *сые* отвечал за успешное завершение учебного процесса учащимися и полную профессионализацию учащихся (что, на мой взгляд, подразумевает иероглиф *е* 業), отразить приемлемым способом не удается. Для названия *шаосычэн* ни Р. де Ротур, ни Ч. Хакер не дают отдельных вариантов, ограничиваясь повторением «vice-recteur» и «Director of Studies». Ошанин дает версию «помощник церемоний-мейстера по возлиянию жертвенного вина» (Там же: 356). Ближе по смыслу можно было бы передать название должности *шаосычэн* как «малый ответственный за завершение становления», «малый становитель» (сам глава учебного заведения в этот период назывался *дасычэн* 大司成, т.е. «большой ответственный за завершение становления», «большой становитель»).

Сыли 司曆. Это была должность среднего звена в так называемой астрологической обсерватории (*сытяньтай* 司天臺). Занимавший ее чиновник отвечал за астрономические вычисления, необходимые для подготовки государственного календаря, в первую очередь за определение дат будущих солнцестояний и равноденствий. По штату таких служащих было в разное время двое или пятеро, ранги менялись — 9(2/1), 8(2/1). В начальный год Цянь-юань (второй девиз правления Су-цзуна, 758–760) в учреждении была проведена не вполне понятная реорганизация, оно оказалось подразделено на пять управ, и к названиям всех должностей было добавлено словосочетание «при пяти управах» (*угуань* 五官); так *сыли* стали *угуань сыли*. Видимо, именно с этого момента их число изменилось с двух до пяти и был повышен их ранг. Р. де Ротур передает это название как «contrôleur du calendrier», Ч. Хакер — как «Manager of the Calendar». При нашем подходе мы получим названия «ответственный за календарь» или, в одно слово, «календарщик».

Сыма 司馬 — это очень интересный и трудный для адекватной передачи термин, буквально «ответственный за лошадей», «ведающий лошадьми». И действительно, в древности чиновник с таким названием должности отвечал за кавалерию. Но с течением времени функции изменились, а уважительное, почти ритуализованное древнее название сохранилось. При Тан, в частности, так называлась одна из высших офицерских должностей комсостава полевых армий. В обязанности *сыма* входило осуществление вспомогательных функций в делах военного управления и военно-учебной подготовки. Когда войско находилось на постое, *сыма* тренировал его посредством проведения весенней и зимней охоты. Когда войско было в сборе, он контролировал обучение приемам нападения и обороны, а также снабжение военным снаряжением, провиантом, ведение перечней личного состава армии и пожалование наград и материальных поощрений отличившимся. Однако это название далеко не всегда относилось к чисто военным должностям. Оно встречается в перечнях штатных должностей большинства территориальных административных единиц. О функциях тех, кто занимал должность *сыма* в местных администрациях, к сожалению, указаний практически нет. Эти функции описаны лишь применительно к армиям и штатам военных губернаторов, где они имели явно военный уклон, в мирном же варианте их обязанности разъяснены в «Новой истории Тан» лишь единожды, и довольно невнятно, применительно к персоналу княжеских дворов. Там сказано, что *сыма* ведали штатом служащих двора в целом и соблюдением порядка в исполнении ими своих служебных обязанностей (Синь Тан шу 1975: 1306). По штату *сыма* там полагался один, в ранге 4(2/2). В крупных местных административных единицах, по старинке традиционно называемых у нас генерал-губернаторствами, в штате администрации полагалось два *сыма*, ранг — 4(2/2), а вот, например, в регулярных округах (*чжоу* 州) по штату полагался лишь один *сыма*, и ранг его мог быть всего лишь 6(2/1). В этих административных единицах его функции заключались в том, что он помогал в решении текущих управленческих задач, регулировал и поддерживал в порядке общую работу, принимал основные решения по делам отделов администрации и ежегодно подавал наверх, видимо в столицу, доклады с отчетами. Р. де Ротур называет *сыма* «administrateur supérieur» (Rotours 1947–1948: 1004), Ч. Хакер — «Assistant» и «Adjutant» (Hucker 1985: 513). Ошанин дает несколько вариантов, в частности «помощник областного начальника (*по военным делам, с дин. Тан*)» (БКРС 1983–1984: III, 104). Передать название этой должности, как-либо обыгрывая прямое значение *ма* — «лошадь», невозможно, но если понять это слово метафорически, соответственно важности кон-

ницы для древнего войска, получим «ответственный за важные дела» или, если короче, например, «управделами»; а попробовав отразить примененную самими китайцами «лошадиную метафору» — то даже, скажем, «погонщик персонала» или, скажем, «штаб-коновод». Но для реального использования такие конструкции, безусловно, не годятся.

Сычжи 司直. Так назывались несколько чиновников среднего звена в одном из главных учреждений, занимавшихся в период Тан восстановлением справедливости в судебной сфере (*далисы* 大理寺). Название этого учреждения словарь Ошанина, например, передает как «Ревизионная палата, палата по уголовным делам, апелляционный суд» (БКРС 1983–1984: III, 619). По штату палаты полагалось шесть *сычжи*, ранг — 6(2/1). Их обязанности заключались в проведении следственных действий и разборе судебных тяжб вне столицы, равно как в осуществлении повторных, контрольных разборов уже проведенных расследований, если появлялись сомнения в корректности уже вынесенных решений. Похоже, в первую очередь объектами их расследований были провинциальные государственные служащие, на которых с мест были получены какие-то жалобы или обвинения. Слово *чжи* само по себе означает «прямой, прямо, напрямик; выпрямлять, распрямлять; совершенствовать, выводить на правильный путь» (Там же: II, 304). Понятие прямизны и выправления *чжи* вообще очень важно для китайской мысли, и в данном случае *сычжи* должно пониматься, несомненно, как «тот, кто занимается выправлением кривого, исправлением неправильного», «устраняет кривду и восстанавливает правду». Р. де Ротур передает название этой должности как «inspecteur judiciaire» (Rotours 1947–1948: 408, 1005), Ч. Хакер с несколько «электротехническим» уклоном — как «Rectifier» (Hucker 1985: 444). Словарь Ошанина дает вариант «чиновник по судебным делам (*дин. Тан–Сун*); ревнитель правды» (БКРС 1983–1984: III, 104). Попытавшись передать термин *сычжи* с максимально возможным приближением к китайскому оригиналу, получим «ответственный за правильность», а если короче, в одно слово, то придется обогатить русский язык таким термином, как, например, «выправитель», а то и «правдотворец» или «правильник» с ударением то ли на «а», то ли на первое «и».

Встает вопрос: имеет ли смысл гнаться за всегда все равно в общем-то ускользающей точностью передачи в ущерб привычности и европейскости? Мне думается, что эту погоню по крайней мере следует постоянно иметь в виду. В авторской речи можно, и наверное неизбежно, поминать всуе и министров, и советников, кто во что горазд в меру своих устоявшихся предпочтений. Но там, где текст претендует на перевод с китайского, там и тогда, где и когда мы хотим почувствовать суть и аромат культуры, увидеть картину мира так, как ее видели сами ее творцы, «менеджерам», «адъютантам» или «вице-ректорам» не место.

Литература

БКРС 1983–1984 — Большой китайско-русский словарь. В 4 т. / Под ред. И.М. Ошанина. М.: Наука, ГРВЛ, 1983–1984.

Рыбаков 2009 — *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Ч. 1. Генезис и структура. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009.

Синь Тан шу 1975 — Синь Тан шу 新唐書 (Новая история Тан). Т. 1–20. Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1975.
Hucker 1985 — *Hucker Ch.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China. Stanford (CA): Stanford University Press, 1985.
Rotours 1947–1948 — *Rotours R., des.* Traité des Fonctionnaires et traité de l'Armée. Leyde: E.J. Brill. 1947–1948. Vol. 1–2.

References

Bol'shoi kitaisko-russkii slovar'. V 4 t. [Comprehensive Chinese-Russian Dictionary. In 4 vols.]. Ed. by I.M. Oshanin. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1983–1984 (in Chinese and Russian).
Hucker, Charles. *A Dictionary of Official Titles in Imperial China*. Stanford (CA): Stanford University Press, 1985 (in English).
Rotours, Robert Marie Piat, des. *Traité des Fonctionnaires et traité de l'Armée.* Leyde: E.J. Brill. 1947–1948. Vol. 1–2 (in French).
Rybakov, Viacheslav M. *Tanskaia biurokratiia*. *Chast' 1. Genezis i struktura* [The Tang Bureacracy. Pt. 1. Genesis and Structure]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2009 (in Russian).
Xin Tang shu 新唐書 [New History of the Tang]. T. 1–20. Beijing: Zhonghua shuju 中華書局, 1975 (in Chinese).

On Some Principles of Rendering Old Chinese Administrative Terms into Russian

Viacheslav M. RYBAKOV
Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 30.12.2022.

Abstract: The administrative apparatus played a very important role in traditional China. China's bureaucracy was the most developed, elaborated and sophisticated in the world of that time. Therefore, all the old Chinese texts, both artistic, historical, and sometimes even philosophical, are full of names of institutions and offices. But there is still no generally accepted system of rendering old Chinese designations of institutions and administrative posts into European languages, in both Russian and Western Sinology. This is not accidental. Any attempt to propose a systematic interpretation of the meaning and translation into other languages of this complex terminology encounters a number of serious obstacles. In this article, we propose and illustrate some principles, using which it would be possible to approach the solution of this problem.

Key words: traditional China, Tang Dynasty, state building, administrative terms of old China.

For citation: Rybakov, Viacheslav M. "On Some Principles of Rendering Old Chinese Administrative Terms into Russian". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2023, vol. 20, no. 1 (iss. 52), pp. 35–43 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO114874.

About the author: Viacheslav M. RYBAKOV, Dr. Sci. (History), Leading Researcher of the Department of Far Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (ouyangtsev@mail.ru). ORCID: 0000-0002-7671-9500.

Письменные памятники Востока. 2023. Том 20. № 1 (вып. 52). С. 44–57

Перевод Е.И. Кычанова «Измененного и заново утвержденного свода законов девиза царствования Небесное процветание» в контексте развития современного переводоведения

МЭН СЯ
Институт иностранных языков Шэньсийского педагогического университета
Сиань, Китай

Н.Ю. ЦАРЕВА
Институт иностранных языков Шэньсийского педагогического университета
Сиань, Китай

DOI: 10.55512/WMO205372

Статья поступила в редакцию 21.11.2022.

Аннотация: Е.И. Кычанов был хорошо известен в китайских академических кругах с 1980-х годов, и его переводы древних тангутских рукописей на русский язык нередко используются китайскими учеными в качестве справочных материалов. В данной статье поставлена задача на примере переведенного ученым тангутского «Измененного и заново утвержденного свода законов девиза царствования Небесное процветание (1149–1169)» проанализировать некоторые особенности его переводческой деятельности, избранные им стратегии и способы, а также прокомментировать отношение китайских специалистов к переводу тангутского памятника Е.И. Кычановым.

Ключевые слова: Е.И. Кычанов, переводческая деятельность, стратегии и способы перевода, древние тангутские рукописи.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках крупного проекта «Исследование Тяньшэн люйлин на тангутском языке» при финансовой поддержке Государственного фонда общественных наук КНР(17ZD186).

Для цитирования: *Мэн Ся*, *Царева Н.Ю.* Перевод Е.И. Кычанова «Измененного и заново утвержденного свода законов девиза царствования Небесное процветание» в контексте развития современного переводоведения // Письменные памятники Востока. 2023. Т. 20. № 1 (вып. 52). С. 44–57. DOI: 10.55512/WMO205372.

Об авторах: МЭН Ся, профессор, декан факультета русского языка Института иностранных языков Шэньсийского педагогического университета (Сиань, Китай) (xmeng003@163.com).
ЦАРЕВА Наталия Юрьевна, профессор факультета русского языка Института иностранных языков Шэньсийского педагогического университета (Сиань, Китай) (gct-tsareva@yandex.ru).

© Мэн Ся, 2023
© Царева Н.Ю., 2023

Введение

Евгений Иванович Кычанов (1932–2013), выдающийся русский ученый-тангутовед, стал хорошо известен в китайских академических кругах с 1980-х годов. Его переводы древних тангутских текстов на русский язык, начиная с названного периода и до сих пор, использовались и используются китайскими специалистами в данной области в качестве справочных материалов.

Сразу обратим внимание на тот факт, что, судя по направлениям исследований, которыми занимался профессор Е.И. Кычанов, значительная часть его творческой профессиональной жизни была посвящена именно переводческой работе, в частности, переводу тангутских рукописей. Поэтому, не умаляя огромных заслуг ученого в области других гуманитарных наук, мы позволим себе увидеть в нем не столько историка-тангутоведа, сколько замечательного переводчика, используя в качестве примера переведенную им с тангутского на русский рукопись «Измененного и заново утвержденного свода законов девиза царствования Небесное процветание (1149–1169)».

Также мы попробуем провести сравнительный анализ переводов этого древнего документа, выполненных Е.И. Кычановым и китайскими специалистами, чтобы глубже уяснить их ценностные характеристики с точки зрения научности на основе теории переводческой интерпретации с учетом смыслового выражения, стилевого соответствия и адресности.

1. Создатель первого русского перевода «Измененного и заново утвержденного свода законов девиза царствования Небесное процветание»

Известно, что тангутоведение вызывало огромный интерес Е.И. Кычанова всю его жизнь, начиная с молодых лет. Его кандидатская диссертация, наряду с вопросами этнического происхождения тангутов, экономического их развития, роли и распространения буддизма в тангутском государстве, была посвящена и исследованию письменности этого народа.

Однако Е.И. Кычанов на тот момент еще не владел тангутским языком, поэтому в своих материалах, необходимых для диссертации, он ссылался на китайские источники, поскольку, будучи выпускником Восточного факультета Ленинградского государственного университета, он хорошо знал китайский язык.

Нужно сказать, что в изучении тангутского языка Е.И. Кычанову помог, с одной стороны, опыт овладения тибетским языком, а с другой — разбор и классификация тангутского фонда, когда он работал уже в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР.

Отметим и то, что благодаря наличию коллекции тангутских рукописей становление тангутоведения в России началось еще в начале XX в., в 1909 г. С точки зрения содержания данное научное направление прошло полный процесс развития — от текстологического до историко-культурного исследования. Оно включало в себя как тщательный разбор документов, их каталогизацию, так и последующее глубокое их изучение и перевод, в котором Е.И. Кычанову будет принадлежать роль создателя первого русского перевода тангутского Кодекса законов.

Ученый прекрасно понимал, что ключом для расшифровки тангутских рукописей Си Ся (Западного Ся) служит их письменность, знаки которой оставались трудноразрешимой загадкой для исследователей. Но тайны всегда заманчивы и привлекают к себе ученых с пытливым умом и богатым воображением. Именно таким человеком был Е.И. Кычанов, который начиная с 1969 г. в течение двадцати лет неуклонно и последовательно разрешал в этом направлении сложнейшие задачи. Опираясь на свой предшествующий переводческий опыт, обладая острым исследовательским видением, Е.И. Кычанов избирает Кодекс Западного Ся в качестве объекта перевода и научного исследования.

При переводе текста «Измененного и заново утвержденного свода законов девиза царствования Небесное процветание» ученый руководствовался двуединой целью совместить перевод и научно-историческое исследование.

Этот труд ученого считается уникальным и по своему объему, и по содержанию, ибо включает в себя 1460 статей (20 глав) оригинала, переведенных Е.И. Кычановым на русский язык. Все его научные изыскания и тексты переводов вошли в четырехтомное издание, в котором большую часть (три тома) составляют именно переводы.

К публикации перевода профессора Е.И. Кычанова и факсимиле «Измененного и заново утвержденного свода законов девиза царствования Небесное процветание» со стороны китайских исследователей было проявлено немало внимания.

Так, с 1987 г. в течение последующих четырех лет ученые Ши Цзиньбо, Не Хунъинь и Бай Бинь осуществили перевод Кодекса с тангутского языка на китайский. В 1994 г. их труд был опубликован под названием «Си Ся Тяньшэн люйлин». В 2000 г. эта книга была выпущена под другим названием — «Тяньшэн гай цзю синь дин люйлин».

В настоящее время при поддержке проекта Национального фонда социальных наук Китая тангутовед, профессор Шэньсийского педагогического университета (г. Сиань) Хань Сяоман завершил новый перевод тангутского Кодекса законов на китайский язык, который увидит свет в самое ближайшее время.

Кроме того, хотелось бы отметить, что еще в 1988 г. научный сотрудник Академии общественных наук Нинся-Хуэйского автономного района Ли Чжунсань перевел с русского на китайский второй том тангутского Кодекса, опубликованного Е.И. Кычановым. Думается, что данная переводческая практика заслуживает отдельного внимания, поскольку в случае перевода других трех томов представится реальная возможность постичь истинную значимость труда Е.И. Кычанова в научных кругах китайских специалистов.

Следует признать, что за последние два десятилетия китайские специалисты всесторонне изучили текст «Измененного и заново утвержденного свода законов девиза царствования Небесное процветание». Однако отметим, что их исследования в этой области были бы не столь эффективны и научно убедительны, если бы не было труда выдающегося российского ученого Е.И. Кычанова.

2. Особенности содержания «Измененного и заново утвержденного свода законов девиза царствования Небесное процветание» и трудности перевода

Если мы зададимся вопросом, почему Е.И. Кычанову потребовалось 20 лет, чтобы перевести Кодекс Западного Ся на русский язык, то, отвечая на него, мы прежде всего

скажем о высокой сложности самих текстов, а также о необходимости переосмысления оригинального произведения с учетом его восприятия носителями переводного языка.

Известно, что составителями тангутского Кодекса законов являлись самые образованные люди, владеющие и китайской, и тангутской письменностями. Документ был принят и обнародован во время правления императора Западного Ся Жэнь-цзуна под девизом Небесное процветание (1149–1169), т.е. за 800 с лишним лет до того, как Е.И. Кычанов начал переводить Кодекс.

К счастью, древняя тангутская рукопись не была утрачена, однако время не пощадило само государство Западное Ся. Монголы, захватив его, уничтожили почти все его письменные памятники и культурные реликвии. Поэтому письменность тангутов считалась почти утраченной, ибо имелось крайне незначительное количество текстов на этом языке, что затрудняло их расшифровку, которой занимались русские исследователи, в том числе и Е.И. Кычанов.

Если охарактеризовать содержание Кодекса, то оно охватывало уголовное, гражданское, административное, хозяйственное, военное и процессуальное право. В главе 1 определялись «пять наказаний» и «десять зол»; в главе 2 предусматривались общие принципы уголовного права; глава 3 была посвящена уголовному и процессуальному правам; в главах 4, 5, 6 в основном описывались законы военного права; в главах 10, 11, 12 и 13 было представлено административное право и рассматривались ранги административных органов всех уровней, комплектование штата должностных лиц, их отбор и срок их полномочий, административные процедуры и система использования печатей; главы 15, 16, 17 и 18 касались экономических законов, которые определяли правила земледелия, виноделия, водного хозяйства, строительства и использования мостов и дорог, производства соли, складирования и внешней торговли; в главе 19 конкретно описывались права, связанные с животноводством и пастбищами; глава 20 представляла собой дополнение к содержанию предыдущих глав данного Кодекса (Жэнь Чансин 2018: 60).

Судя по направленности содержания, нетрудно обнаружить, что сложности перевода особенно остро возникали, когда речь шла об интерпретации немалого количества имен собственных и наименований конкретных вещей, связанных с жизнедеятельностью государства. Среди них назовем некоторые тематические группы, заслуживающие в плане перевода нашего внимания.

Названия должностей и титулов, которые были заимствованы тангутами из китайской управленческой системы. Если мы сопоставим их названия на тангутском и китайском языках, то заметим, что эти наименования не были простым переводом с китайского языка, а, как указала в своей статье китайский ученый Сунь Боцзюнь, они, скорее, представляли собой вольный перевод с обобщением неких функций (Сунь Боцзюнь 2021: 61).

Названия военной администрации. В этом отношении Западное Ся подражало военной системе прошлых династий Китая и устанавливало строгую систему военного управления, включавшую в себя множество сложных наименований его органов, которые подробно описывались в десятой главе Кодекса Западного Ся.

Названия лекарств китайской медицины, содержащиеся в Кодексе, составили 232 весьма разнообразных наименования, связанных с широким спектром источников лекарств. Большая часть названий традиционных китайских лекарств в оригинале была переведена на тангутский язык путем транслитерации на основе северо-западного китайского диалекта династии Сун (Не Хунъинь 2009: 292).

Буддийские и даосские термины, использованные при описании правил, касающихся разных аспектов буддизма и даосизма, бытовавших в Западном Ся. В частности, встречалось немало статей о монахах, с указанием их степеней. Кроме того, можно обнаружить немало редких буддийских терминов, смысл которых был не слишком ясен, плюс к тому же составителями Кодекса использовалось параллельно два набора буддийских терминов, принятых в тангутском языке. Поэтому их сущностные характеристики и различия можно было, скорее, лишь предугадывать, чем понимать доподлинно.

Однако помимо лексических трудностей в понимании языка оригинала переводчик мог столкнуться с поиском разрешения непростых задач на уровне употребления наиболее точного выражения, учитывающего реакцию читателя на языке перевода.

Согласно общепринятой классификации, оригинальный Кодекс законов как государственный документ представляет собой текст юридического содержания и относится к официально-деловому стилю. Эту важную характеристику Е.И. Кычанов учитывал в переводном тексте, например, сохраняя его логическую четкость; избегая использования экспрессивно-окрашенной лексики; используя необходимую терминологию; обращая внимание на нормативность выражений, причем приблизив их к традициям книжного литературного языка, бытовавшего в дореволюционной России. Таким образом, Е.И. Кычанов постарался сделать перевод приемлемым для восприятия и понимания его русскими читателями-гуманитариями.

Как видно из вышесказанного, хотя многие факторы вызывали, казалось бы, непреодолимые трудности перевода текста-оригинала Кодекса законов с тангутского языка на русский, но Е.И. Кычанову удалось превратить непереводимое в переводимое! Что же позволило ему добиться своей цели? Отвечая на этот вопрос, мы позволим себе высказать некоторые соображения.

Во-первых, Е.И. Кычанов, прежде чем приступить к полному переводу Кодекса законов, овладел большей частью письменности тангутского языка в ходе каталогизации древних рукописей тангутов, а также в процессе подготовки совместно с М.В. Софроновым исследования по фонетике тангутского языка, изданного в 1963 г. Кроме того, накоплению знаний способствовала почти десятилетняя исследовательская работа в возглавляемой профессором Е.И. Кычановым научной Тангутской группе. В результате этой деятельности ученым был создан перевод рукописи под названием «Вновь собранные драгоценные парные изречения», опубликованной в 1974 г.

Таким образом, Е.И. Кычанов, приступив к переводу Кодекса Западного Ся, уже обладал достаточными знаниями и умениями, чтобы понимать и находить эквиваленты текста древнего тангутского памятника в переводном языке.

Во-вторых, не секрет, что многие тангутские законы были заимствованы из древнекитайского права и опирались на их толкование в китайских источниках. Примером может служить судебная и тюремная системы, существовавшие при династиях Тан и Сун. Поэтому вполне оправданно было то, что при отсутствии других соответствующих ссылок Е.И. Кычанов, хорошо владея китайским языком, в значительной степени использовал «Уголовный кодекс династии Тан» («Тан люй шу и») и «Сунский уголовный кодекс» («Сун син тун»).

В-третьих, не будем забывать, что Е.И. Кычанов изучал тангутский язык посредством китайского, поэтому его русский перевод должен был пройти мыслительный процесс от тангутского языка к древнекитайскому и затем к литературному книжному русскому языку. Хотя этот сложный процесс не был представлен в письменной фор-

ме, он, несомненно, сыграл свою позитивную роль в вопросах, требующих творческих усилий со стороны переводчика.

В-четвертых, обращение ученого к юридическим кодексам династий Тан и Сун и сравнение с ними позволяли ему естественным образом, шаг за шагом развивать переводческий опыт и улучшать свою способность интерпретировать тангутскую письменность, что в целом положительно сказывалось на его профессиональном мастерстве.

В-пятых, в помощь Е.И. Кычанову были и его глубокие знания в области лингвистики. Поэтому он сумел не только учесть стилистические особенности документа, отличавшегося большим количеством терминов и нормативных выражений, отражавших устои и традиции тангутского государства, но и верно передать их сущностные особенности в переводном языке.

3. Стратегии и способы перевода лакун Е.И. Кычановым

Из вышесказанного понятно, что в «Измененном и заново утвержденном своде законов девиза царствования Небесное процветание» многие лексические единицы представляли собой так называемые лакуны, т.е. слова с уникальными культурно-информационными коннотациями, сформированными в течение многих веков, в которых отразилась самобытность народа, связанная с различными областями жизнедеятельности тангутского государства.

Чтобы выразить смысл понятий на языке перевода, Е.И. Кычанов творчески использовал известные стратегии, виды и способы перевода.

Напомним, что под стратегией перевода понимается определенная генеральная линия переводчика, стратегия преобразования им исходного текста (в нашем случае — древнего юридического документа на тангутском языке) в виде «деформации» последнего, когда решается вопрос о том, чем жертвовать (Гарбовский 2004: 508).

Текстуальный анализ перевода показывает, что основные стратегии, используемые ученым, представляют собой доместикацию и форенизацию, а также возможное их сочетание, т.е. гибридную стратегию.

Стратегия доместикации — это этноцентрический подход, при котором акцент делается на культурных ценностях языка перевода (Шелестюк, Гриценко 2016: 204). В переводе Кодекса законов доместикация нашла свое проявление в основном в двух аспектах: во-первых, когда определенный культурный концепт не имел соответствующего выражения в русской культуре, он заменялся соответствующим, близким по значению концептом, понятным адресной аудитории носителей переводного языка. Во-вторых, учитывая восприятие концепта носителями русской культуры, переводчик с помощью дополнительных толкований, представленных в сносках или в ссылках, мог в доступной форме, корректно пояснить содержавшуюся в тексте ту или иную лингвокультурную и историческую информацию.

Что касается форенизации, то, как известно, она, напротив, служит отражению культуры исходного языка (Шелестюк, Гриценко 2016: 204). Данная стратегия использовалась Е.И. Кычановым при переводе Кодекса законов в том случае, если понятия по своему значению носили специальный характер, или возникли в результате интеграции китайской и тангутской культур, или отражали свойственную именно тангутам культуру.

Кроме того, обе стратегии, безусловно, в процессе перевода могли сочетаться, что находило проявление в использовании ученым гибридного написания, соединяющего в себе воедино культуру исходного языка и русскую культуру.

Если стратегия перевода представляет макроориентацию при переводе, то приемами перевода является проявление стратегии перевода на конкретном языковом уровне. Это особо выражалось в том, что при переводе культурных лакун Е.И. Кычанов придерживался цели максимально интерпретировать содержание оригинала, учитывая при этом время и пространство, приемлемые для восприятия и понимания его читателя.

Понятно, что избранные ученым стратегии перевода предполагали применение определенных переводческих приемов. Так, при доместикации в основном использовались различные виды «замен», а форенизация строилась на употреблении буквального перевода и транскрипции. В случае сочетания указанных двух стратегий ученый соединял транскрипцию и интерпретацию или буквальный перевод и дополнение. Выше мы уже указывали, что большие сложности возникали в процессе поиска приемлемого приема перевода лакун — имен собственных и терминов, принятых в разных областях Западного Ся. Ниже мы более подробно рассмотрим приемы, использованные Кычановым при их переводе.

На основании изучения Кодекса Западного Ся становится ясно, что собственные имена и термины, использованные в тангутских законах, делились на две группы.

Первую группу составляли имена и термины, имевшие преимущественно денотативную функцию и не имевшие соответствующей референции в русском языке, которые могли быть представлены при помощи транскрипции тангутских знаков, например, *пхинга*, *нини*, *гвон*, *пайцзы*. Нередко помимо этого Е.И. Кычановым в скобках добавлялась транскрипция соответствующих китайских терминов: *ливу* (*лан*), *шие* (*шэн*), *лдиэ* (*цзинь*), *ндзвон* (*му*), *чиау* (*чи*), *ну* (*доу*), *нджиа* (*ху*).

Отметим и то, что к некоторым транскрипциям тангутских слов сам ученый относился скептически, и в этом случае он добавлял в скобках вопросительный знак *битоу* (?), *цзеню* (?), *лоту* (?), *чуань-цзоу* (?), *хэцзюе* (?), *шияньцзы*, *гусебу* (?), *сицзюе* (?), *ляньянцзюе* (?), *мучжулань* (?), *хунлу* (?), *бацзи* (?), *байчунь* (?), *цочунь* (?).

Это свидетельствует о профессиональной честности профессора Е.И. Кычанова, о его стремлении к научной истине. Мы видим, что он не уходил от вопросов, не замалчивал их, оставляя открытыми, чтобы в дальнейшем вернуться и найти на них ответы.

Возвращаясь к анализу имен и терминов в переводе, ко второй группе мы бы отнесли те слова, значения которых отражали денотативную функцию и наличие культурной семантики. В такой ситуации в процессе поиска переводческих эквивалентов Е.И. Кычанов нередко обращался к вольному переводу, или к вольному переводу с транскрипцией, или к буквальному переводу с дополнением. В качестве подтверждения сказанному ниже нами представлены примеры подобных переводов.

Вольный перевод

Глава Главного императорского секретариата по управлению гражданскими делами; имеющий звание главы Главного императорского секретариата по управлению гражданскими делами; высокочтимый и чистый, просвещенный, почитающий родителей и уважаемый, родовитый князь юго-востока; высокая опора государства; «передающие приказы» в Главном императорском секретариате

	по управлению гражданскими делами и в Главном управлении военных дел; начальники и «передающие приказы» всех управлений; армейские командиры; городские инспекторы в пограничных и внутренних [районах страны]; столоначальники всех управлений в пограничных и внутренних [районах страны]; наблюдающий за водой; обслуживающий канал; [лица], имеющие ранги «удостоенного государевой печати» и «не удостоенного государевой печати» или «удостоенного вручения»
Вольный перевод + транскрипция	*префекты (цыши); старшие караульные начальники (дабани); «выносящие решения» в пограничных и внутренних [районах страны]; градоначальники; вице-префекты (тунпани); военный комиссар (цзинлюеши), генерал-губернаторства (дадудуфу); финансово-налоговое управление (саньсы); Хуа-янь (Да-фан-гуан-фо-хуа-янь-цзин, Буддхаватамсакамахавайпулья-сутра), Ци-синь (Да-чэн-ци-синь-лунь, Махаянашрадханада-шастра), трапез (шэнян); даосский проповедник (бяньда)-монах*
Буквальный перевод + дополнение	*[должностные лица] ведомств по соблюдению ночных запретов(?) и по выплавке железа; инспекторы-надзиратели, ведающие пуском воды в каналы, поимкой воров; юноши из «постоянно живущих» при храмах; юноши, [состоящие] при монашеской общине; юноши из числа «ищущих спасения в законе»*

4. Отношение в Китае к переводу Е.И. Кычанова «Измененного и заново утвержденного свода законов девиза царствования Небесное процветание»

Нам известно, что как только книга 2, факсимиле, перевод и примечания (главы 1–7), «Измененного и заново утвержденного свода законов девиза царствования Небесное процветание» была опубликована в 1987 г., она сразу вызвала внимание Академии общественных наук Нинся-Хуэйского автономного района Китая, сотрудник которой Ли Чжунсань перевел ее на китайский язык. Е.И. Кычанов и его китайские коллеги, Ван Цзинжу и Ли Фаньвэнь, написали предисловие к китайскому переводу. Книга вышла в 1988 г. при поддержке Народного издательства Нинся (Ли Вэнь 1990: 67). Эта частичная публикация на китайском труда Е.И. Кычанова послужила непосредственным источником для первого перевода с тангутского языка на китайский, сделанного в 1990-х годах.

Но, как нам думается, до сих пор со стороны китайского научного сообщества не было проявлено достаточно внимания, чтобы обсудить и выразить свое отношение к качественным показателям данного переводческого труда. Возможно, причиной тому является отсутствие полного перевода четырехтомного издания Кодекса с русского на китайский язык с его исследованием Е.И. Кычанова. Хотя, еще раз напомним, что начало этой работе было все-таки положено, и один том из четырех уже переведен.

В конце 1978 г. ученый Хуан Чжэньхуа написал статью, в которой указывал на неточности перевода Е.И. Кычановым топонимов в десятой главе «Измененного и заново утвержденного свода законов девиза царствования Небесное процветание» и даже связывал это с недостаточно высоким уровнем владения древнекитайским и тангут-

ским языками советских ученых (Хуан Чжэньхуа 1978: 322). Однако вряд ли такое критическое замечание можно считать вполне объективным и справедливым, поскольку в тот период Е.И. Кычанов представил только часть переводов рукописей, и перевод основных глав Кодекса был еще впереди. Мы полагаем, что судить об уровне языковой компетенции можно лишь на основании исследования перевода в полном объеме.

Однако справедливости ради нужно признать, что при сравнении русского перевода Кодекса Си Ся Е.И. Кычанова и китайского перевода Кодекса Си Ся Хань Сяомана, можно обнаружить некоторые расхождения. Например, [статья 1] (л. 4а<6>–7б<13>)[6.]

Русский перевод Е.И. Кычанова с тангутского

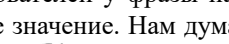
Вдовые тещи, жены дядьев, матери племянников, старшие и младшие тетки по отцу, а также дочери и сестры [мятежника], которые уже выданы замуж, или удочерены другим и находятся у него на воспитании, или стали монахинями, не должны входить в число лиц, подлежащих наказанию. Если у сестры или дочери [мятежника] есть **хозяин (муж)**, то они должны быть возвращены мужу; **в наложницы они не передаются.**

Перевод на китайский Ли Чжунсаня текста Е.И. Кычанова с русского

谋反者守寡的岳母、舅母、姨母、大小姑母，已出嫁的，或被他人收养并生活在收养人家的，或已出家的女儿和姊妹，不必接受惩罚。如果谋反者姊妹和女儿已**有主（丈夫）**，她们会被送回夫家，**不被转为妾**。

Китайский перевод Хань Сяомана с тангутского

祖母、婶母、大小侄母、姑，此等寡，及有女、姊妹，亦或已嫁，或为他人养女，或有为僧人、道士等者，莫入连坐中。女、姊妹者，有主明，则当给有主，**不须给嫁妆**。

Здесь в двух вариантах перевода мы видим единое понимание общего смысла (лица женского пола, имеющие родственные связи с мятежником… должны быть возвращены своему хозяину), но в последней части налицо расхождение в деталях, которые связаны с их интерпретацией. Тангутский иероглиф «» Е.И. Кычанов переводит как «**хозяин**», и имеется добавление «**муж**» в скобках, потом следует перевод предложения «**в наложницы они не передаются**». Хань Сяоман же тангутский иероглиф «» переводит китайским иероглифом «主», который в древнем китайском языке является многозначным словом. Одно значение трактуется по-русски как имя существительное «хозяин», точнее, «жених», а другое — как глагол, который в контексте обозначает, что «девушка помолвлена, чтобы выйти замуж», далее следует текст «не требуется приданого». После такого уточнения у профессора Хань Сяомана и других исследователей у фразы на оригинальном языке «» действительно последнее значение. Нам думается, что интерпретация Е.И. Кычанова с пониманием иероглифа «» как «хозяин» («муж») предполагала его выбор перевода следующего словосочетания «» как «в наложницы они не передаются». Хотя «мужем» в русской традиции могли именовать любого человека мужского пола, достигшего зрелого возраста.

Конечно, здесь мы обнаруживаем учет переводчиками адресности и восприятие деталей носителями переводного языка, без которого перевод потерял бы свою притягательную силу и был бы малопонятен той или иной аудитории.

Позволим себе привести еще один пример расхождений переводов из [статьи 131] (л. 20а <156>).

Русский перевод Е.И. Кычанова с тангутского

Если кто-либо **пил** в одном доме с ворами, но никогда ранее не участвовал в сговоре о совершении кражи, краж не совершал, а после того как воры доставили в дом краденые скот, зерно, имущество, он, зная уже, что [это] ворованное, ел мясо забитых животных, торговал краденым и участвовал в дележе краденого, то [таковой] не должен входить в число лиц, наказуемых за совершение кражи; это наказание должны получить только те, кто действительно эту кражу совершил. Если же [данное лицо] ранее участвовало в сговоре [о совершении кражи] и неоднократно совершало кражи, то приговор [таковому] выносится по закону.

Перевод на китайский Ли Чжунсаня текста Е.И. Кычанова с русского

如果有人曾与盗贼同在一宅吃**过酒**，但之前从未参加过合谋盗窃，也未有过盗窃行为，但盗贼将偷来的牲畜、粮食和财产带到此宅，其明知为盗窃之物，仍食宰杀畜肉，倒卖赃物并参与瓜分，此类人不应在盗窃惩罚人之列，真正行窃者应受到惩罚。如果此人之前参与了合谋盗窃，而且不止一次实施盗窃，那么就应依法判决。

Китайский перевод Хань Сяомана с тангутского

与贼人**同居**，先不在议盗中，未往盗，贼人将畜、谷、物运于家之后，已知盗，在杀、食肉、买、用、分中等者，勿入承罪中，实盗当承罪。若在先前议中，人实往盗等，则依法判断。

В русском варианте Е.И. Кычанов перевел тангутское словосочетание «» как глагольную форму «**пил**» от русского глагола «пить». А в переводе Хань Сяомана такого глагола нет. Почему? После уточнения значения тангутских иероглифов «» нам стало понятно, что они означают «вместе жить, пить, есть». В русской же культуре «пить, есть за одним столом» означает «породниться, побрататься, стать семьей, жить в одном доме», поэтому, используя стратегию доместикации, Е.И. Кычанов перевел данные иероглифы с помощью глагола «пить» («пил»), имеющего широкую коннотацию, понятную носителям русского языка.

Хотелось бы, в связи с некоторыми расхождениями в переводах, напомнить: в авторитетных переводческих кругах бытует мнение, что перевода без неточностей просто не существует. Переводческие интерпретации, обусловленные восприятием и воображением самого переводчика, всегда влекут за собой поиск, а значит, и риск чего-то не достичь или неясно передать.

В этом смысле труд Е.И. Кычанова потребовал от него сочетания творческой смелости и научной основательности в процессе перевода древнего исторического памятника, в котором соединились особенности двух культур — китайской и тангутской. И если неточности и расхождения встречаются в переводе ученого при сопоставлении с другими переводами, то их количество не так велико, и они как раз являются объективным отражением этого сложнейшего дела.

В своем предисловии к китайскому переводу «Измененного и заново утвержденного свода законов девиза царствования Небесное процветание» Е.И. Кычанов по поводу переводческой интерпретации древних рукописей подчеркивал: «Такие тексты нельзя переводить одним махом в любое время. Потребуется одно, два или три поколения ученых, чтобы перевести их дважды, трижды или даже десять раз, и каждый раз тщательно изучая оригинальный текст, прежде чем перевод будет доведен до совершенства» (Ли Чжунсань 1989: 5).

Заключение

Если обобщить наши размышления, то вполне обоснованным будет вывод о том, что именно благодаря профессору Е.И. Кычанову, замечательному историку-китаеведу, его неутомимому исследовательскому духу и в переводе, и в научном поиске, несмотря на все трудности, неизвестные миру тангутские рукописи, на которых лежит печать столетий, стали известны научному сообществу.

Как точно отметила чл.-корр. РАН директор Института восточных рукописей РАН И.Ф. Попова, «Евгений Иванович был выдающимся человеком, обладавшим редким врожденным талантом к исследовательскому труду. Связав свою научную судьбу с тангутоведением, Евгений Иванович вписал одну из самых ярких страниц в историю этой сложнейшей дисциплины, составляющей гордость отечественного востоковедения» (Попова 2013).

И действительно, благодаря переводам Е.И. Кычанова российские и китайские ученые получили уникальную возможность познакомиться с драгоценным историческим памятником, чтобы шаг за шагом постигать тайны древней цивилизации Западного Ся и устанавливать степень влияния законов древнего Китая на тангутское царство, делая новые открытия на пути высокого научного знания.

Литература

Гарбовский 2004 — *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Московского университета, 2004.

Жэнь Чансин 2018 — *Жэнь Чансин* 任长幸. Си Ся Тяньшэн люйлин яньцзю шупин 西夏天盛律令研究述评 (Обзор исследований «Измененного и заново утвержденного кодекса девиза царствования Небесное процветание») // Вэйнань шифань сюэюань сюэбао 渭南师范学院学报 (Вестник Вэйнаньского педагогического университета). 2018. № 3. С. 60–65.

Кычанов 1987–1989 — *Кычанов Е.И.* Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169). В 4 книгах / Издание текста, пер. с тангутского, исслед. и примеч. Е.И. Кычанова. М.: Наука, ГРВЛ, 1987–1989 (Памятники письменности Востока. LXXI, 1–4).

Ли Вэнь 1990 — *Ли Вэнь* 李温. И бу ханьцзянь дэ чжуншицзи фадянь — «Си Ся фадянь. Тяньшэн нянь гайцзюй динсинь люйлин (1–7 чжан)» цзяньцзе 一部罕见的中世纪法典 — 《西夏法典·天盛年改旧定新律令 (1–7 章)》 简介 (Редкий средневековый кодекс — краткое описание «Измененного и заново утвержденного кодекса девиза царствования Небесное процветание» (главы 1–7)) // Фасюэ яньцзю 法学研究 (Юридические исследования). 1990. № 2. С. 67–69.

Ли Чжунсань 1989 — *Ли Чжунсань* 李仲三. Си Ся фадянь — Тяньшэн нянь гайцзю динсинь люйлин 西夏法典 — 天盛年改旧定新律令 (第 1–7 章) (Кодекс Си Ся — «Измененный и за-

ново утвержденный свод законов девиза царствования Небесное процветание» (главы 1–7)) / Пер. с тангутского на русский Е.И. Кычанова; пер. с русского на китайский яз. Ли Чжунсаня; под ред. Ло Маокуня. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ 宁夏人民出版社, 1989.

Не Хунъинь 2005 — *Не Хунъинь* 聂鸿音. Си Ся дэ фоцзяо шуюй 西夏的佛教术语 (Буддийские термины Западного Ся) // Нинся шэхуй кэсюэ 宁夏社会科学 (Общественные науки Нинся). 2005. № 6. С. 90–92.

Не Хунъинь 2009 — *Не Хунъинь* 聂鸿音. Си Ся «Тяньшэн люйлин» ли дэ чжун яо мин 西夏《天盛律令》里的中药名 (Наименования лекарств китайской медицины в Кодексе девиза царствования Небесное процветание) // Чжунхуа вэнь ши луньцун 中华文史论丛 (Литература и история Китая. Сборник статей). 2009. № 4. С. 291–312.

Попова 2013 — *Попова И.Ф.* Скончался Е.И. Кычанов. URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_content&task=view&id=3307&Itemid=48.

Сунь Боцзюнь 2021 — *Сунь Боцзюнь* 孙伯君. Си Ся чжигуань юй фэнхао дэ фаньи юаньцзэ 西夏职官与封号的翻译原则 (Принципы перевода должностей и титулов Западного Ся) // Синань миньцзу дасюэ сюэбао 西南民族大学学报 (Вестник Юго-Западного университета национальностей). 2021. № 3. С. 60–69.

Хуан Чжэньхуа 1978 — *Хуан Чжэньхуа* 黄振华. Пин Сулянь цзинь саньши нянь дэ сисясюэ яньцзю 评苏联近三十年的西夏学研究 (Обзор советского тангутоведения за последние тридцать лет) // Шэхуй кэсюэ чжаньсянь 社会科学战线 (Фронт социальных наук)]. 1978. № 2. С. 311–323.

Шелестюк, Гриценко 2016 — *Шелестюк Е.В., Гриценко Э.Д.* О форенизации и доместикации в переводе и возможностях их лингвистической оценки // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 2. С. 202–207.

Ши Цзиньбо 1993 — *Ши Цзиньбо* 史金波. Си Ся Тяньшэн люйлин люэлунь 西夏天盛律令略论 (Краткий обзор «Измененного и заново утвержденного кодекса девиза царствования Небесное процветание») // Нинся шэхуй кэсюэ 宁夏社会科学 (Общественные науки Нинся). 1993. № 3. С. 47–53.

References

Garbovskii, Nikolai K. *Teoriia perevoda* [Theory of Translation]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2004 (in Russian).

Huang Zhenhua 黄振华. “Ping Sulian jin sanshinian de xixiaxue yanjiu” 评苏联近三十年的西夏学研究 [A Review of Tangut Studies over the Last Thirty Years]. *Shehui kexue zhanxian* 社会科学战线 [The Social Science Front], 1978, no. 2, pp. 311–323 (in Chinese).

Kychanov, Evgeny I. *Izmenennyi i zanovo utverzhdennyi kodeks deviza tsarstvovaniia Nebesnoe protsvetanie (1149–1169). V 4 knigakh* [The Revised and Newly Endorsed Code of the “Celestial Prosperity” Reign (1149–1169). In 4 books]. Edition of the text, translation from Tangut, study and notes by E.I. Kychanov. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1987–1989 (Pamiatniki pis’mennosti Vostoka, LXXI, 1–4) (in Russian).

Li Zhongsan 李仲三. *Xi Xia fadian — Tiansheng nian gaijiu dingxin lüling*西夏法典 — 天盛年改旧定新律令 (第1–7章) [Xi Xia Code — “The Revised and Newly Endorsed Code of the “Celestial Prosperity” Reign (Chapters 1–7)”]. Translation from Tangut into Russian by E.I. Kychanov; translation from Russian into Chinese by Li Zhongsan; ed. by Luo Maokun. Yinchuan: Ningxia renmin chubanshe, 1989 (in Chinese).

Ne Hongyin 聂鸿音. “Xi Xia de fojiao shuyu” 西夏的佛教术语 [Buddhist Terms of Western Xia]. *Ningxia shehui kexue* 宁夏社会科学 [Ningxia Social Sciences], 2005, no. 6, pp. 90–92 (in Chinese).

Ne Hongyin 聂鸿音. “Xi Xia ‘Tiansheng lüling’ li de zhong yaoming” 西夏《天盛律令》里的中药名 [Names of Chinese Medicines in the Tangut Revised and Newly Endorsed Code of the “Celestial Prosperity” Reign]. *Zhonghua wen shi luncong* 中华文史论丛 [Literature and History of China], 2009, no. 4, pp. 291–312 (in Chinese).

Popova, Irina F. *Skonchalsia E.I. Kychanov* [E.I. Kychanov passed away]. URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_content&task=view&id=3307&Itemid=48 (in Russian).

Ren Changxing 任长幸. "Xi Xia. Tiansheng lüling yanjiu shuping" 西夏天盛律令研究述评 [Review of the study "The Revised and Newly Endorsed Code of the 'Celestial Prosperity' Reign"]. *Weinan shifan xueyuan xuebao* 渭南师范学院学报 [Bulletin of the Weinan Normal University], 2018, no. 3, pp. 60–65 (in Chinese).

Shelestiuk, Elena V. & Gritsenko, Elina D. "O forenizatsii i domestikatsii v perevode i vozmozhnostiakh ikh lingvisticheskoi otsenki" [Foreignization/Domestication in Translation and their Linguistic Evaluation]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2016, no. 2, pp. 202–207 (in Russian).

Shi Jinbo 史金波. "Xi Xia Tiansheng lüling lüelun " 西夏天盛律令略论 [A brief overview of "The Revised and Newly Endorsed Code of the 'Celestial Prosperity' Reign"]. *Ningxia shehui kexue* [Ningxia Social Sciences], 1993, no. 3, pp. 47–53 (in Chinese).

Sun Bojun 孙伯君. "Xi Xia zhiguan yu fenghao de fanyi yuanze" 西夏职官与封号的翻译原则 [Principles for the Translation of Western Xia Posts and Titles]. *Xinan minzu daxue xuebao* 西南民族大学学报 [Bulletin of the South West Nationalities University], 2021, no. 3, pp. 60–69 (in Chinese).

E.I. Kychanov's Translation of "The Revised and Newly Endorsed Code of the 'Celestial Prosperity' Reign" in the Context of the Development of Modern Translation Studies

MENG Xia

Department of Russian Language, School of International Studies, Shaanxi Normal University
Xi'an, China

Natalia Yu. TSAREVA

Department of Russian Language, School of International Studies, Shaanxi Normal University
Xi'an, China

Received 12.04.2022.

Abstract: Evgeny I. Kychanov was well known in Chinese academic circles since 1980s, and his translations of the ancient Tangut manuscripts into Russian are often used by Chinese scholars as reference material. This article is based on the example of "The Revised and Newly Endorsed Code of the 'Celestial Prosperity' Reign" (1149–1168) translated by the scholar from Tangut into Russian; it analyzes some features of his translation work, his chosen strategies and methods, as well as gives comments of the Chinese specialists' attitude to E.I. Kychanov's translation of the Tangut written source.

Key words: E.I. Kychanov, translation activities, strategies and methods of translation, ancient Tangut manuscripts.

Acknowledgements: The article is written according to the project «Research of the Tangut *Tiansheng lüling*» financed by the State fund of the Chinese Academy of Social Sciences (17ZD186).

For citation: *Meng Xia*, *Tsareva N.Y.* «E.I. Kychanov's Translation of "The Revised and Newly Endorsed Code of the 'Celestial Prosperity' Reign in the Context of the Development of Modern Translation Studies"». *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2023, vol. 20, no. 1 (iss. 52), pp. 44–57 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO205372.

About the authors: Xia MENG, Professor, Dean of the Russian Language Department, School of International Studies, Shaanxi Normal University (Xi'an, China) (xmeng003@163.com).
Natalia Yu. TSAREVA, Professor, Department of Russian Language, School of International Studies, Shaanxi Normal University (Xi'an, China) (gct-tsareva@yandex.ru).

Письменные памятники Востока. 2023. Том 20. № 1 (вып. 52). С. 58–69

Вводный раздел «Мангалавады» Варахарьи из коллекции ИВР РАН

Е.А. ДЕСНИЦКАЯ
Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO112127

Статья поступила в редакцию 25.11.2022.

Аннотация: В статье представлен анализ вводного раздела «Мангалавады» Варахарьи. Рукопись этого произведения хранится в коллекции ИВР РАН. «Мангалавада» принадлежит к одноименному жанру произведений школы навья-ньяя, посвященных рассмотрению и обоснованию практики мангалы — благопожеланий, предваряющих литературный или философский труд. «Мангалавада» Варахарьи предварительно датируется XVII в. н.э. Упоминаний об этом произведении и его авторе в доступной литературе обнаружить не удалось, поэтому рукопись можно считать уникальной. Вводный раздел в краткой форме обсуждает вопросы о результативности практики мангалы и о природе причинно-следственной связи между мангалой и ее предполагаемым результатом. Варахарья использует терминологический аппарат ньяи, но в то же время рассматривает мангалу как ритуал, что переносит общий контекст рассуждения в сферу ритуалистики и позволяет формально отнести произведение также к школе навья-мимансы. В статье приводятся транслитерация и перевод вводного раздела, а также факсимильное воспроизведение соответствующих листов рукописи.

Ключевые слова: мангала, мангалавада, навья-ньяя, рукописи, санскрит, Институт восточных рукописей РАН.

Для цитирования: *Десницкая Е.А.* Вводный раздел «Мангалавады» Варахарьи из коллекции ИВР РАН // Письменные памятники Востока. 2023. Т. 20. № 1 (вып. 52). С. 58–69. DOI: 10.55512/WMO112127.

Об авторе: ДЕСНИЦКАЯ Евгения Алексеевна, кандидат философских наук, научный сотрудник сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (khecari@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-7890-2061.

© Десницкая Е.А., 2023

«Мангалавада» (*Maṅgalavāda*) Варахарьи (*Varāhārya*) — философский трактат, обосновывающий совершение мангалы. Рукопись этого произведения хранится в собрании ИВР РАН (Ms. Ind. V, 73) (Миронов 1918: 203; Посова, Чижикова 1999: 387).

В индийской интеллектуальной традиции по крайней мере с XIV в. приобрело популярность составление мангалавад — произведений, посвященных обсуждению мангалы; поэтому оправданно выделять мангалавады в качестве особого философского жанра, к которому принадлежит и «Мангалавада» Варахарьи.

Первоначально мангала понималась как благопожелание, предваряющее какой-либо текст. Первые упоминания о мангалах встречаются в «Махабхашье» Патанджали (II в. до н.э.) и в буддийских произведениях первых веков н.э. (Шомахмадов 2011: 94). На этом этапе под мангалой подразумевалось отдельное слово-благопожелание, в буддийских рукописях нередко отображавшееся в виде специального графического знака. К середине I тысячелетия н.э. стала популярной традиция составления мангала-строф, предваряющих произведения литературного, философского или иного содержания. К концу тысячелетия практика составления мангал приобрела нормативный характер, и отсутствие мангала-строф в некоторых авторитетных произведениях прошлого стало восприниматься в качестве аномалии (Minkowski 2008: 10–17). Попытки осмыслить эту аномалию со временем привели к сложению многочисленных мангалавад, авторы которых трактовали мангалу как ритуал, и уже в этом контексте обсуждали механизм ее действия и объясняли отсутствие мангал в трудах своих предшественников.

Произведения этого жанра складывались в философской школе навья-ньяя. Первые мангалавады были составлены в XIV в. Гангешей (Phillips, Tatacharya 2004) и Шашадхарой (Matilal 1976). Наибольшую популярность жанр приобрел в XVII в., когда были составлены мангалавады Аннамбхатты (Sastrigal 1920), Харирамы Таркавагиши (Таркавачаспати) (Donati 1884; Prajapati 2015), Махадевы (Kaviraja 1930) и др. Предположительно к этому же времени можно отнести и «Мангалаваду» Варахарьи. Последнее произведение не встречается в доступной литературе, упоминаний имени Варахарьи среди авторов школы навья-ньяя также обнаружить не удалось, поэтому рукопись из коллекции ИВР РАН следует считать уникальной. Отнесение труда Варахарьи XVII в. основывается на близости произведения к мангалавадам именно этого периода, в частности на интертекстуальных перекличках с «Мангалавадой» Харирамы Таркавагиши (Таркавачаспати)[1]. Однако этот вопрос требует дальнейшего изучения. Следует также отметить, что «Мангалавада» Варахарьи по объему существенно превосходит многие другие мангалавады. В транслитерации она составляет более 40 000 знаков, что в четыре раза превышает объем «Мангалавады» Таркавагиши и более чем в два раза — «Мангалавады» Гангеши.

Рукопись «Мангалавады» Варахарьи записана шрифтом деванагари. Текст легко читается и транслитерируется, сложностей при распознавании отдельных слов, как правило, не возникает. В то же время перевод и интерпретация произведения вызывают существенные затруднения. Текст рукописи не разделен на предложения. Характерный для философского санскрита номинативный стиль далеко не всегда позволяет однозначно определить границы предложений, представляющих собой последовательность из многокомпонентных композит с различными падежными окончаниями. Неменьшей проблемой является прагматическое членение текста: в характерной для шастр манере произведение составлено в форме диалога между сторонниками различных точек зрения. В ряде случаев переход от одной позиции к другой маркируется вводными словами, однако это происходит далеко не всегда, и идентификация смены точки зрения зачастую затруднительна. Содержательная интерпретация текста

[1] Подробнее о нем см. (Bhattacharyya, Potter 2011: 390–418).

требует глубокого знания проблематики и философского аппарата школы навья-ньяя. Произведение также содержит немаркированные цитаты и парафразы из произведений иных школ индийской философии, установить происхождение которых в ряде случаев не удается. Поэтому можно констатировать, что подготовка издания и перевода «Мангалавады» Варахарьи представляет собой нетривиальную задачу.

«Мангалавада» Варахарьи начинается вводным разделом, который сравнительно невелик по объему (порядка 1500 транслитерированных знаков). Несмотря на отсутствие формального подзаголовка, от остального текста он отличается тем, что в нем кратко, почти конспективно, обозначены несколько вопросов, которые далее в произведении обсуждаются более подробно: о результативности практики мангалы и о природе причинно-следственной связи между мангалой и ее предполагаемым результатом.

Следует отметить, что Варахарья, как и авторы других мангалавад, рассматривает мангалу не как текстуальную практику, но в качестве ритуала, по умолчанию трактуемого в качестве специфической деятельности, которая при должном выполнении приводит к определенному результату[2]. Характер этого ритуала эксплицитно не проясняется, но неоднократно встречается общая его дефиниция в качестве поклонения божеству (*namaskāra*). Позднейшие комментарии допускают существование трех типов поклонения: совершаемого умом, речью или телом. Подобная широта понимания позволила авторам мангалавад осмыслить мангалу в философском контексте и сформулировать ответы на вопросы об эффективности этой практики, механизме ее связи с достигаемым результатом, а также обосновать ее нормативный характер.

Вводный раздел начинается с тезиса о том, что ученые люди (*śiṣṭa*) начинают мангалой литературный труд (*grantha*). Это утверждение в сжатой форме характеризует исполнение мангалы в контексте ортопраксии, поскольку в рамках брахманистского дискурса деятельность ученых людей — носителей ведийской традиции — считалась эталонной[3]. По мнению критически настроенного оппонента, эта практика бессмысленна, поскольку не приносит результата. В ответ сторонник мангалы выдвигает два тезиса о ее результативности: мангала либо приводит к успешному завершению (*samāpti*) литературного труда, либо лишь устраняет потенциальные препятствия на этом пути. Таково традиционное прагматическое обоснование практики мангалы, которое с бóльшими подробностями раскрывается далее в труде Варахарьи, а также в мангалавадах других авторов. Впрочем, оппонент оба эти прагматических довода отвергает, отмечая, что в случае «отсутствия результата», т.е. в ситуации, когда мангала была совершена, а литературный труд завершен не был, связь между мангалой и ее предполагаемым результатом выявить невозможно[4].

Далее оппонент ставит под сомнение и упомянутое выше обоснование мангалы как практики ученых людей-*шиштов*. Он отмечает, что *шишты* порой совершают и неортодоксальные ритуалы, вроде инверсивного жертвоприношения *даршапурнамаса*

[2] Подробнее о мангале как ритуальной практике см. (Десницкая 2022).

[3] Подобный способ обоснования имеет давнюю историю. Например, грамматист Патанджали во II в. до н.э. возводил к узусу ученых-*шиштов* языковые нормы, зафиксированные в грамматике Панини (Cardona 1997: 551).

[4] Популярным примером такого труда был роман Баны «Кадамбари», не дописанный автором до конца, невзирая на наличие мангалы. «Слабая» версия, в соответствии с которой мангала лишь устраняет препятствия, позднейшими авторами рассматривалась как предпочтительная, поскольку позволяла объяснить, почему некоторые известные произведения, например «Кадамбари», не были завершены (Minkowski 2008: 16).

и ночной *шраддхи*, однако эти ритуалы не принадлежат к сфере ортопраксии и потому не приносят результата. По мнению оппонента, мангалу можно отнести к их числу. Впрочем, этот тезис сформулирован крайне лаконично, поэтому представленная выше интерпретация имеет гипотетический характер:

[По аналогии с] ночными шраддхами или инверсивным жертвоприношением новолуния и [полнолуния], наблюдаемыми в деятельности ученых людей, [можно заключить, что] измышление (kalpanā) о результативности мангалы несостоятельно.

Ночная *шраддха*, т.е. обряд поминовения предков, совершаемый в ночное время, в «Законах Ману» (3.280) считается запрещенной практикой: «Не следует совершать ночную *шраддху*, ибо она известна как принадлежащая *ракшасам*»[5]. Нрисимха[6], автор комментария к «Мангалаваде» Аннамбхатты, входящей в состав «Таркасамграхи», где тоже вскользь упоминается ночная *шраддха*, поясняет, что исполнение этого обряда ведет к погибели врагов[7]. Сведений об инверсивной *даршапурнамасе* (*vyutkrama-kṛta-darśa*) в доступной литературе обнаружить не удается. Можно предположить, что речь идет о практике, когда обряды, предписанные для новолуния (*darśa*), выполняются в полнолуние (*pūrṇamāsa*) — и наоборот[8].

Еще одно возражение против эффективности практики мангалы заключается в том, что неортодоксальные (*nāstika*) авторы не совершают мангалы и, несмотря на это, успешно завершают свои книги. Это возражение, несомненно, направлено против отнесения мангалы к сфере ортопраксии, к которому апеллируют доводы о связи мангалы с действиями ученых людей-*шиштов*. Как отмечает английский исследователь Кристофер Минковски, исторически практика составления мангал скорее всего сложилась в небрахманистской, возможно, буддийской среде (т.е. в среде условных *настиков*), и лишь впоследствии постепенно была заимствована и адаптирована различными брахманистскими традициями (Minkowski 2008: 6–10). Сама по себе точка зрения о том, кого относить к числу *настиков*, в исторической перспективе также претерпела существенные изменения (Nicholson 2012). Тем не менее мангалавада как жанр поздней философской литературы выражает представление о мангале, сложившееся в брахманистской среде к середине II тысячелетия н.э. и воспринимавшееся как своего рода *philosophia perennis*, не подверженная эволюции или модификациям.

Обсуждение мангалы в прагматическом аспекте, т.е. в контексте вопроса о ее эффективности, формулируется в рамках терминологической оппозиции: *sādhya*, букв. ‘то, что должно быть достигнуто’ (желаемый результат), и *sādhana,* ‘средство достижения’. Здесь мангала трактуется как *sādhana*, а ее предполагаемый результат (успешное завершение труда либо же устранение препятствий) — как *sādhya.* Мангала при этом мыслится как ритуал, и ее связь с желанным результатом понимается по аналогии с механизмом действия иных ритуалов.

Наряду с этим связь мангалы с ее результатом рассматривается и в контексте учения о причинно-следственной связи. В этом случае используется терминологическая оппозиция: *kārya* ‘причина’ и *kāraṇa* ‘следствие’. Мангала предстает в качестве причины, ее результат — в качестве следствия. Понятие причинно-следственной связи

[5] rātrau śraddhaṃ na kurvita/ rākṣasī kīrtitā hi sā (Olivelle 2005: 502).
[6] Нрисимха —— представитель традиции навья-ньяя, живший на рубеже XVIII–XIX вв.
[7] rātriśrāddhādāv iti śatru-nāśam uddiśya kṛta-rātri-śrāddhāv ity arthaḥ (Sastrigal 1920: 93).
[8] Благодарю проф. П. Оливелля (Patrick Olivelle) за это соображение.

было одним из базовых концептов логико-эпистемологического учения ньяи. В рамках этого учения значим тезис о наличии единого субстрата у причины и следствия. Противник учения об эффективности мангалы отмечает, что мангала не может быть причиной завершения труда, поскольку субстрат литературного произведения — пространство (*ākāśa*), а субстрат мангалы — душа (*Ātman*). Это утверждение требует разъяснений. Литературный труд состоит из слов, а слово (*śabda*), по традиции, восходящей к эпохе Вед, понималось прежде всего как звучащее слово. В натурфилософии вайшешики, вошедшей в систему навья-ньяи в качестве онтологии, *шабда* трактовалась преимущественно как физический звук и потому мыслилась свойством пространства. Такое истолкование достаточно механистически переносилось и в область словесности: литературное произведение понималось прежде всего как звучащее слово, а завершение литературного труда определялось как «затихание (букв. ‘разрушение’) последнего звука» (*carama-varṇa-dhvaṃsa*). Мангала же трактовалась как форма чувственного познания (восприятия) (*karṣa-jñāna-rūpa*), и потому ее субстратом считалась душа (Атман) (Varadachari 1962: 29).

Отсутствие связи между мангалой и результатом оппонент обосновывает, перечисляя три краткие формулы. Первая (*yat satve yat satvam, yad abhāve yad abhāvaḥ*) иллюстрирует принцип сопутствия и исключения (*anvaya-vyatireka*), служащий основанием для установления причинно-следственной связи. Вторая (*yad-abhāve yat satvam*) иллюстрирует ошибку в познании исключения, а третья (*yat satve ‘pi yad abhāvaḥ*) — ошибку в познании сопутствия. Примечательно, что все эти формулы содержат повтор относительного местоимения *yad*, хотя в главной части предложения вместо *yad* должно быть указательное местоимение *tad*. Вероятно, подобный аграмматизм фиксирует норму локального узуса.

В ответ на приведенные доводы сторонник мангалы возвращается в сферу прагматики. Он отмечает, что в любом случае *«мангала — средство для завершения труда, поскольку* [*с ней*] *результат достигнут и не происходит достижения иного результата».* Примером может послужить *джьотиштома* — ритуал возлияния сомы, который эффективен для достижения небес и неэффективен для достижения иного результата. Далее сторонник мангалы предлагает логическое обоснование связи мангалы и ее результата, но теперь формулирует его в терминологии навья-ньяи:

Очевидно, что мангала воспринимается как средство достижения определенного результата, [но при этом] она не является средством достижения никаких иных результатов, нежели завершение труда, которое является проникаемым (vyāpya) со стороны средства для завершения труда.

Концепция «распределения» или «проникновения»[9] (*vyāpti*) — значимая инновация навья-ньяи в учении об умозаключении. «Распределенностью» одного объекта в другом, например, огня (*vyāpaka*) в дыме (*vyāpya*), объясняется причинная связь между объектами, и именно «распределенность» оказывается той фактической связью, которая выявляется в процессе умозаключения (*anumāna*)[10]. Таким образом, сто-

[9] Единообразный перевод термина *vyāpti* и его дериватов на русский язык затруднителен. Перевод ‘распределение’ выглядит более предпочтительным, поскольку выявляет логические аспекты понятия. Однако из-за ограничений, накладываемых русским языком, некоторые производные приходится переводить вариациями от слова ‘проникновение’, например, *vyāpya* — как ‘проникаемое’.

[10] Подробнее см. (Phillips, Tatacharya 2004: 17, 697; Инголлс 1975: 31; Аннамбхатта 1989: 142–146).

ронник мангалы отходит от «физикалистского» описания мангалы и ее результата в терминах вайшешиковской натурфилософии. «Распределенность» причины (мангалы = средства для завершения труда) в следствии (завершении труда) служит логическим условием для умозаключения о наличии причинно-следственной связи между ними. Впрочем, в рассматриваемой цитате понятие *vyāpti* упоминается вскользь. Более подробное раскрытие связи мангалы и ее результата в терминах учения о *вьяпти* приводится в основном тексте трактата.

Завершается вводный раздел следующим утверждением:

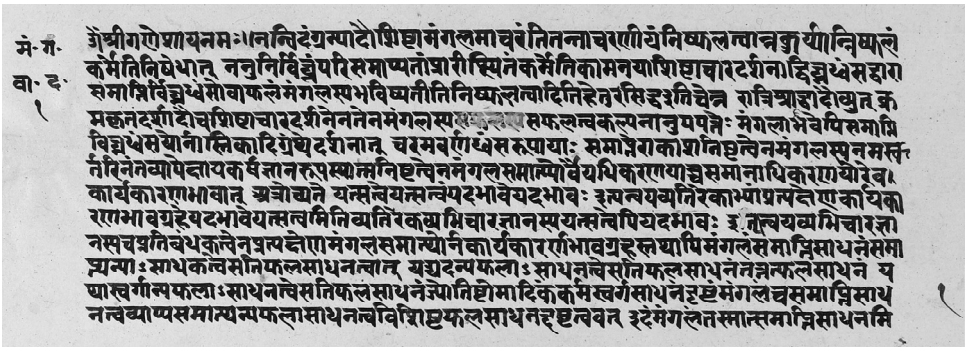
«Поэтому мангала — средство для завершения труда» — так выведением причины из следствия (pariśeṣānumāna) обосновывается эффективность мангалы как средства для достижения желаемого результата.

Вывод об эффективности мангалы делается на основании апостериорного умозаключения (*pariśeṣa*, *śeṣavat*), определяемого как познание причины на основании восприятия следствия (Vidyabhusana 1921: 56). Иными словами, эффективность мангалы выводится из самого факта успешного завершения труда, написание которого предварялось совершением данной практики. Вводный раздел «Мангалавады» Варахарьи не содержит детального обоснования этой позиции, в нем просто формулируется решение проблемы, которое в различных аспектах и с большими подробностями будет обсуждаться далее в тексте произведения.

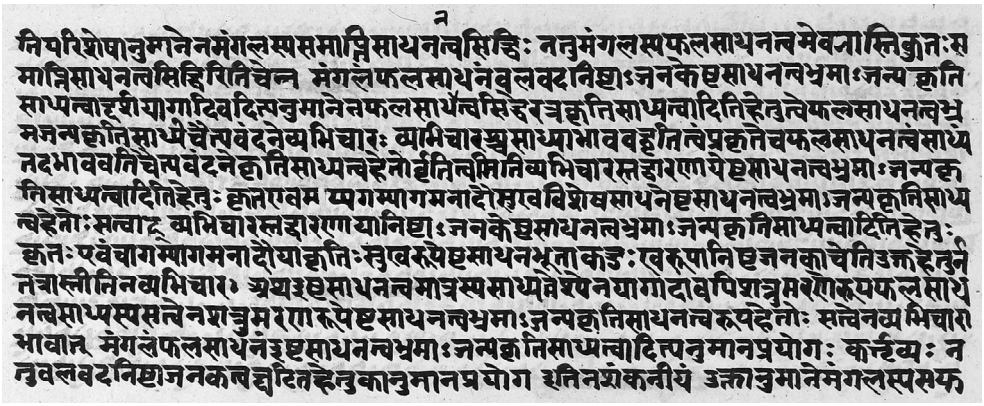
Вводный раздел, несмотря на свою лаконичность, выявляет общее для многих мангалавад тяготение к проблемному и концептуальному полю не только навья-ньяи, но и ритуалистики. На основании этого можно скорректировать дисциплинарную принадлежность мангалавады как жанра. Традиционная атрибуция мангалавад к навья-ньяе основывается прежде всего на том, что большинство авторов этих произведений принадлежали к данной школе, а сами мангалавады нередко выступали в роли вступительных разделов в трактатах по логике. Принадлежность к навья-ньяе проявляется и в использовании терминологического аппарата этой традиции. В то же время тематически мангалавады достаточно далеки от логики или эпистемологии и связаны с ритуалом, что позволяет отнести этот жанр к навья-мимансе, инновационной дисциплине на стыке ритуализма и учения дхармашастр[11], сложившейся к XVII в. (McCrea 2002).

Таким образом, рукопись «Мангалавады» из коллекции ИВР РАН предположительно содержит уникальное произведение, не упоминающееся в доступных источниках. «Мангалавада» Варахарьи, несомненно, представляет интерес для дальнейших исследований: в сравнении с другими мангалавадами, а также в отдельности — как самое обширное произведение данного жанра. К сожалению, изучение текста затруднено палеографическими особенностями рукописи (отсутствие разделения на предложения), а также стилистической и терминологической спецификой научного санскрита поздних шастр.

[11] Дхармашастры — древнеиндийские нормативные трактаты, регулирующие социальный уклад и поведение человека в обществе.



Ил. 1. Ms. Ind. V, 73. Л. 1. Фонд индийских рукописей. ИВР РАН



Ил. 2. Ms. Ind. V, 73. Л. 2а. Фонд индийских рукописей. ИВР РАН

Транслитерация вводного раздела «Мангалавады» Варахарьи (Ms. Ind. V, 73)

[Л. 1]

śrī gaṇeśāya namaḥ.

nanv-idaṃ granthādau śiṣṭā maṅgalam ācaranti.

tan nācaranīyaṃ niṣphalatvān. na kūryyān niṣphalaṃ karmeti niṣedhāt.

nanu nirvighnaṃ parisamāpyatām prārīpsyitaṃ[12] karmeti[13]. kāmanayā śiṣṭācāra-darśanād vighna-dhvaṃsa-dvārā samāptir.

vighna-dhvaṃso vā phalaṃ maṅgalasya bhaviṣyatīti.

niṣphalatvād iti hetur asiddha iti cen-na.

[12] prārīpsyita — ошибочно вместо prāripsita?

[13] Ср. далее в тексте «Мангалавады»: «prārabdhaṃ karma nirvighnaṃ parisamāpyatām iti (IV.1) prāripsitaṃ karma nivighnaṃ parisamāpyatām iti» (XXIV.3).

rātri-śrāddhādau vyutkrama-kṛta-darśādau ca śiṣṭācāra-darśanena tena maṅgalasya[14] saphalatva-kalpanānupapatteḥ.

maṅgalābhave ‘pi samāpti-vighna-dhvaṃsayor nāstikādi-granthe darśanāt.

carama-varṇa-dhvaṃsa-rūpāyāḥ samāpter ākāśa-niṣṭhatvena maṅgalasya namaskartari naṃtavyāpekṣāya[15] karṣa-jñāna-rūpasyātma-niṣṭhatvena maṅgala-samāptyor vaiyadhikaraṇayāc[16]-ca[17].

samānādhikaraṇayor eva kārya-kāraṇa-bhāvāt.

atrocyate yat satve yat[18] satvam, yad abhāve yad[19] abhāvaḥ ity-anvaya-vyatirekābhyāṃ pratyakṣeṇa kārya-kāraṇa-bhāva-grahe.

yad-abhāve yat[20] satvam iti vyatireka-vyabhicāra-jñānasya, yat satve ‘pi yad[21] abhāvaḥ ity anvaya-vyabhicāra-jñānasya ca pratibandhakatvena pratyakṣeṇa maṅgala-samāptyor na kārya-kāraṇa-bhāva-grahas.

tathāpi maṅgalaṃ samāpti-sādhanaṃ samāpty-anyā ‘sādhakatve sati phala-sādhanatvāt.

yad-yad-anya-phalā ‘sādhanatve sati phala-sādhanaṃ tat-tat-phala-sādhanaṃ.

yathā svargānya-phalā ‘sādhanatve sati phala-sādhanaṃ jyoti-ṣṭomādikaṃ karma svarga-sādhanam.

dṛṣṭaṃ maṅgalaṃ ca samāpti-sādhanatva-vyāpya-samāpty-anya-phalāsādhanatva-viśiṣṭa-phala-sādhana-dṛṣṭatvavat.

idaṃ maṅgalaṃ tasmāt samāpti-sādhanaṃ-i [Л. 2a] ti pariśeṣānumānena maṅgalasya samāpti-sādhanatva-siddhiḥ.

Перевод

Поклон Шри Ганеше.

Ученые люди предваряют книгу совершением мангалы.

[Оппонент]

Не следует совершать мангалу, поскольку она не приносит результата. Ведь есть запрет: «Не следует совершать действия, не приносящего результат»[22].

[Сторонник мангалы]

Однако [в связи с мангалой говорится]: «Пусть намеченное действие будет совершено без препятствий». Из наблюдения за действиями ученых людей явствует, что при наличии стремления [к результату] завершение труда (samāpti) достигается посредством устранения препятствий.

Или же результатом мангалы можно считать устранение препятствий.

[14] Далее зачеркнуто: saphalasya.

[15] apekṣāya — ошибочно, вместо apekṣayā?

[16] vaiyadhikaraṇaya — ошибочно вместо vaiyadhikaraṇya?

[17] Ср. «Мангалавада» Харирамы Таркавагиши: carama-varṇa-dhvaṃsa-rūpāyāḥ samāpter ākāśa-niṣṭhatvena vighna-dhvaṃsasya cātma-niṣṭhatvena vyadhikaraṇatvāt (Prajapati 2015: 151).

[18] Ошибочный повтор местоимения yad, вместо парного tad.

[19] См. примеч. 18.

[20] См. примеч. 18.

[21] См. примеч. 18.

[22] Данное высказывание может быть как прямой цитатой из неустановленного произведения, так и просто расхожим речением. Кроме того, финальная частица iti может выступать в качестве логической связки, и в этом случае предшествующее высказывание не является цитатой.

[Оппонент]

Но это не так, поскольку при отсутствии результата такая причинная связь (hetu) не выявляется (asiddha).

[По аналогии с] ночными шраддхами или инверсивным жертвоприношением новолуния и [полнолуния], наблюдаемыми в деятельности ученых людей, [можно заключить, что] измышление (kalpanā) о результативности мангалы несостоятельно.

Тем более что даже при отсутствии мангалы устраняются препятствия и успешно завершаются книги настиков и им подобных.

Поскольку завершение труда (samāpti) в форме прекращения [звучания] последнего звука (varṇa) имеет своим субстратом (niṣṭhatva) пространство, а субстрат мангалы, имеющей форму чувственного познания, — в душе у совершающего поклонение в отношении заслуживающего поклонения объекта, [следовательно,] мангала и завершение труда имеют различные субстраты.

Ведь только при наличии [у мангалы и завершения труда] общего субстрата они могли бы находиться в отношении причинно-следственной связи.

Ведь сказано: «Что [пребывает] в сущем, то сущее; что в несуществующем — то несуществующее» — так заключают при установлении причинно-следственной связи на основании восприятия сопутствия и исключения.

[В случае заключения]: «Что [пребывает] в несуществующем, то существует», — [основанного] на ошибке в познании исключения, и [заключения]: «Что [пребывает] в существующем, то не существует», — [основанного] на ошибке в познании сопутствия, при наличии препятствия для восприятия (pratibandhakatvena pratyakṣeṇa) невозможно постулировать причинно-следственную связь между мангалой и завершением труда.

[Сторонник мангалы]

Но даже в этом случае мангала — средство для завершения труда, поскольку [с ней] результат достигнут и не происходит достижения иного результата, отличного от завершения труда.

Ведь только то является средством для достижения результата, что позволяет достигнуть этого результата и не ведет к достижению другого результата.

Как, например, ритуал для достижения небес, вроде джьотиштомы, эффективен для достижения [этого] результата и неэффективен для достижения результата, отличного от достижения небес.

Очевидно, что мангала воспринимается как средство достижения определенного результата, [но при этом] она не является средством достижения никаких иных результатов, нежели завершение труда, которое является проникаемым (vyāpya) со стороны средства для завершения труда.

«Поэтому мангала — средство для завершения труда» — так выведением причины из следствия (pariśeṣānumāna) обосновывается эффективность мангалы как средства для достижения желаемого результата.

Литература

Аннамбхатта 1989 — *Аннамбхатта*. Тарка-санграха (Свод умозрений). Тарка-дипика (Разъяснение к Своду умозрений) / Пер. с санскрита, введение, комментарий и историко-философ-

ское исследование Е.П. Островской. М.: Наука, ГРВЛ, 1989 (Памятники письменности Востока. LXXXV).

Десницкая 2022 — *Десницкая Е.А.* «Сконструированные» ритуальные практики в индийской философии // Asiatica: Труды по философии и культурам Востока. 2022. Т. 16. № 1. С. 118–131.

Инголлс 1975 — *Инголлс Д.Г.Х.* Введение в индийскую логику навья-ньяя / Пер. с англ. Отв. ред. В.А. Смирнов. М.: Наука, ГРВЛ, 1975.

Миронов 1918 — *Миронов Н.Д.* Каталог индийских рукописей Российской Публичной Библиотеки. Собрание И.П. Минаева и некоторые другие. Выпуск 1. Петроград: Типография Российской Академии Наук, 1918.

Посова, Чижикова 1999 — *Посова Т.К., Чижикова К.Л.* Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН / Отв. ред. Г.А. Зограф. Предисл. В.С. Воробьева-Десятовского. М.: Вост. лит., 1999.

Шомахмадов 2011 — *Шомахмадов С.Х.* Мангала-символы в буддийских санскритских рукописях из Гильгита и Центральной Азии // Письменные памятники Востока. 2011. № 2 (вып. 15). С. 94–113.

Bhattacharyya, Potter 2011 — *Bhattacharyya S., Potter K.* (ed.). Encyclopedia of Indian Philosophies. Vol. XIII. Nyāya-Vaiśeṣika Philosophy from 1515 to 1660. Delhi: Motilal Banarsidass, 2011.

Cardona 1997 — *Cardona G*. Pāṇini: His Work and Its Traditions. Volume One: Background and Introduction. Second edition. Delhi: Motilal Banarsidass, 1997.

Donati 1884 — *Donati G.* (ed.). Maṅgalavādaḥ ossia Ragionamento sulla Felicità. Perugia: Tipografia Boncompagni, 1884.

Kaviraja 1930 — *Kaviraja G.* (ed.). Nyāyakaustubha. Pratyakṣakhaṇḍa. Benares: Vidya Vilas, 1930.

Matilal 1976 — *Matilal B.K.* (ed.). Śaśadhara's Nyāyasiddhāntadīpa with Ṭippana by Guṇaratnasūri. Ahmedabad: Institute of Indology, 1976.

McCrea 2002 — *McCrea L*. Novelty of Form and Novelty of Substance in Seventeenth Century Mimamsā // Journal of Indian Philosophy. 2002. Vol. 30. P. 481–494.

Minkowski 2008 — *Minkowski C*. Why Should We Read the Maṅgala Verses // Śāstrāraṃbha: Inquiries into the Preamble in Sanskrit. Wiesbaden: Harrasowitz, 2008. P. 1–24.

Nicholson 2012 — *Nicholson A.J.* Doxography and Boundary-Formation in Late Medieval India // World View and Theory in Indian Philosophy / Ed. by P. Balcerowicz. Delhi: Manohar, 2012. P. 103–118.

Olivelle 2005 — *Olivelle P.* (ed.). Manu's Code of Law. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Phillips, Tatacharya 2004 — *Phillips S.H., Tatacharya N.S. Ramanuja*. Epistemology of Perception: Gaṅgeśa's Tattvacintāmaṇi: Jewel of Reflection on the Truth, the Perception Chapter (Pratyakṣa-Khaṇḍa). New York: American Institute of Buddhist Studies, 2004.

Prajapati 2015 — *Prajapati S.* (ed.). The Maṅgalavāda of Harirāma Tarkavāgīśa: A Navya-Nyāya Manual // Journal of the Oriental Institute. 2015. Vol. 65. P. 147–153.

Sastrigal 1920 — *Sastrigal S.Ch.* (ed.). Tarkasangraha with Nyayabodhini, Vakyavritti, Nirukti and Pattabhiramattipani. Madras: Balamonarama Press, 1920.

Varadachari 1962 — *Varadachari V*. A Note on the Mangalavāda of the Nyāya-Vaiśeṣika School // Adyar Library Bulletin. 1962. Vol. 26. P. 28–35.

Vidyabhusana 1921 — *Vidyabhusana S.Ch*. A History of Indian Logic. Calcutta: Calcutta University, 1921.

References

Annaṃbhatta. *Tarka-saṃgraha* (Svod umozrenii). *Tarkadīpikā* (Raz"yasneniye k Svodu umozrenii) [Anthology of Speculations. Explanation to the Anthology of Speculations]. Translation from Sanskrit, introduction, commentary and historical and philosophical research by Elena P. Ostrovskaya.

Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1989 (Pamiatniki pis'mennosti Vostoka, LXXXV) (in Russian).

Bhattacharyya, Sibajiban & Potter, Karl (ed.). *Encyclopedia of Indian Philosophies. Vol. XIII. Nyāya-Vaiśeṣika Philosophy from 1515 to 1660.* Delhi: Motilal Banarsidass, 2011 (in English).

Cardona, George. Pāṇini: *His Work and Its Traditions. Volume One: Background and Introduction.* Second edition. Delhi: Motilal Banarsidass, 1997 (in English).

Desnitskaya, Evgeniya A. " 'Skonstruirivannyie' Ritualnyie Praktiki v Indiiskoi Filosofii" [Fictional Ritual Practices in Indian Philosophy]. *Asiatica: Trudy po Filosofii i Kulturam Vostoka* [Works on Philosophy and Cultures of the East], 2022, vol. 16, no. 1, pp. 118–131 (in Russian).

Donati, Girolamo (ed.). *Maṅgalavādaḥ ossia Ragionamento sulla Felicità.* Perugia: Tipografia Boncompagni, 1884 (in Sanskrit).

Ingalls, Daniel H.H. *Vvedenie v indiiskuiu logiku navya-nyaya* [Materials for the Study of Navya-Nyāya Logic]. Russian translation. Ed. by V.A. Smirnov. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1975 (in Russian).

Kaviraja, Gopinatha (ed.). *Nyāyakaustubha. Pratyakṣakhaṇḍa.* Benares: Vidya Vilas, 1930 (in English).

Matilal, Bimal Krishna (ed.). *Śaśadhara's Nyāyasiddhāntadīpa with Ṭippana by Guṇaratnasūri.* Ahmedabad: Institute of Indology, 1976 (in Sanskrit).

McCrea, Lawrence. "Novelty of Form and Novelty of Substance in Seventeenth Century Mimamsā". *Journal of Indian Philosophy*, 2002, vol. 30, pp. 481–494 (in English).

Minkowski, Christopher. "Why Should We Read the Maṅgala Verses". In: *Śāstrāraṃbha: Inquiries into the Preamble in Sanskrit*. Wiesbaden: Harrasowitz, 2008, pp. 1–24 (in English).

Mironov, Nikolay D. *Katalog indiiskikh rukopisei rossiiskoi publichnoi biblioteki. Sobraniie I.P. Minaieva i nekotoryie drugiie* [A Catalogue of Indian Manuscripts of the Russian Public Library. Collection of I.P. Minaev and Some Others]. Petrograd: Typography of Russian Academy of Sciences, 1918 (in Russian).

Nicholson, Andrew J. "Doxography and Boundary-Formation in Late Medieval India". In: *World View and Theory in Indian Philosophy*. Ed. by Piotr Balcerowicz. Delhi: Manohar, 2012, pp. 103–118 (in English).

Olivelle, Patrick (ed.). *Manu's Code of Law*. Oxford: Oxford University Press, 2005 (in English).

Phillips, Stephen H. & Tatacharya, N.S. Ramanuja. *Epistemology of Perception: Gaṅgeśa's Tattvacintāmaṇi: Jewel of Reflection on the Truth, the Perception Chapter (Pratyakṣa-Khaṇḍa).* New York: American Institute of Buddhist Studies, 2004 (in English).

Posova, Tatyana K. & Chizhikova, Kseniya L. *Kratkii katalog indiiskikh rukopisei instituta vostokovedeniia RAN* [A Short Catalogue of Indian Manuscripts of the Institute of Oriental Studies RAS]. Ed. by G.A. Zograf. Introd. by V.S. Vorobyov-Desyatovsky. Moscow: Vostochnaya literatura, 1999 (in Russian).

Prajapati, Sweta (ed.). "The Maṅgalavāda of Harirāma Tarkavāgīśa: A Navya-Nyāya Manual". *Journal of the Oriental Institute*, 2015, vol. 65, pp. 147–153 (in Sanskrit).

Sastrigal, S. Chandrasekhara (ed.). *Tarkasangraha with Nyayabodhini, Vakyavritti, Nirukti and Pattabhiramattipani.* Madras: Balamonarama Press, 1920 (in Sanskrit).

Shomakhmadov, Safarali H. "Mangala-simvoly v buddiiskikh sanskritskikh rukopisiakh iz Gilgita i Tsentralnoi Azii" [Mangala Symbols in Buddhist Sanskrit Manuscripts from Gilgit and Central Asia]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2011, vol. 2 (iss. 15), pp. 94–113 (in Russian).

Varadachari, Venkatadriagaram. "A Note on the Mangalavāda of the Nyāya-Vaiśeṣika School". *Adyar Library Bulletin*, 1962, vol. 26, pp. 28–35 (in English).

Vidyabhusana, Satish Chandra. *A History of Indian Logic.* Calcutta: Calcutta University, 1921 (in English).

The Introductory Section of Varāhārya's *Maṅgalavāda* (a MS from IOM, RAS Collection)

Evgeniya A. DESNITSKAYA
Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 25.11.2022.

Abstract: This article presents an analysis of the introductory section of Varāhārya's *Māṅgalavāda*, based on the MS housed in the collection of IOM, RAS. The title *maṅgalavāda* is also a common name for a number of works that belong to the Navya-nyāya tradition. The works of this genre discuss and justify the practice of *maṅgala*, i.e. auspicious verses at the beginning of a literary or philosophical work. Varāhārya's *Māṅgalavāda* can be provisionally dated to the 17th century. So far, no references to the works of this author have been discovered, so the MS can be considered unique. The introductory section provides a brief discussion on the effectiveness of the *maṅgala* practice, and on the cause-and-effect relationship between the *maṅgala* and its result. Varāhārya makes use of Nyāya terminology, but at the same time considers *maṅgala* a kind of ritual. Due to its ritual context, the work can be also attributed to the tradition of Navya-mīmāṃsā. The article provides transliteration and translation of the introductory section, and a facsimile reproduction of the corresponding sheets of the MS.

Key words: *maṅgala*, *maṅgalavāda*, Navya-nyāya, manuscripts, Sanskrit, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Evgeniya A. Desnitskaya. "The Introductory Section of Varāhārya's *Maṅgalavāda* (a MS from IOM, RAS Collection)". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2023, vol. 20, no. 1 (iss. 52), pp. 58–69 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO112127.

About the author: Evgeniya A. DESNITSKAYA, Cand. Sci. (Philosophy), Researcher, Section of South Asian Studies of the Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (khecari@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-7890-2061.

Письменные памятники Востока. 2023. Том 20. № 1 (вып. 52). С. 70–83

Тангутское государство в русских летописях

Ю.И. ДРОБЫШЕВ
Институт востоковедения РАН
Москва, Россия

DOI: 10.55512/WMO204975

Статья поступила в редакцию 29.11.2022.

Аннотация: в статье обсуждается проблема проникновения в русское летописание информации о гибели Чингис-хана в тангутском государстве. Известно, что Чингис-хан действительно умер в Си Ся, но он не был там убит, как утверждает Галицко-Волынская летопись, входящая в Ипатьевский летописный свод. Данная информация для средневековой русской историографии совершенно уникальна. Специалисты высказали ряд предположений о ее появлении на Руси, однако о решении проблемы говорить рано. Автор солидаризуется с гипотезой В.Т. Пашуто о получении известий о событиях, последовавших за битвой на Калке в 1223 г., в ходе визита князя Даниила Галицкого в ставку Бату (Батыя) в 1245/1246 г. В качестве аргумента в пользу этого предположения рассматривается табуирование одного из вариантов названия тангутской державы монголами (Кашин) ранее 1241 г., после чего в их обиходе остался второй вариант (Тангут), который и стал известен на Руси. Слова о гибели Чингис-хана от рук тангутов и о покорении тангутской земли обманом наводят на мысль, что составитель Галицко-Волынской летописи получил эти сведения от противников монголов, причем можно полагать, что их источник непосредственно связан с Си Ся, где после разгрома монголами, похоже, возникали различные порочащие Чингис-хана слухи.

Ключевые слова: Чингис-хан, Си Ся, тангуты, русские летописи, Ипатьевский свод, Галицко-Волынская летопись, битва на Калке, Даниил Галицкий.

Для цитирования: *Дробышев Ю.И.* Тангутское государство в русских летописях // Письменные памятники Востока. 2023. Т. 20. № 1 (вып. 52). С. 70–83. DOI: 10.55512/WMO204975.

Об авторе: ДРОБЫШЕВ Юлий Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Востока ИВ РАН (Москва, Россия) (altanus@mail.ru). ORCID: 0000-0002-9318-4560.

© Дробышев Ю.И., 2023

В начале лета 1223 г. Русь постигла беда, которая, несмотря на свою тяжесть, была лишь предвестником гораздо более страшных и длительных несчастий, получивших название «монголо-татарского ига». Тумены монгольских полководцев Чжэбэ и Субэдэя наголову разгромили на берегах Калки отряды русских князей и их половецких

союзников, оставив Русь в «недоумении», как позже выразился летописец. Было непонятно, кто эти люди, каков их язык, откуда они пришли и куда делись после победоносного для них сражения. Однако неведение со временем закончилось, и в летописные свитки стала проникать информация о новом грозном народе и его вождях.

Галицко-Волынская летопись[1], включенная в Ипатьевский свод, самый ранний из дошедших до нас списков которого датируется 1420-ми годами, сообщает о событиях, последовавших за побоищем на Калке: «Ожидая Богъ покаяния крестьяньскаго и обрати и воспять на землю восточноую и воеваша землю Таногоустьскоу и на ины страны. тогда же и Чаногизъ кано ихъ Таногоуты оубьенъ бысть. их же прельстивше и послѣди же льстию погоубиша. иные же страны ратми. наипаче лестью погоубиша» (ПСРЛ 1998: 745; Галицко-Волынская летопись 2005: 91; Kronika Halicko-Wołynska 2017: 102). В современном русском переводе этот фрагмент звучит так: «Ожидая покаяния христиан, Бог повернул татар назад на восточную землю, и они завоевали землю Тангутскую и иные страны. Тогда же их Чингисхан был убит тангутами. Татары же обманули тангутов и впоследствии погубили обманом. И другие страны они погубили — ратью, а больше всего обманом» (ПЛДР 1981: 261). Этот пассаж вставлен в «Повесть о Калкской битве»[2], которая, в свою очередь, входит в состав повести о собирании князем Даниилом Романовичем Галицким (1201–1264) своих земель.

Лаврентьевская и Новгородская Первая летописи, старейшие наряду с Ипатьевским сводом русские источники о монгольском нашествии, после описания битвы на Калке не говорят о дальнейшей судьбе незваных гостей. Изложение калкских событий, сохранившееся в Новгородской Первой летописи, хотя лишено концовки с рассказом о гибели Чингис-хана, включает в своем начале пересказ ультиматума, который монголы отправили русским князьям, убеждая их не поддерживать половцев: «А есте послушали Половьчь, а послы наша есте избили, а идете противу нас, тъ вы поидите; а мы васъ не заяли, да всѣмъ богъ» (Новгородская первая летопись 1950: 62). Анализ этого послания позволяет с очень высокой вероятностью считать его подлинным, на что указывают финальные слова «да всем бог!», где «бог» — точный эквивалент монгольского Тэнгри — Вечного Синего Неба, согласно которому вершатся все земные дела. Ссылаясь на небесную волю, монголы давали понять своим противникам, что сопротивление бесполезно. Так якобы заповедал сам Чингис-хан (1162?–1227) в своих законах — Великой Ясе (Juvaini 1997: 25–26).

Общеизвестно, что Чингис-хан не принимал личного участия в русских событиях, однако его имя (точнее, титул) появляется в Новгородской Первой летописи в описании битвы на Калке в сильно искаженном виде. Наряду с ним упомянут и его старший сын Джучи (1182–1227), которого там не было тоже: «Ини же Татари поидоша по русскыхъ князихъ, бьюче до Днѣпря; а у города того оста 2 воеводѣ *Цьгырканъ и Тешюканъ* (курсив наш. — *Ю.Д.*) на Мьстислава и на зяти его на Андрѣя и на Ольксандра Дубровьцьскаго: беста бо 2 князя съ Мьстиславом» (Новгородская первая летопись 1950: 63). Затем этот эпизод с монгольскими «воеводами» воспроизводится в летописях Тверской (ПСРЛ 1863: 342) и Ермолинской (ПСРЛ 1910: 71). Упоминание Чингиса и Джучи можно объяснить тем, что первый являлся главой всех завоевате-

[1] Строго говоря, это произведение, охватывающее события 1201–1292 гг. и четко распадающееся на Галицкую и Волынскую части, летописью не является, но, следуя историографической традиции, мы в настоящей статье называем ее летописью.

[2] Известны краткая и пространная версии этой повести, о происхождении и взаимоотношениях которых до сих пор не сложилось консенсуса (Буланин 1987: 346–348).

лей, а второй считался номинальным владельцем кипчакских степей, и монголы требовали сложить оружие от их имени.

Трудно сказать, связана ли эта информация каким-то образом с сообщением Ипатьевского свода. Учитывая сильную разницу в написании слова «Чингис» в этих летописях, можно скорее ответить отрицательно[3], хотя, согласно предположению В.Ю. Аристова, протограф Ипатьевского списка попал в Новгород между 1290-ми и 1330-ми годами и оказал заметное влияние на создание Новгородской Первой летописи старшего извода, с которой он имеет ряд структурных и текстуальных соответствий, в том числе в рассказах о калкской битве. Несмотря на это, по словам автора, «основа новгородского рассказа о походе на Калку — вполне оригинальна» (Аристов 2019: 121–123; ср.: Горовенко 2011а: 203–205). Отличие этого рассказа, в свое время отмеченное Г.М. Прохоровым и имеющее для нас большое значение, в том, что в Новгородской Первой летописи его начало перекликается с завершением, в Лаврентьевской такой переклички нет, что свидетельствует о вторичности ее композиции (Аристов 2019: 123; Прохоров 1974: 90), а в Ипатьевской рассказ венчается тем самым сообщением о походе монголов на восток, на тангутскую землю. Впрочем, прослеживать пути циркуляции интересующей нас информации среди русских летописей и их сводов — вне нашей компетенции. Мы присоединяемся к тем исследователям, которые расценивают содержащую «Повесть о битве на Калке» Галицкую часть Ипатьевского свода как авторское произведение скорее мемуарного, чем летописного характера[4], написанное по единому плану (что, естественно, не исключает как вставки самим автором готовых фрагментов текста из различных источников, так и вставки в его текст, сделанные другими книжниками позже) (Черепнин 1941: 231; Ужанков 1989: 271; Горовенко 2011б: 209–237). Как минимум, сообщение о смерти Чингис-хана и покорении монголами тангутской державы и других стран выдает отсутствие строгой хронологической последовательности в нарративе автора. Специалисты обнаружили еще несколько подобных мест (Черепнин 1941: 231–232; Горовенко 2011б: 212–216).

Рассказ Ипатьевского свода о гибели Чингис-хана в тангутском государстве воспроизводится в ряде других, более поздних летописей (Софийской Первой, Воскресенской, Типографской, Московском великокняжеском своде 1479 г., Вологодско-Пермской, Холмогорской) с большими или меньшими искажениями, но без каких-либо добавлений (Астайкин, Дробышев 2020: 51). В связи с этим не может не возникнуть вопрос: откуда русский книжник почерпнул эту информацию, довольно точную и совершено уникальную для русского летописания? Ни в одном известном нам русском средневековом источнике, независимом от Ипатьевского свода, о стране тангутов не говорится абсолютно ничего. В принципе, это можно попытаться объяснить гибелью Си Ся под ударами монголов в 1227 г., т.е. еще до покорения ими русских княжеств. Однако есть и другое объяснение.

Молчание летописей о тех или иных событиях или личностях вовсе не означает неосведомленность их авторов; скорее, оно демонстрирует своеобразную черту русской средневековой ментальности, воспринимавшей земные дела как раскрытие Божественного плана. Монгольское нашествие было воспринято в качестве знамения

[3] В Ипатьевском своде тоже наблюдаются разночтения звания Чингис-хана, но они незначительные: «Чаногизъ кано» (Хлебниковский список: «Чиногызъ. кано») (ПСРЛ 1998: 745); «Чигызаконова» (ПСРЛ 1998: 806).

[4] Эту ее особенность отметил еще К.Н. Бестужев-Рюмин: «нечто более стройное, чем простая погодная летопись» (Бестужев-Рюмин 1868: 151).

конца времен, ввиду чего первостепенной задачей православных являлось покаяние перед Господом, а не праздный интерес к его «бичу», роль которого играли кочевники. В этом смысле, можно сказать, что составители хроник глядели в самую суть событий, не придавая большого значения их форме. Кроме того, их кругозор был весьма ограничен, и события далеко за пределами русских княжеств их не особенно интересовали. Тем не менее факт остается фактом: известия о государстве тангутов и о смерти в нем Чингис-хана оставили след в русском летописании.

Разумеется, загадка «невероятной осведомленности» автора (авторов) Галицко-Волынской летописи уже привлекала внимание историков, но вследствие нехватки информации все они были вынуждены ограничиться либо ее простой констатацией (Гальперин 2012: 35), либо предположениями. Еще В.Т. Пашуто высказал догадку, что эти известия попали в летопись после поездки в Орду князя Даниила Галицкого (Пашуто 1968: 355; ср.: Храпачевский 2022: 267), что представляется нам весьма вероятным. Тем не менее вызывает недоумение то, что и в Орде («в Татарах»), как называли ставку ханов Улуса Джучи, и в столице Монгольской империи — Каракоруме побывало немало делегаций из русских княжеств[5], но о Чингис-хане и тангутах более никто не принес оттуда совершенно никаких сведений (либо они по каким-то причинам до нас не дошли).

В.К. Романов в своем исследовании «Повести о битве на Калке» лишь подчеркнул, что последние фразы могли появиться в ней не ранее 1227 г., «когда на Руси стало известно о дальнейших победах монголо-татар» (Романов 1981: 99). Это утверждение бесспорно, однако оно не снимает вопрос: когда именно и каким путем такая информация могла попасть на Русь?

В связи с этим вспомним любопытную гипотезу Д.Г. Хрусталева о появлении так называемой «приписки о татарах», содержащейся в списке Е договора между Смоленском и Ригой от 1229 г.: «А на которомъ подворьи стоять немци, или гость немецьскии, не поставити на томъ дворе князю ни татарина, ни иного которого посла» (Смоленские грамоты 1963: 45). Историк предположил, что в 1229 г. Смоленск посетило монгольское посольство, которое и принесло известие о смерти Чингис-хана (Хрусталев 2011: 181). Если допустить сложение Софийской Первой летописи именно в Смоленске (такая версия бытует среди русистов, хотя считается крайне маловероятной), то, казалось бы, мы имеем подтверждение гипотезы Д.Г. Хрусталева, но тогда придется допустить и перенос информации из этой летописи в Ипатьевский свод, что противоречит установленным фактам (Лурье 1985: 196).

По мнению Ю.В. Селезнева, сообщение о смерти Чингис-хана в «Повести о битве на Калке» позволяет датировать запись (или ее редакцию) временем возвращения из Европы внука Чингис-хана Бату (ок. 1209 – 1255/1256), т.е. 1242 г., либо связывать ее с появлением около 1258 г. у границ Южной Руси сильного монгольского полководца Бурундая (1176?–1263?) (Селезнев 2016: 124; Селезнев, Токмакова 2020: 7). Сам предполагаемый составитель Волынской части Галицко-Волынской летописи холмский епископ Иван побывал у Бурундая: «Василко же князь поеха противу Бурандаеви со Лвомъ, сыновцемь своимъ, а Данило князь не еха с братомъ, послалъ бо бяше себе место владыку своего Холмовьского Ивана. И поеха Василко князь со Лвомъ и со владыкою противу Бурандаеви, поимавъ дары многы и питье, и срете и у Шумьски. И приде Василко со Лвомъ и со владыкою передо нь с дары; оному же велику опалу

[5] Подробнее об этих визитах см. (Селезнев 2017а, б).

створшу на Василка князя и на Лва; владыка стояше в ужасти величе» (ПСРЛ 1998: 849). Против этой гипотезы работает небольшая хронологическая неувязка: епископ Иван мог работать над текстом Волынской части летописи, берущей начало с 1260 г., а рассказ о Чингис-хане находится в ее Галицкой части, обрывающейся на событиях 1258 г. (Галицко-Волынская летопись 2005: 31). Впрочем, как хорошо известно, сводный текст продолжал редактироваться, и более поздние вставки не исключены. Н.Ф. Котляр полагает, что «Повесть о битве на Калке» была вставлена в уже отредактированном виде волынским составителем (Там же: 38).

По-видимому, наиболее обстоятельный разбор интересующего нас пассажа произвел украинский историк В.И. Ставиский, нашедший его большое сходство с сообщением знаменитого ильханского историка и государственного деятеля Рашид ад-Дина (1247–1318), но в итоге он признал: «Та загадкою залишається, звідки автор ГВл (Галицко-Волынской летописи. — *Ю.Д.*) почерпнув інформацію про тангутський похід Чингісхана у варіанті, надзвичайно близькому до версії Рашид-ад-Діна, що працював майже століттям пізніше» (Галицько-Волинський літопис 2020: 230).

Можно выдвинуть еще несколько внешне правдоподобных, но, к сожалению, не подкрепленных фактами предположений. Так, не исключено, что сведениями о смерти Чингис-хана в тангутской земле поделился францисканский монах Плано Карпини (1182–1252), когда возвращался через русские земли из Монголии (Галицько-Волинський літопис 2020: 229), хотя в отчете о своей поездке он приводит совершенно другую версию (см. ниже), либо сведения эти мог принести кто-то из князей или их свит, ходивших в Сарай или Каракорум. Не противоречит здравому смыслу даже такая экзотическая на первый взгляд догадка, как контакты русских с тангутами. Давно известно, что после разгрома Си Ся монголы брали тангутов на службу и порой доверяли им высокие посты. Судьба могла забросить кого-то из них на Русь и, действительно, такой случай задокументирован в династийной истории «Юань ши»: знатный тангут Шири-гамбу (1191–1259) штурмовал Рязань и участвовал в других военных операциях на русских землях (Храпачевский 2022: 268). Наконец, могло быть два и более независимых источников информации.

Итак, рассмотрим имеющиеся в нашем распоряжении сведения. Если не решить, то хотя бы поставить более корректно вопрос с датировкой может помочь название тангутской державы, прозвучавшее в русском летописании. Монголам были известны два варианта ее названия, оба встречающиеся в «Сокровенном сказании монголов», которое было в основном написано, как обычно полагают, к 1240 г.: Qašin, происходившее от китайского Хэси 河西 ‘[земли] к западу от реки [Хуанхэ]’ (Козин 1941: § 150, 177, 249, 250), и Tangγut, имевшее древнетюркское происхождение (Taŋut) (Козин 1941: § 249, 250, 256, 265, 267, 268). Под именем Западного Ся (Си Ся) или, как в тангутском оригинале, — Великое государство высокой белизны тангутская держава ни в монгольских, ни тем более в русских источниках не фигурирует. По словам Рашид ад-Дина, Угэдэй (1186–1241, великий хан 1229–1241) назвал одного из своих сыновей Кашином в память об успешном походе на тангутов в 1218 г., а вследствие его смерти название страны стало табуированным, как это было принято у монголов: «Ввиду того что он появился на свет в то время, когда Чингиз-хан покорил область Каши, которую теперь называют Тангут, то его нарекли именем Каши. Так как он был большим любителем вина и постоянно пребывал в опьянении, то умер от порока — чрезмерного пьянства — еще молодым, при жизни отца. Когда он скончался, [имя] Каши сделали запретным, и после этого ту область назвали „Тангут“» (Рашид ад-Дин

1960: 12; ср.: Рашид ад-Дин 1952: 143). И действительно, в среднемонгольских памятниках название Qašin не встречается[6].

Хаган Угэдэй родился в 1186 г. В конце 1204 г., после разгрома меркитов, он овладел меркиткой Торэгэнэ-хатун (Туракиной) и сделал ее своей женой. Согласно Рашид ад-Дину, от нее он имел пять сыновей: Гуюка (1206–1248, великий хан 1246–1248), Годана (1206–1253?), Кучу, Карачара и Каши (Рашид ад-Дин 1960: 9–12). Годы жизни трех младших сыновей неизвестны. Каши вступил в брак и имел по меньшей мере одного сына — знаменитого Хайду (1235/1236–1301). Основываясь на этом, В.А. Злыгостев допускает, что сам Каши мог родиться в 1217 или 1218 г., так как монгольские юноши достигали зрелости к 15–17 годам (Злыгостев 2018: 324). Между тем ключ к решению лежит в указании Рашид ад-Дина на то, что Каши родился, когда «Чингиз-хан покорил область Каши, которую теперь называют Тангут», хотя историк не совсем точен в датировках. Окончательно сломить тангутов монголы смогли лишь в 1227 г., и тогда Каши должен был стать отцом уже в возрасте восьми или девяти лет, что маловероятно. Скорее всего, речь идет о довольно успешном монгольском набеге 1209–1210 гг., по итогам которого тангутский император признал свой вассалитет. Учитывая вышеизложенное, можно полагать, что Каши появился на свет в 1209 или 1210 г., а умер не ранее 1235 или 1236 г. Следовательно, табуирование его имени имело место между 1235/1236 и 1241 гг., ввиду чего мы имеем слабую косвенную улику в пользу более поздних датировок принесения информации о смерти Чингис-хана на Русь, нежели предложенный Д.Г. Хрусталевым 1229 г. Таким образом, пока очевидно одно: русский книжник воспроизвел именно монгольское название тангутского государства.

Намек на то, откуда он почерпнул эти сведения, содержат его слова о «лести», т.е. обмане, посредством которого монголы якобы побеждали разные страны. Русские летописцы систематически использовали понятие «лести», описывая военные столкновения с монголами. Тот же Ипатьевский свод включает несколько таких эпизодов.

1. Монголы у Новгорода Святополческого, преследовавшие разбитых русских князей после битвы на Калке: «не вѣдающим же Роуси льсти ихъ. исходяхоу противоу имъ со кресты. они же избиша ихъ всих» (ПСРЛ 1998: 745).

2. Бату под стенами Козельска: «оувѣдавъши же нечестивии. яко оумъ крѣпкодшьныи имѣють. людье во градѣ. словесы лестъными не возможно бѣ град прияти» (ПСРЛ 1998: 780).

3. Мункэ под стенами Киева: «присла послы свои к Михаилоу и ко гражаномъ. хотя е прельстити» (ПСРЛ 1998: 782).

4. Бату под стенами Колодяжина: «и не може разбити стѣны. и начатъ перемолъвливати люди. они же послоушавше. злого свѣта его. передашася. и сами избити быша» (ПСРЛ 1998: 786).

Обман как обычное монгольское средство достижения победы подтверждает такой компетентный источник, как Плано Карпини, совершивший в 1245–1247 гг. путешествие через подконтрольные монголам земли до ставки великого хана Гуюка, избранного как раз в то время: «Но когда они уже стоят против укрепления, то ласково говорят с его жителями и много обещают им с той целью, чтобы те предались в их руки; а если те сдадутся им, то говорят: „Выйдите, чтобы сосчитать вас согласно нашему обычаю“. А когда те выйдут к ним, то Татары спрашивают, кто из них ремесленники,

[6] Благодарю за разъяснения по данному вопросу П.О. Рыкина (ИЛИ РАН, С.-Петербург).

и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают…» (Плано Карпини 1997: 57). Аналогично свидетельствуют и другие современники монгольских войн. Наконец, источники согласуются в том, что Чингис-хан не сдержал своего слова сохранить тангутскому императору жизнь после его капитуляции. Значит, «лесть» действительно была пущена монголами в ход.

Исходя из этого, мы можем предположить, что, скорее всего, информацией русский автор был обязан кому-то из покорившихся противников монголов, а таковых в XIII в. было очень много. В пользу данного предположения говорят также слова о насильственной смерти Чингис-хана в Си Ся, тогда как из надежных источников известно, что он мирно скончался в своем походном шатре. Предположение о сокрытии подлинных обстоятельств его смерти, конечно, имеет право на существование, и даже самый факт его ухода из жизни до времени скрывали от врагов, но пока нет весомых причин подвергать сомнению то, что по этому поводу сообщается в «Сокровенном сказании», «Юань ши» или «Тарих-и джахан-гушай» (Козин 1941: § 268; Китайская династийная история 2009: 161; Juvaini 1997: 183). В подобном искажении фактов можно усматривать своеобразную месть Чингис-хану. Жестокий и непобедимый завоеватель все-таки оказывается поверженным. И это не единичный случай. Из других европейцев, побывавших у монголов и оставивших о своих путешествиях записи, Рубрук не сообщает каких-либо подробностей о смерти Чингиса, зато Марко Поло утверждает, что он погиб из-за стрелы, попавшей ему в колено под крепостью Канги (Книга Марко Поло 1997: 235)[7]. Видимо, желание представить смерть Чингиса в негативном свете привело к появлению легенды о его гибели от грозы: «После этого, свершив свои распоряжения и постановления, он был убит ударом грома» (Плано Карпини 1997: 48; ср.: Христианский мир 2002: 109). Такая смерть в кочевом мире считалась очень нехорошей. Изобилующий мифологическими сюжетами текст о деяниях Чингис-хана, откуда взята эта цитата, инкорпорирован в отчет миссии Плано Карпини. Историки чаще всего расценивают его как далекий от реальности, но для культурологов он представляет значительный интерес как попытка неизвестного средневекового интеллектуала «перекодировать» трагическую реальность первой половины XIII в. (Юрченко 2002: 294–327). Наконец, еще один возможный, и притом гораздо более унизительный, вариант мести — вероятно, со стороны тангутов — слух о смерти Чингис-хана из-за увечья, которое умышленно причинила его мужскому органу во время первой брачной ночи жена последнего тангутского императора, доставшаяся ему в качестве трофея. Заслуживает удивления, что он известен из монгольской хроники (Желтая история 2017: 84).

Здесь, пожалуй, будет уместным заметить, что в период Монгольской империи по Евразии ходили самые разные слухи о Чингис-хане, и кое-что из них могло быть правдой, неудобной для самих монголов и ими скрываемой, но охотно передававшейся их противниками. В качестве примера можно привести уникальную информацию Рубрука о пребывании Чингис-хана в тангутском плену, не подтверждаемую ни одним известным нам источником, но и не опровергаемую ими[8].

Итоги нашего исследования сводятся к следующему. Имеющихся исторических материалов недостаточно для ответа на поставленный вопрос, поэтому приходится

[7] Где могла находиться эта крепость, неизвестно. Предпринимаемые в околонаучных кругах попытки отождествить ее с древней крепостью Канга-кала на территории современного Туркменистана выглядят неубедительно.

[8] Всю аргументацию *pro et contra* см. в (Дробышев 2021: 380–405).

ограничиться развитием гипотезы, ранее выдвинутой В.Т. Пашуто и поддержанной нами (Астайкин, Дробышев 2020: 51), которая связывает появление сведений о гибели Чингис-хана в тангутском государстве с вынужденным визитом Даниила Галицкого к Бату. Следовательно, они стали известны автору/авторам Галицко-Волынской летописи около 1245/1246 г. Скорее всего, информация проистекала из среды противников монголов, причем мы склоняемся к предположению, что следы, так или иначе, ведут в Си Ся, где, похоже, после бурных событий 1227 г. рождались разнообразные порочащие Чингис-хана слухи.

Судя по тексту летописи (по крайней мере, той ее части, где описываются события 1220–1250-х годов), в окружении князя находился человек, очень внимательный к происходившему либо услышанному. Он фиксировал такие касающиеся монголов подробности, которые не считали нужным увековечивать остальные владевшие грамотой русские люди. По-видимому, прослеживается какая-то взаимосвязь между интересом автора к монголам и хорошо выраженной в Галицкой части летописи установкой на сопротивление им. Чтобы успешно бороться с врагом, его надо хорошо знать. Несомненно, широтой своего кругозора автор был обязан хорошему образованию и влиянию европейской культуры. Можно предположить, что услышанное в 1245 или 1246 г. он разделил, как минимум, на две части: 1) описание самого визита князя к Бату с живописными подробностями о свершавшихся там языческих ритуалах и 2) сообщение о войнах монголов после ухода с Калки, в том числе и о судьбе Чингис-хана. Эту вторую часть он поместил туда, где ей хронологически уместно быть, т.е. завершил ею калкский эпизод.

Не исключено, что рассказ о калкской битве и его концовка с упоминанием тангутской земли и Чингис-хана принадлежат разным людям. Фраза «вся нам по соухоу же Днѣпр перешедшим» (ПСРЛ 1998: 741) практически единодушно считается подтверждением того, что битву описал ее очевидец (и, надо думать, участник). Но этот человек не мог знать в 1223 г., куда потом отправятся победившие враги и что произойдет с их главным вождем несколько лет спустя. Даже если автор Галицкой летописи взял «Повесть о битве на Калке» в готовом виде из гипотетической Киевской летописи, законченной в 1238 г., или из какого-то другого источника (Пашуто 1947: 273–305; Свердлов 1963: 139–144; Кучкин 2003: 73–78), интересующую нас концовку он вполне мог дописать сам. Конечно, можно также допустить, что будущий книжник сам принимал участие в том злосчастном походе, уцелел и после подвизался при дворе Даниила Галицкого в городе Холм, где и записал свои воспоминания в конце 1240-х — начале 1260-х годов, обрамив их повествованием о жизни и деятельности своего князя. Однако для окончательного решения загадки Ипатьевского свода необходим поиск новой информации.

В заключение следует подчеркнуть, что обе версии сообщения о первом столкновении русских и монголов, сохранившиеся в Ипатьевском своде и Новгородской Первой летописи, предоставляют очень краткую, но точную информацию о формирующейся Монгольской империи (монгольский ультиматум русским князьям, смерть Чингис-хана в Си Ся) и дополняют друг друга. Эти сведения находят подтверждение в источниках, написанных на восточных языках.

Литература

Аристов 2019 — *Аристов В*. Ипатьевская летопись и новгородская историография // Ruthenica. Journal of East European History and Archeology. 2019. Vol. 15. С. 101–140.

Астайкин, Дробышев 2020 — *Астайкин А.А., Дробышев Ю.И*. Упоминания Чингисхана в русских летописях // Восток (Oriens). 2020. № 4. С. 49–59.

Бестужев-Рюмин 1868 — *Бестужев-Рюмин К.Н*. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб.: Типогр. А. Траншеля, 1868.

Буланин 1987 — *Буланин Д.М*. Повесть о битве на Калке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1987. С. 346–348.

Галицко-Волынская летопись 2005 — Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Сост. Н.Ф. Котляр, В.Ю. Франчук, А.Г. Плахонин. СПб.: Алетейя, 2005.

Галицько-Волинський літопис 2020 — Галицько-Волинський літопис: текстологія / Под ред. О.П. Толочко. Київ: Академперіодика, 2020.

Гальперин 2012 — *Гальперин Ч*. Татарское иго: образ монголов в средневековой России / Пер. М.Е. Копыловой; под ред. Ю.В. Селезнева. Воронеж: [Б. и.], 2012.

Горовенко 2011а — *Горовенко А.В*. «Галицко-Волынская летопись», происхождение ее хронологизированной редакции и «пропавший» рассказ о княжении Романа в Галиче // *Горовенко А.В.* Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 191–208.

Горовенко 2011б — *Горовенко А.В*. Почему не был написан рассказ о княжении Романа в Галиче (к вопросу об этапах формирования современной структуры Ипатьевской летописи) // *Горовенко А.В*. Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 209–237.

Дробышев 2021 — *Дробышев Ю.И*. Тангутский плен Чингис-хана // Ориенталистика. 2021. Т. 4. № 2. С. 380–405.

Желтая история 2017 — Желтая история (Шара туджи) / Пер., транслит., введ. и коммент. А.Д. Цендиной. М.: Наука — Вост. лит., 2017.

Злыгостев 2018 — *Злыгостев В.А*. Герои «Сокровенного сказания». Уфа: Альфа-реклама, 2018.

Китайская династийная история 2009 — Китайская династийная история «Юань ши» («Официальная история [династии] Юань») / Пер. Р.П. Храпачевского // Золотая орда в источниках. Т. III. Китайские и монгольские источники. М.: [Б. и.], 2009. С. 121–291.

Книга Марко Поло 1997 — Книга Марко Поло // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 190–380.

Козин 1941 — *Козин С.А*. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

Кучкин 2003 — *Кучкин В.А*. Летописные рассказы о битве на р. Калке // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я.Н. Щапова. СПб.: Русско-Балтийский инф. центр «Блиц», 2003. С. 73–78.

Лурье 1985 — *Лурье Я.С*. Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 40. Л.: Наука, 1985. С. 190–205.

Новгородская первая летопись 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Отв. ред. М.Н. Тихомиров; под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

ПЛДР 1981 — Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М.: Худ. лит., 1981.

Пашуто 1947 — *Пашуто В.Т*. Киевская летопись 1238 года // Исторические записки. 1947. Т. 26. С. 273–305.

Пашуто 1968 — *Пашуто В.Т*. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968.

Плано Карпини 1997 — *Плано Карпини*. История монгалов // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 29–85.

Прохоров 1974 — *Прохоров Г.М.* Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 28. Л.: Наука, 1974. С. 77–98.

ПСРЛ 1863 — Полное собрание русских летописей. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб.: Типогр. Леонида Демиса, 1863.

ПСРЛ 1910 — Полное собрание русских летописей. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб.: Типогр. М.А. Александрова, 1910.

ПСРЛ 1998 — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998.

Рашид ад-Дин 1952 — *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / Пер. Л.А. Хетагурова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

Рашид ад-Дин 1960 — *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II / Пер. Ю.П. Верховского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

Романов 1981 — *Романов В.К.* Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи // Летописи и хроники. 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 79–103.

Свердлов 1963 — *Свердлов М.Б.* К вопросу о летописных источниках «Повести о битве на Калке» // Вестник ЛГУ. 1963. № 2. Серия истории, языка и литературы. Вып. 1. С. 139–144.

Селезнев 2016 — *Селезнев Ю.В.* Галицко-Волынская летопись как источник по истории Джучиева улуса // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 123–130.

Селезнев 2017а — *Селезнев Ю.* Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М.: Ломоносовъ, 2017.

Селезнев 2017б — *Селезнев Ю.В.* Картины ордынского ига. Воронеж: Издат. дом ВГУ, 2017.

Селезнев, Токмакова 2020 — *Селезнев Ю.В., Токмакова С.Е.* Русские летописи о Золотой Орде (извлечения из Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской I летописей). Воронеж: Научная книга, 2020.

Смоленские грамоты 1963 — Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Подгот. к печати Т.А. Сумникова и В.В. Лопатин; под ред. Р.И. Аванесова. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Ужанков 1989 — *Ужанков А.Н.* «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 1. XI–XVI века. М.: Ин-т мировой литературы, 1989. С. 247–283.

Храпачевский 2022 — *Храпачевский Р.П.* Русско-тангутские пересечения XIII в. (на синхронном материале монголо-китайской канцелярии и русских летописей) // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Вып. XXXIV. Межэтнические контакты в социокультурном контексте / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2022. С. 266–269.

Христианский мир 2002 — Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года / Подгот. лат. текста и пер. С.В. Аксенов и А.Г. Юрченко; экспозиция и исслед. А.Г. Юрченко. СПб.: Евразия, 2002.

Хрусталев 2011 — *Хрусталев Д.Г.* Монгольская «дипломатия» накануне нашествия на Русь, 1223–1237 гг. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. Казань: Фолиант, 2011. С. 174–186.

Черепнин 1941 — *Черепнин Л.В.* Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. Т. 12. [Б. м.]: Изд-во АН СССР, 1941. С. 228–253.

Юрченко 2002 — *Юрченко А.Г.* Империя и космос. Реальная и фантастическая история походов Чингисхана по материалам францисканской миссии 1245 года. СПб.: Евразия, 2002.

Juvaini 1997 — *Juvaini Ata-Malik*. The History of the World-Conqueror / Transl. by J.A. Boyle. Manchester: Manchester University Press, 1997.

Kronika Halicko-Wołynska 2017 — Kronika Halicko-Wołynska (Kronika Romanowiczów) // Pomniki dziejowe polski. Seria II. T. XVI / Wydali, wstepem i przypisami opatrzyli D. Dabrowski, A. Jusupovic przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wiłkuł. Kraków; Warszawa: Instytut Historii im. Tadeusza Manteuffla, 2017.

References

Aristov, Vadim. “Ipat’evskaia letopis’ i novgorodskaia istoriografiia” [Hypatian Codex and Novgorod Historiography]. *Ruthenica. Journal of East European History and Archeology*, 2019, vol. 15, pp. 101–140 (in Russian).

Astaykin, Andrei A. & Drobyshev, Yuliy I. “Upominaniia Chingiskhana v russkikh letopisiakh” [References to Genghis Khan in Russian Chronicles]. *Vostok* (*Oriens*), 2020, no. 4, pp. 49–59 (in Russian).

Bestuzhev-Ryumin, Konstantin N. *O sostave russkikh letopisei do kontsa XIV veka* [On the Composition of Russian Chronicles until the End of the 14th Century]. St. Petersburg: Tipogr. A. Transhelya, 1868 (in Russian).

Bulanin, Dmitry M. “Povest’ o bitve na Kalke” [The Tale of the Battle of Kalka]. In: *Slovar’ knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* [A Dictionary of Scribes and Literacy in Ancient Russia]. Leningrad: Nauka, 1987, pp. 346–348 (in Russian).

Polnoe sobranie ruskih letopisei. T. 2. Ipat’evskaia letopis’ [A Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 2. Hypatian Codex]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul’tury, 1998 (in Russian).

Polnoe sobranie ruskih letopisei. T. 15. Letopisnyi sbornik, imenuemyi Tverskoi letopis’iu [A Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 15. A Collection of Chronicles Called the Tver’ Chronicle]. St. Petersburg: Typogr. Leonid Demis, 1863 (in Russian).

Polnoe sobranie ruskih letopisei. T. 23. Ermolinskaia letopis’ [A Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 23. Ermolinskaya Chronicle]. St. Petersburg: Typogr. M.A. Alexandrov, 1910 (in Russian).

Cherepnin, Lev V. “Letopisets Daniila Galitskogo” [The Chronicler of Daniel Galitsky]. *Historical Notes*, 1941, vol. 12, pp. 228–253 (in Russian).

Drobyshev, Yuliy I. “Tangutskii plen Chingis-khana” [Tangut Captivity of Genghis Khan]. *Orientalistics*, 2021, vol. 4, no. 2, pp. 380–405 (in Russian).

Galits’ko-Volins’kii litopis: tekstologiia [The Galician-Volyn Chronicle: Textology]. Ed. by O.P. Tolochko. Kyiv: Akademperiodika, 2020 (in Ukrainian).

Galitsko-Volynskaia letopis’. Tekst. Kommentarii. Issledovanie [The Galician-Volyn Chronicle. Text. Commentaries. Research]. Comp. by N.F. Kotlyar, V.Yu. Franchuk, A.G. Plahonin. St. Petersburg: Aleteiia, 2005 (in Russian).

Galperin, Charles. *Tatarskoe igo: obraz mongolov v srednevekovoi Rossii* [The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia]. Transl. by M.E. Kopylova; ed. by Yu.V. Seleznev. Voronezh, 2012 (in Russian).

Gorovenko, Andrei V. “ ‘Galicko-Volynskaia letopis’ ’, proiskhozhdenie ee khronologizirovannoi redaktsii i ‘propavshyi’ rasskaz o kniazhenii Romana v Galiche” [“The Galician-Volyn Chronicle”, the Origin of Its Chronologized Edition and the ‘Missing’ Story about the Roman’s Reign in Galich]. In: Gorovenko, Andrei V. *Mech Romana Galitskogo. Kniaz’ Roman Mstislavich v istorii, epose i legendakh* [The Sword of Roman Galitsky. Prince Roman Mstislavich in History, Epic, and Legends]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2011, pp. 191–208 (in Russian).

Gorovenko, Andrei V. “Pochemu ne byl napisan rasskaz o kniazhenii Romana v Galiche (k voprosu ob etapakh formirovaniia sovremennoi struktury Ipat’evskoi letopisi)” [Why the Story of Roman’s Reign in Galich was not Written (On the Question of the Stages of Formation of Current Structure of the Hypatian Codex)]. In: Gorovenko, Andrei V. *Mech Romana Galitskogo. Kniaz’ Roman Mstislavich v istorii, epose i legendakh* [The Sword of Roman Galitsky. Prince Roman Mstislavich in History, Epic, and Legends]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2011, pp. 209–237 (in Russian).

Juvaini, Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror*. Transl. by J.A. Boyle. Manchester: Manchester University Press, 1997 (in English).

Khrapachevskij, Roman P. Russko-tangutskie peresecheniia XIII v. (na sinhronnom materiale mongolo-kitaiskoi kantselyarii i russkih letopisei) [Russian-Tangut Contacts in the 13th Century (Based on the Synchronous Material of the Mongol-Chinese Chancery and Russian Chronicles). *Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Readings in Memory of the Corresponding Member*

of the USSR Academy of Sciences Vladimir Terentyevich Pashuto. Issue XXXIV. Interethnic Contacts in a Socio-Cultural Context. Ed. by E.A. Mel'nikova. M.: Institut vseobshchei istorii RAS, 2022. Pp. 266–269 (in Russian).

Khristianskii mir i "Velikaia Mongol'skaia imperiia". Materialy frantsiskanskoi missii 1245 goda [The Christian World and the "Great Mongol Empire". Materials of the Franciscan Mission of 1245]. Lat. text and transl. by S.V. Aksenov and A.G. Yurchenko; exposition and research by A.G. Yurchenko. St. Petersburg: Eurasia, 2002 (in Latin; in Russian).

Khrustalev, Denis G. "Mongolskaia 'diplomatiia' nakanune nashestviia na Rus', 1223–1237 gg." [Mongolian "Diplomacy" on the Eve of the Invasion of Russia, 1223–1237]. *Golden Horde Civilization*. Kazan': Folio, 2011, iss. 4. pp. 174–186 (in Russian).

"Kitaiskaia dinastiinaia istoriia 'Yuan' shi' ('Ofitsial'naia istoriia [dinastii] Yuan' ')" [Chinese Dynastic History 'Yuan shi' (The Official History of the [Dynasty] Yuan)]. Transl. by R.P. Khrapachevsky. In: *Zolotaia orda v istochnikakh. T. III. Kitaiskie i mongol'skie istochniki* [The Golden Horde in Sources. Vol. III. Chinese and Mongolian Sources]. Moscow, 2009, pp. 121–291 (in Russian).

"Kniga Marko Polo" [The Book of Marco Polo]. In: *Puteshestviia v vostochnye strany* [Travels to the Eastern Countries]. Moscow: Mysl', 1997, pp. 190–380 (in Russian).

Kozin, Sergei A. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaia khronika 1240 g.* [The Secret History. The Mongolian Chronicle of 1240]. Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1941 (in Mongolian; in Russian).

Kronika Halicko-Wołynska (Kronika Romanowiczów). *Pomniki dziejowe polski*. Seria II. T. XVI / Wydali, wstepem i przypisami opatrzyli D. Dabrowski, A. Jusupovic przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wiłkuł. Kraków–Warszawa: Instytut Historii im. Tadeusza Manteuffla, 2017 (in Polish).

Kuchkin, Vladimir A. "Letopisnye rasskazy o bitve na r. Kalke" [Chronicled Stories of the Battle on the Kalka River]. In: *Pis'mennye pamiatniki istorii Drevnei Rusi. Letopisi. Povesti. Hozhdeniia. Poucheniia. Zhitiia. Poslaniia. Annotirovannii katalog-spravochnik* [Written Monuments of the History of Ancient Russia. Chronicles. Stories. Travels. Teachings. Lives. Messages. An Annotated Directory]. Ed. by Ya.N. Shchapov. St. Petersburg: Russian-Baltic Information Center "Blitz", 2003, pp. 73–78 (in Russian).

Lur'e, Yakob S. "Genealogicheskaia skhema letopisei XI–XVI vv., vkliuchennykh v 'Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi' " [A Genealogical Scheme of the Chronicles of the 11th–16th Centuries Included in the "Dictionary of Scribes and Literacy in Old Russia"]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad: Nauka, 1985, vol. 40, pp. 190–205 (in Russian).

Novgorodskaia pervaia letopis' starshego i mladshego izvodov [The Novgorod First Chronicle of Early and Later Redactions]. Ed. by M.N. Tikhomirov; ed. and prefaced by A.N. Nasonov. Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1950 (in Russian).

Pamiatniki literatury Drevnei Rusi. XIII vek [Monuments of Literature of Old Russia. 13th Century]. Moscow: Khudozhestvennaia Literatura, 1981 (in Russian).

Pashuto, Vladimir T. "Kievskaia letopis' 1238 goda" [The Kiev Chronicle of 1238]. *Historical Notes*, 1947, vol. 26, pp. 273–305 (in Russian).

Pashuto, Vladimir T. *Vneshniaia politika Drevnei Rusi* [Foreign Policy of Ancient Russia]. Moscow: Nauka, 1968 (in Russian).

Plano Karpini. "Istoriia mongalov" [The History of Mongols]. In: *Puteshestviia v vostochnye strany* [Travels to the Eastern Countries]. Moscow: Mysl', 1997, pp. 29–85 (in Russian).

Prokhorov, Gelian M. "Povest' o Batyevom nashestvii v Lavrent'evskoi letopisi" [The Tale of Batu's Invasion in the Laurentian Chronicle]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad: Nauka, 1974, vol. 28, pp. 77–98 (in Russian).

Rashid ad-Din. *Sbornik letopisei. T. I. Kniga 1* [Collection of Chronicles. Vol. I. Book 1]. Transl. by L.A. Khetagurov. Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952 (in Russian).

Rashid ad-Din. *Sbornik letopisei. T. II* [Collection of Chronicles. Vol. II]. Transl. by Yu.P. Verkhovsky. Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1960 (in Russian).

Romanov, Valerij K. “Stat’ia 1224 g. o bitve pri Kalke Ipat’evskoi letopisi” [Article 1224 about the Battle of Kalka of the Hypatian Codex]. In: *Letopisi i khroniki* [Annals and Chronicles]. 1980. Moscow: Nauka, 1981, pp. 79–103 (in Russian).

Seleznev, Yurii V. “Galitsko-Volynskaia letopis’ kak istochnik po istorii Dzhuchieva ulusa” [The Galician-Volyn Chronicle as a Source on the History of Juchiev Ulus]. *Zolotoordinskaia tsivilizatsyia* [The Golden Horde Civilization], 2016, no. 9, pp. 123–130 (in Russian).

Seleznev, Yurii V. *Kartiny ordynskogo iga* [Depictions of the Horde Yoke]. Voronezh: Izdatel’skiy Dom VSU, 2017 (in Russian).

Seleznev, Yurii. *Russkie kniaz’ia pri dvore khanov Zolotoi Ordy* [Russian Princes at the Court of the Golden Horde Khans]. Moscow: Lomonosov, 2017 (in Russian).

Seleznev, Yurii V. & Tokmakova, Svetlana E. *Russkie letopisi o Zolotoi Orde (izvlecheniia iz Lavrent’evskoi, Ipat’evskoi i Novgorodskoi letopisei)* [Russian Chronicles on the Golden Horde (Extracts from the Laurentian, Hypatian, and Novgorod Chronicles)]. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2020 (in Russian).

Smolenskie gramoty XIII–XIV vekov [Smolensk Charters of the 13th–14th Centuries]. Prepared for print by T.A. Sumnikova and V.V. Lopatin; ed. by R.I. Avanesov. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1963 (in Russian).

Sverdlov, Mikhail B. “K voprosu o letopisnykh istochnikakh ‘Povesti o bitve na Kalke’ ” [On the Question of Chronicle Sources of “The Tale of the Battle on the Kalka”]. *Bulletin of LSU*, 1963, no. 2 (iss. 1), pp. 139–144 (in Russian).

Uzhankov, Alexander N. “ ‘Letopisets Daniila Galitskogo’: redaktsii, vremia sozdaniia” [“The Chronicler of Daniel Galitsky”: Different Versions, Time of Creation]. In: *Germenevtika drevnerusskoi literatury. Sbornik 1. XI–XVI veka* [Hermeneutics of Old Russian Literature. Collection 1. The 11th–16th Centuries]. Moscow: Institut Mirovoi Literatury, 1989, pp. 247–283 (in Russian).

Yurchenko, Alexander G. *Imperiia i kosmos. Real’naia i fantasticheskaia istoriia pokhodov Chingiskhana po materialam frantsiskanskoi missii 1245 goda* [The Empire and the Cosmos. The Real and Fantastic History of Genghis Khan’s Campaigns Based on the Materials of the Franciscan Mission of 1245]. St. Petersburg: Eurasia, 2002 (in Russian).

Zholtaia istoriia (Shara tudzhi) [The Yellow History (Shara tudzhi)]. Transl., translit., introduction and comment. by A.D. Tsendina. Moscow: Nauka–Vostochnaya literatura, 2017 (in Mongolian; in Russian).

Zlygostev, Valerii A. *Geroi “Sokrovennogo skazaniia”* [The Heroes of the “Secret History”]. Ufa: Al’fa-reklama, 2018 (in Russian).

The Tangut State in Russian Chronicles

Yuliy I. DROBYSHEV
Institute of Oriental Studies, RAS
Moscow, Russian Federation

Received 29.11.2022.

Abstract: The article discusses the problem of how the information about the death of Genghis Khan in the Tangut state appeared in the Russian chronicles. It is known that Genghis Khan did die in Xi Xia, although he was not killed there, as the Galician-Volyn Chronicle—which forms a part of the Hypatian Codex—informs us. This information is absolutely unique for medieval Russian histo-

riography. Experts have made a number of assumptions about its appearance in Russia, but it is too early to declare that the problem has been solved. The author supports V.T. Poshuto's hypothesis that the news of the events that followed the Battle of Kalka in 1223 were received as a result of Prince Daniel of Galicia's visit to Batu's headquarters in 1245–1246. It is based on the fact that the name "Kashin" for the Tangut state had been banned by the Mongols at some point before 1241. After 1241, that state was known in Russia under the name of "Tangut". The words about Genghis Khan's death at the hands of the Tangut and about the conquest of the Tangut land by deception suggest that the compiler of the Galician-Volyn Chronicle received that information from the opponents of the Mongols. It can be assumed that their source is directly related to Xi Xia, where various rumors discrediting Genghis Kan arose in the wake of its defeat by the Mongols.

Key words: Genghis Khan, Xi Xia, Tanguts, Russian chronicles, Hypatian Codex, Galician-Volyn Chronicle, Battle of Kalka, Daniel Galitsky.

For citation: Drobyshev, Yuliy I. "The Tangut State in Russian Chronicles". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2023, vol. 20, no. 1 (iss. 52), pp. 70–83 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO204975.

About the author: Yuliy I. DROBYSHEV, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation) (altanus@mail.ru). ORCID: 0000-0002-9318-4560.

Письменные памятники Востока. 2023. Том 20. № 1 (вып. 52). С. 84–94

Коллекция фотографий А.М. Позднеева из Архива востоковедов ИВР РАН

С.С. САБРУКОВА
Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO202799

Статья поступила в редакцию 30.12.2022.

Аннотация: Статья посвящена собранию фотографий из личного фонда архивных материалов А.М. Позднеева, которые выделены в отдельную единицу хранения (Ф. 44. Оп. 3. Ед. хр. 15). Это снимки профессиональные и любительские, они рассказывают историю научной и государственной деятельности Алексея Матвеевича. Среди них есть фотографии тех мест, куда неоднократно он выезжал по долгу службы. Одним из примечательных достижений ученого являются экспедиции в Монголию, совершенные в 1876–1878 и 1892–1893 гг. Он к ним готовился тщательно, об этом свидетельствуют любительские снимки фондообразователя с видами природы Монголии, местных достопримечательностей, людей. В процессе изучения материалов фонда А.М. Позднеева были выявлены отдельные фрагменты путевых заметок его путешествий в Монголию, по которым удалось отождествить некоторые из них.

Ключевые слова: А.М. Позднеев, Архив востоковедов, Монголия, экспедиция, фотоснимки.

Для цитирования: *Сабрукова С.С.* Коллекция фотографий А.М. Позднеева из Архива востоковедов ИВР РАН // Письменные памятники Востока. 2023. Т. 20. № 1 (вып. 52). С. 84–94. DOI: 10.55512/WMO202799.

Об авторе: САБРУКОВА Светлана Санджиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела рукописей и документов ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (ssabrukova@yandex.ru). ORCID 0000-0001-7983-4291.

© Сабрукова С.С., 2023

В Архиве востоковедов ИВР РАН хранится личный фонд выдающегося ученого-монголоведа, организатора науки и государственного деятеля А.М. Позднеева (1851–1920). Одним из интересных материалов этого фонда являются фотоматериалы, которые собраны в одну единицу хранения[1] в пяти папках количеством 196 штук, по описи и фактически. Составитель описи данного фонда Илья Иосифович Иориш

[1] Архив востоковедов ИВР РАН (АВ ИВР РАН). Ф. 44. Оп. 3. Ед. хр. 15. Здесь материалы разложены по папкам и пагинация нарушена, поэтому при оформлении ссылки не будет указываться номер снимка.

(1904–2002) определил их как фотоснимки из путешествий по Монголии, и первоначально они хранились в двух пакетах, видимо, на момент поступления в Архив востоковедов. Позже один из этих пакетов с фотоснимками был оставлен в личном фонде фондообразователя, а другой попал в фотоархив. В 1960 г. научная опись фонда А.М. Позднеева, составленная Иоришем, была переработана Тамарой Петровной Горегляд (1932–1993) и в настоящее время находится в пользовании читателей Архива востоковедов. В собрании коллекции фотографий (Ф. 44) 134 снимка из общего числа являются любительскими и сделаны в полевых условиях, по-видимому, самим А.М. Позднеевым. Остальные снимки, в основном профессиональные, сделаны в студии и представляют собой типы и виды монголов, бурят, калмыков, фотографии бурятских дацанов, калмыцких хурулов и отдельные портреты буддийских священнослужителей в духовном облачении.

Ил. 1[2]
Агинский дацан, Майдарийн сӳмэ

Этот парадный снимок, видимо, был подарен Позднееву во время его инспекторских поездок в Забайкалье в качестве члена Совета министров народного просвещения в 1909 г. В отчете под названием «Подробные сведения о ламстве Восточной Сибири» о малом храме в честь Будды Майтреи написано следующее: «Время первоначальной постройки Агинского дацана должно быть относимо к периоду 1811–

[2] Эта и следующие четыре иллюстрации взяты из АВ ИВР РАН (Ф. 44. Оп. 3. Ед. хр. 15).

1816 гг. 12 июля 1899 г. ширэту[3] представил хамбо-ламе[4], будто прихожане Агинского дацана сделали заявление ему, ширэтую, о том, что почетный тайша[5] Самдан Зодбоев с товарищами купили металлическое изображение бурхана Майдари[6] с двумя его учениками и пожертвовали их в собственность дацана. Но так как изображения эти не поместились ни в одной из дацанских кумирен, то возникла необходимость в постройке новой кумирни»[7]. Некоторые из студийных и подписанных фотографий, привезенных из поездок к донским калмыкам, были опубликованы — это снимки Эркетеневского хурула и торжественная буддийская служба на фоне Платовского хурула. Эркетеневский монастырь, или хурул[8], как памятник калмыцкой буддийской архитектуры просуществовал недолго, но интересен тем, что является одним из немногих каменных строений того периода, построенный на территории компактного проживания калмыков. Описание этого монастыря было сделано А.М. Позднеевым в «Дневнике поездки к калмыкам 1919 г.»[9]. Снимок Эркетеневского станичного буддийского монастыря был сделан, предположительно, в 1919 г. фотографом Сергеем Абрамовичем Стативкиным, скорее всего, по просьбе А.М. Позднеева. Сейчас этот снимок хранится в коллекции архивных материалов А.М. Позднеева (Сабрукова 2014: 201). Также здесь хранится снимок, на котором запечатлено проведение торжественной буддийской церемонии на фоне Платовского монастырского комплекса. На снимке по центру, на переднем плане восседает, по-видимому, настоятель этого монастыря Манчуда Баринов, по правую и левую сторону перед ним занимают свои места буддийские монахи и послушники (Сабрукова 2016: 101).

Накануне приезда к донским калмыкам А.М. Позднеев услышал печальную новость о кончине ламы Борманжинова. Он был лично знаком с М. Борманжиновым (1855–1919), и высоко ценил его. Позднеев писал о нем: «Не отличавшийся особенно блестящими способностями, лама Борманжинов был по преимуществу человеком долга и замечательной силы воли. По рассказам, он прежде всего старался исполнить все, что налагали на него правила гэлӱнга. Необычайно усидчивый и трудолюбивый, он всю свою жизнь провел над изучением номов (буддийских книг), постепенно переходя от одного отдела той или другой науки к другому и от одной науки к другой. Когда общество избрало его бакшею Денисовского хурула, он почитал долгом быть бакшею (учителем) не по имени только, но иметь возможность руководить каждым из подчиненных хувараков (учеников), и это побудило его, помимо ламайского (буддийского) богословия, составлявшего его специальность, изучать также и ламайские медицину и астрологию, т.е. науки, по преимуществу рекомендуемые к изучению ламайским жрецам. Но и это мало, он старался не только поддерживать и ставить на должную высоту обычные ламайские курсы, но и развивать хурульную жизнь во всех ее отношениях. Таким образом, он завел в Денисовском хуруле высшую школу цанита (*тиб*. mtshan-nyid) — буддийской философии, единственную во всех хурулах Донских калмыков» (Позднеев 2017: 69).

[3] Ширэту — настоятель Агинского дацана.

[4] Хамбо-лама (*тиб*. མཁན་པོ་བླ་མ, mkhan po bla ma «старший монах, учитель»; *монг*. хамба лам; *бур*. хамба лама) — титул главы некоторых региональных буддийских организаций.

[5] Тайши — у монгольских народов вождь, старейшина более или менее обширной родовой группы.

[6] Майтрея — бодхисаттва и будда будущего.

[7] АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 133.

[8] Хурул — так калмыки называли буддийский монастырь.

[9] АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 61. Автогр., 1919, сброшюрованные листы, 35,5×22,0 см, 40 л. (80 с.) (пагинация рукописи полистная).

Ил. 2
Лама Борманжинов

В описи фотоматериалов сказано, что здесь представлены снимки монгольских, бурятских, китайских поселений и городов, участков местностей, строений, внешних и внутренних видов храмов, местных жителей, фотографии стел и дорожных знаков с китайскими, монгольскими и тибетскими надписями, ряд фотографий из семейного альбома. На немногих из них имеются пояснительные записки:

1) Лама Цугольского дацана Шойсерон Юсодоев.

2) Мужчина и женщина буряты в национальном костюме.

3) Главный тайша агинских бурят Тугултур Тобоев. Все три снимка сделаны в фотоателье O. Stein in Siberian.

4) В.П. Васильев (1818–1900), синолог, буддолог, с дарственной надписью некоей Ольге Константиновне.

5) Преподаватели и студенты ДВГУ.

6) Русская деревня в Калгане.

7) О. (т.е. остров) Беринга, казенный дом (где жил Гребницкий[10]), на оборотной стороне есть печать: «Русское товарищество котиковых промыслов».

8) Камчатка, Петропавловская губа, шхуна товарищества «Леон».

9) Богдо гэгэн VIII (1869–1924) в возрасте 17 лет.

10) Гелонг Намчжик (Pan-chen thams-cad khyen-pa drug-pa dge-legs rnam-rgyal).

11) 8 фотографий С.-Петербургского буддийского дацана во время Гражданской войны, среди них есть групповое фото бурят и калмыков с А. Доржиевым (1853–1938) и Л.-Ш. Тепкиным (1875–1949) у парадного входа дацана.

12) Настоятель буддийского монастыря в станице Беляевская Иван Китанов, Петроград, студия Д.И. Быстрова.

13) Аркад Чубанов, настоятель Платовского хурула (1871–1893), бакша донских калмыков в костюме Докшитского хурала, скончался 18 февраля 1894 г.

14) Калмыцкая семья (кабинетный портрет, фотография В. Фольц в Царицыне).

15) Эмчи-ламайн ширээ (стол ламы-целителя) в Чунусовском хуруле.

16) Групповой портрет монголов-скотоводов, фотостудия Г. Бюргера, Невский № 1. С.-Петербург.

17) Замужняя монголка-халхинка.

18) Замужняя монголка-торгутка «с быками на ярмарку».

В общей сложности чуть более 30 снимков из 196 подписаны. Можно предположить, что все любительские фотоснимки были сделаны фондообразователем во время его путешествий.

В 1876 г., ко времени окончания А.М. Позднеевым университетского курса, Русское географическое общество снарядило экспедицию в Монголию под руководством известного исследователя Центральной Азии — Г.Н. Потанина (1835–1920). По представлению проф. К.Ф. Голстунского в состав этой экспедиции был включен А.М. Позднеев как человек, проявляющий интерес к изучению монгольской филологии, а также с целью подготовки будущего преподавателя университета по данной специальности. Экспедиция состояла из семи человек и пробыла в Монголии почти полтора года (с июля 1876 до конца 1877 г.).

[10] Николай Александрович Гребницкий (1848–1908) — русский зоолог и этнограф, управляющий Командорскими островами.

Ил. 3
Г.Н. Потанин, А.В. Потанина

В экспедиции участвовали также супруга Г.Н. Потанина — А.В. Потанина, зоолог М.М. Березовский и топограф П.А. Рафаилов. Маршруты экспедиции, начавшись с Зайсана, охватили почти всю Западную Монголию (Шастина 2003: 8). В фотоархиве Позднеева есть снимок, где изображены на переднем плане супруги Потанины в монгольской степи, в походной палатке: Александра Викторовна за чашкой чая, Григорий Николаевич за работой.

К сожалению, все фотографии, сделанные в полевых условиях, не содержат никаких записей, и они в большинстве своем очень плохого качества. Известно также, что зиму 1876/77 г. экспедиция провела в г. Кобдо, где собирала сведения о русской торговле с Монголией. В личном фонде Алексея Матвеевича есть тетрадь, содержащая «Записи разнородного содержания», в ней на листах 15–35 находятся подробные сведения о русских торговцах в Монголии, описываются предмет торговли, места локации торговцев, их ежегодный доход и т.д.

На листах 22–23 есть запись об одном из крупнейших представителей русско-монгольской торговли по Чуйскому тракту Николае Ивановиче Ассанове (1865–1920): «Бийский купец и один из самых зажиточных торговцев Западной Монголии. Его лавка в г. Кобдо является бесспорно лучшей в городе. До последнего времени русские не имели права приобретать и строить в Кобдо собственные здания, а потому проживали в наемных китайских домах. Ассанов помещался также в наемном китайском доме, но он приспособил свое помещение к русским вкусам и привел китайский байшин[11] в более благообразный уютный вид. Оборот фирмы Ассанова в Монголии можно определить приблизительно в 300 000 рублей. Главная его операция — скупка шерсти, сурка, скота; причем для обеспечения поставки сырья производится кредитование монголов серебром и отчасти товаром»[12]. Среди любительских фотографий есть снимок с изображением русского купца с семьей на фоне торговой лавки. Скорее всего, этот снимок был сделан в городе Кобдо.

[11] Байшин (*монг.*) — здание.
[12] АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 22.

Ил. 4
Н.И. Ассанов, бийский купец

Отправляясь в столь сложное путешествие, Алексей Матвеевич ставил перед собой определенные цели, которые были подробно изложены К.Ф. Голстунским в плане, представленном им Восточному факультету Санкт-Петербургского Императорского университета и заключались в следующем: ознакомление с жизнью монгольского народа во всех ее проявлениях, сбор материалов по наречиям монгольского языка, фольклорных материалов, изучение практической и обрядовой стороны буддизма. Особое внимание А.М. Позднеев должен был обратить на приобретение рукописей и ксилографов[13].

Ознакомившись с задачами экспедиции Г.Н. Потанина и ее маршрутом, проходившим через местности, населенные киргизами (казахами), Позднеев пришел к заключению, что в составе экспедиции он не сможет выполнить возложенное на него поручение. Поэтому уже в Кобдо вышел из состава экспедиции Г.Н. Потанина[14] и продолжил путешествие самостоятельно, которое закончилось в 1879 г. По возвращении в 1879 г. в Петербург, А.М. Позднеев приступил к обработке и публикации собранных им материалов. В 1880 г. были изданы три работы: «Ургинские хутухты (Исторический очерк их прошлого и современного быта)», «Города Северной Монголии, историко-этнографическое описание городов Северной Монголии» и «Образцы народной литературы монгольских племен, где были собраны образцы поэзии халхаских мон-

[13] ЦГИА СПб. (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга). Ф. 14. Оп. 3, 1876 г. Д. 15569. Л. 6.

[14] ЦГИА СПб. Ф.14. Оп. 3, 1876 г. Д. 15569. Л. 6.

голов, элэтов и бурят». В архивном фонде А.М. Позднеева сохранились материалы «Путевые заметки и другие разнохарактерные записи», которые датируются 1879 г., в них есть следующая запись: «В прошлом 1878 г. из Кобдо был командирован Цзургган для добычи серебра…»[15]. В данном небольшом отрывке речь идет о ситуации, которая произошла в Кобдо в 1878 г., о восстании олётов и о бегстве китайских наместников. То есть это путевые записи, сделанные Позднеевым на обратном пути из Урги через Улясутай в Кобдо. Среди них есть черновой вариант письма на имя Кяхтинского комиссара, где Позднеев пишет: «Письмо ваше от 8-е февраля сего года я имел счастье получить только в кочевьях Цзасакту-хановского аймака, 19 мая, оно долго следовало за мной и искало меня по городам Урге, Улясутаю, Кобдо и некоторым буддийским монастырям»[16]. Наличие этих заметок говорит о том, что А.М. Позднеев возвращался в Российскую империю тем же путем, по которому он начал свое путешествие. И по дороге он продолжал вести свои наблюдения. Среди коллекции любительских фотоснимков из путешествий были выявлены несколько фотографий местности с шестью могилами и пятью обо, которые описывает Алексей Матвеевич в своих путевых заметках: «Переправившись через р[еку] Буянту, у не высокой скалы Шӯту верстах[17] в 5 от Кобдо вступили в долину р[еки] Буянту, имеющей здесь течение на северо-запад. Долина эта с правой стороны ограничивается горами, возвышающимися в виде отдельных кряжей и скал, из которых более выдаются по высоте „Шубунай бāсуту“ и „Аршанту“, при которой (т.е. „Аршанту“. — *С.С.*) река Буянту поворачивает к востоку и в этом направлении течет до впадения в озеро Хара Усу… С левой стороны дороги от самой переправы через р. Буянту тянется один горный кряж. Он продолжается до самой пашни[18]. Пашни расположены по склону к р[еке] Кобдо и, начинаясь от р[еки] Буянту, доходят до гор Бульчжинай алак, у которых дорога поворачивает к востоку и, миновав перевал Кöнгӧту и гор Агойту, пересекает р[еку] Кобдо. На З[ападном] склоне горы Бульчжинай алак находится 6 могил и 5 обо[19]. Могилы обозначены памятниками — камнями сажени[20] в 3 вышиной с высеченными фигурами человека, совершенно подобными иранским. Могилы расположены на двух противоположных сторонах горы Бульчжинай алак, они находятся на северном склоне горы у Кöнгӧту… все камни ставились на северных сторонах могил и изображения лиц обращены к югу»[21].

Что касается разнохарактерных записей, то это перечень денежных расходов в г. Томске, на пароходе, краткие этнографические, фольклорные и диалектологические полевые наблюдения.

[15] АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 3.

[16] Там же. Л. 23.

[17] Верста — русская мера длины, равная 1,06 км.

[18] «На правой стороне реки Кобдо повелевалось отвести места для казенных пашен, к исполнению же работ на пашнях было вызвано 400 семей халхаских монголов, обязанных военной службой, и сто солдатских семей китайцев, принадлежащих к зеленому знамени (маньчжурскому) (Позднеев 1880: 92–93).

[19] Обо — культовые места в культуре монголов, бурят, тувинцев, хакасов и других тюркомонгольских народов Центральной Азии. В традиционной форме представляют собой кучи из камней или деревья, украшенные ленточками и флажками. Располагаются у дорог, на горных перевалах, на вершинах, у озер, аршанов, на берегах рек.

[20] 1 сажень = 2,1336 м.

[21] АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 2 об.

Ил. 5
Тюркские памятники — балбалы. Монголия

Также в фонде имеются еще две единицы хранения путевых заметок, одна из которых, по-видимому, относится к первой экспедиции А.М. Позднеева, а другая — ко второй. Следует отметить, что записи были сделаны в полевых условиях в основном карандашом, иногда в пути, поэтому некоторые из них даже не разобрать.

Изучение научного наследия А.М. Позднеева не теряет своей актуальности и в настоящее время, так как дает возможность ознакомиться не только с его письменными, но и иллюстративными документами в виде собрания фотографий. На большей их части запечатлена красота природы Монголии: горы, реки, ущелья, долины, а также виды и типы монголов в повседневной жизни.

Литература

Позднеев 1880 — *Позднеев А.М.* Города северной Монголии. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1880.

Позднеев 2017 — А.М. Позднеев (1851–1920) в память о Бакши-ламе донских калмыков Менке Борманжинове (1855–1919) (по материалам Архива востоковедов ИВР РАН) / Подгот. к изд., предисл. и коммент. С.С. Сабруковой // Mongolica. 2017. № 19. С. 68–75.

Сабрукова 2014 — *Сабрукова С.С.* Памятник буддийской архитектуры — Эркетеневский хурул (по материалам АВ ИВР РАН) // Письменные памятники Востока. 2014. № 1 (вып. 20). С. 201–205.

Сабрукова 2016 — *Сабрукова С.С.* Платовский хурул (по материалам АВ ИВР РАН) // Письменные памятники Востока. 2016. № 13 (вып. 4). С. 100–108.

Шастина 2003 — *Шастина Н.П.* А.М. Позднеев / Подгот. изд. и примеч. А.Г. Сазыкина // Mongolica. 2003. № 6. С. 7–18.

References

Pozdneev, Aleksei M. *Goroda severnoi Mongolii* [The Cities of Northern Mongolia]. St. Petersburg: V.S. Balashev's Publ., 1880 (in Russian).

"Pozdneev A.M. (1851–1920) v pamiat' o Bakshi-lame donskikh kalmykov Menke Bormanzhinove (1855–1919) (po materialam Arkhiva vostokovedov IVR RAN). Podgot. k izdaniiu, predislovie i kommentarii S.S. Sabrukovoi" [A.M. Pozdneev (1851–1920) in Memory of Menko Bormanzhynov — the Bakshi Lama of the Don Kalmyks (1855–1919) (Based on the Documents in the Archives of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences)]. *Mongolica*, 2017, no. 19, pp. 68–75 (in Russian).

Sabrukova, Svetlana S. "Pamyatnik buddiiskoi arkhitektury — Erketenevskii khurul (po materialam Arkhiva vostokovedov IVR RAN)" [The Erketenevskii Khurul as an Example of Buddhist Architecture (Based on the Materials in the Archives of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences)]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2014, no. 20(1), pp. 201–205 (in Russian).

Sabrukova, Svetlana S. "Platovskii hurul (po materialam Arkhiva vostokovedov IVR RAN)" [Platovskii Khurul (Based on the Data of the Archives of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences)]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2016, no. 13(4), pp. 100–108 (in Russian).

Shastina, Nina P. "A.M. Pozdneev. Podgotovka k pechati, primechaniia A.G. Sazykina" [A.M. Pozdneev. Preparation for printing, notes by A.G. Sazykin]. *Mongolica*, 2003, no. 6, pp. 7–18 (in Russian).

A Collection of Photographs by A.M. Pozdneev (from the Archives of Orientalists at the IOM, RAS)

Svetlana S. SABRUKOVA
Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 30.12.2022.

Abstracts: This article presents a collection of photographs from the personal archive of A.M. Pozdneev that have been housed as a separate item (fund 44, inventory no. 3, file 15). These are both professional and amateur photographs that tell the story of the scholarly and public life of Aleksey Matveevich Pozdneev. There are also a few photographs of places he visited officially. The most remarkable achievements of the researcher were expeditions to Mongolia that he undertook in 1876–1878 and in 1892–1893. Pozdneev's amateur photographs of Mongolian landscapes, local landmarks and people prove that the trips were carefully and meticulously organized. The documents from the Pozdneev's archive contain a few fragments of the travel journals which he kept during his expeditions to Mongolia and which were helpful in identifying some of the photographs.

Key words: A.M. Pozdneev, Archives of Orientalists, Mongolia, expedition, photographs.

For citation: Sabrukova, Svetlana S. “A Collection of Photographs by A.M. Pozdneev (from the Archives of Orientalists at the IOM, RAS)”. *Pis’mennye pamiatniki Vostoka*, 2023, vol. 20, no. 1 (iss. 52), pp. 84–94 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO202799.

About the author: Svetlana S. SABRUKOVA, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, the Department of Manuscripts and Documents, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (ssabrukova@yandex.ru). ORCID 0000-0001-7983-4291.

Письменные памятники Востока. 2023. Том 20. № 1 (вып. 52). С. 95–114

Otto Fischer (22 Mai 1886 — 9 April 1948) Veröffentlichungen zur asiatischen Kunst

Hartmut WALRAVENS
Staatsbibliothek zu Berlin, Free University of Berlin
Berlin, Germany

DOI: 10.55512/WMO202797

Received 20.11.2022.

Abstract: Otto Fischer was born into a merchant family in Reutlingen on May 22, 1886. From 1904 he studied law, then art history in Tübingen, Munich, Vienna and Berlin and received his doctorate in 1907 with the dissertation *Altdeutsche Malerei in Salzburg* under Heinrich Wölfflin in Berlin. After study trips to Italy and France, he lived in Munich from 1909 to 1913 as a private scholar and was in close contact with the young artists of the Neue Künstler-Vereinigung München, which developed into the Blaue Reiter. In 1913, he habilitated in Göttingen with the thesis *Die chinesische Malerei*, which was published in a revised form as *Die Chinesische Landschaftsmalerei*. After serving in the war as a volunteer in 1915–1918, he was Director of the Museum of Fine Arts in Stuttgart (now the Staatsgalerie) in 1921–1927, where he distinguished himself with exhibitions such as Neue Deutsche Kunst (1924) and Schwäbische Malerei des neunzehnten Jahrhunderts (1925). In 1925–1926, he undertook a research trip to China, Japan, Java and Bali, which he described in two books. In 1927–1938, he was Director of the Kunstmuseum Basel and taught as a Professor Extraordinary at the university. In 1938, he retired to Ascona as a private scholar. He died in Basel on 4 April 1948. Fischer's main areas of work and research were Old German painting and East Asian art—the fields to which, as can be seen already from his two dissertations, he applied himself in equal measure. His publications on German art are easily accessible, whereas his publications on the art of China, Japan and Southeast Asia reached only a comparatively small circle. In addition to his books on Chinese painting and sculpture, his work on Chinese art theory and Chinese stone rubbings as well as Chinese graphic art (color prints) deserve special mention. Fischer's many-sided, sometimes controversial activities have been acknowledged several times in recent years (cf. literature on Fischer); the aim of this small contribution is to make Fischer's publications on East Asian art known in their entirety. The material has been recorded after the scholar's autopsy and is partly annotated. Perhaps the compilation will stimulate an art historian to appreciate Fischer's contributions to East Asian art history in terms of content.

Key words: East Asian art — bibliography; Otto Fischer (1886–1948) — publications.

For citation: Hartmut Walravens. "Otto Fischer (22. Mai 1886–9. April 1948) Veröffentlichungen zur asiatischen Kunst". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2023, vol. 20, no. 1 (iss. 52), pp. 95–114 (in German). DOI: 10.55512/WMO202797.

About the author: WALRAVENS Hartmut, Staatsbibliothek zu Berlin, Free University of Berlin (Berlin, Germany) (hwalravens@gmx.net).

© Валравенс Хартмут, 2023

Ernst Ludwig Kirchner
Bildnis Otto Fischer
Kaltnadelradierung, 1924

Aus: *Otto Fischer.* 1986, S. 34

Otto Fischer wurde am 22.5.1886 in Reutlingen in einer Kaufmannsfamilie geboren. Ab 1904 studierte er zunächst Jura, dann Kunstgeschichte in Tübingen, München, Wien und Berlin und promovierte 1907 mit der Dissertation *Altdeutsche Malerei in Salzburg* bei Heinrich Wölfflin in Berlin. Nach Studienreisen nach Italien und Frankreich lebte er 1909–1913 als Privatgelehrter in München und stand in engem Kontakt zu den jungen Künstlern der Neuen Künstler-Vereinigung München, die sich zum Blauen Reiter entwickelte. 1913 habilitierte er sich in Göttingen mit der Arbeit *Die chinesische Malerei*, die in überarbeiteter Form als *Die Chinesische Landschaftsmalerei* veröffentlicht wurde.[1] Nach Kriegsdienst als Freiwilliger 1915–1918, war er 1921–1927 Direktor des Museums der Bildenden Künste in Stuttgart (der jetzigen Staatsgalerie), wo er mit Ausstellungen wie *Neue Deutsche Kunst* (1924) und *Schwäbische Malerei des neunzehnten Jahrhunderts* (1925) hervortrat. 1925–1926 unternahm er eine Forschungsreise nach China, Japan, Java und Bali, über die er in zwei Büchern berichtete. 1927–1938 war er Direktor des Kunstmuseums Basel und lehrte als Extraordinarius an der Universität. 1938 zog er sich als Privatgelehrter nach Ascona zurück. Er starb am 4.4.1948 in Basel.

Fischers Arbeits- und Forschungsschwerpunkte waren die altdeutsche Malerei wie auch die ostasiatische Kunst, wie sich schon an seinen beiden Dissertationen erkennen läßt und die er gleichermaßen pflegte. Seine Publikationen zur deutschen Kunst sind leicht zugänglich, während seine Veröffentlichungen zur Kunst Chinas, Japans und Südostasiens nur einen vergleichsweise kleineren Kreis erreichten. Neben seinen Büchern zur chinesischen Malerei und Plastik sei insbesondere seine Beschäftigung mit der chinesischen Kunsttheo-

[1] Mehrere biographische Darstellungen bezeichnen irrtümlich den Aufsatz *Chinesische Kunsttheorie* als die Habilitationsschrift.

rie sowie mit chinesischen Steinabreibungen, wie auch der chinesischen Graphik (Farbendruck) hervorgehoben.

Fischers vielseitige, nicht unkontroverse Tätigkeit ist in neuerer Zeit mehrfach gewürdigt worden (vgl. Literatur über Fischer); Ziel des vorliegenden kleinen Beitrages ist es, Fischers Veröffentlichungen zur ostasiatischen Kunst in ihrer Gesamtheit bekannt zu machen.

Das Material ist durchweg nach Autopsie aufgenommen und teils mit Anmerkungen versehen.

Vielleicht wird die Zusammenstellung einen Kunsthistoriker anregen, Fischers Beiträge zur ostasiatischen Kunst inhaltlich zu würdigen.

ABKÜRZUNGEN

AA	Artibus Asiae
AM	Asia Major
CJ	China Journal
DAZ	Deutsche Allgemeine Zeitung
JRAS	Journal of the Royal Asiatic Society
MNN	Münchner Neueste Nachrichten
NOAG	Nachrichten der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens
NZZ	Neue Zürcher Zeitung
OA	Oriental Art
OLZ	Orientalistische Literaturzeitung
OZ	Ostasiatische Zeitschrift
SF	Sinica
TP	T'oung Pao

1910

1 Harunobu.
Allgemeine Zeitung [München]. 113.1910: 26, S. 505–506
Gez.: München. Dr. Otto Fischer

2 Dr. Otto Fischer: Ostasiatische Kunst.
Nord und Süd. Organ der neuen Kunstvereinigung der Lessing-Gesellschaft 135. 1910, 131–145.

1912

3 Literatur zur ostasiatischen Kunst. Von Otto Fischer.
Kunst und Künstler 10.1911/12: 8, S. 421–424
Julius Kurth: Harunobu. München 1910. (Klassische Illustratoren 7).
Julius Kurth: Sharaku. München 1910.
Oskar Münsterberg: Chinesische Kunstgeschichte. Eßlingen 1910.
Orientalisches Archiv. Leipzig.
Otto Kümmel: Kunstgewerbe in Japan. Berlin 1911.
Kungfutse: Gespräche (Lunyü). Jena 1910.
Reden und Gleichnisse des Tschuang Tse. Leipzig 1910.

4 *Die chinesische Malerei.*
Habil.-Schrift. Göttingen 1912.
In überarbeiteter Form veröff.: *Die chinesische Landschaftsmalerei*. 1921.

5 Die chinesische Kunsttheorie. Ein Versuch. Von Otto Fischer.
Repertorium für Kunstwissenschaft 35. 1912, 1–26, 143–158
Die Quellen
Die Aufgaben
Bild und Schrift
Die Künstler
Das Schaffen
Die Dinge: Inspiration und Zauber
Die Dinge: Geist und Form
Die Wertung
Die Ordnung der Gegenstände
Der Stil
Die historische Betrachtung
Die ästhetische Betrachtung
Literatur

1913

6 Eine Landschaftsrolle des Sesshu [雪舟, 1420–1506]. Von Otto Fischer.
*Kunst und Künstler*11.1912/13, 464–469.
7 Ein Werk des Tai Wen-chin? [戴文進, Ming].
OZ 1.1912/13, 471–475.
Gez.: Otto Fischer (München).

1914

8 Die Entwickelung der Baumdarstellung in der chinesischen Kunst. Von Otto Fischer.
OZ 2.1913/14, 52–64, 157–177.
I. [Spätere Han-Zeit].
II. Die Entwicklung bis in die T'ang-Zeit.
9 Zur Frage der chinesischen Papierabklatsche.
OZ 2.1913/14, 462–464.
Gez.: Otto Fischer (Göttingen).
10 Zu: B. Laufer: Über den Wert chinesischer Papierabklatsche.
OZ 2.1913/14, 346–347.
11 Literatur zur ostasiatischen Kunst. Besprochen von Otto Fischer.
Kunst und Künstler 12.1914, 456–458.

1915

12 [Rez.] Admonitions of the instructress in the palace. A painting by Ku K'ai-chih [顧愷之, 344–405] in the Department of Prints and Drawings, British Museum, reproduced in coloured woodcut. Text by Laurence Binyon. London: British Museum 1912.
OZ 3.1914/15, 105–108.
Gez.: Otto Fischer (Göttingen).
13 [Rez.] Raphael Petrucci: Les peintres chinois. Étude critique, illustrée de 24 planches. Paris: Henri Laurens.
OZ 3.1914/15, 379–380.
Gez.: Otto Fischer (Göttingen).

1918

14 China und Japan. Eine psychologische Erörterung auf dem Gebiet der Malerei. Von Otto Fischer.
OZ 6.1917/18, 161–179 (Fortsetzung folgt).

1920

15 Achtzehn Stilarten der chinesischen Figurenmalerei. Von Otto Fischer.
OZ 8. 1919/20, 85–102.
Nach *Tien-shih-chai ts'ung-hua* 點石齋叢畫 [Dianshizhai conghua].
Heft 3.1885.

16 Otto Fischer: Chinesische Landschaft.
Das Kunstblatt 4. 1920, 1–6, 3 Abb,

17 Chinesische Baukunst.
Das Kunstblatt 4. 1920, 150–156, 4 Abb,
Gez.: Otto Fischer.

18 Buddhistische Plastik in Japan [zu Karl With 1919].
Bücherwurm 5. 1920, 246.
Gez.: Otto Fischer.

19 Chinesische Farbenholzschnitte des XVII. Jahrhunderts.
Mitteilungen der Gesellschaft für vervielfältigende Kunst. Wien 1920, 17–30.
(Graphische Künste. Beilage 2/3).
Gez.: Otto Fischer.

20 [Rez.] William Cohn: Indische Plastik.
Kunstchronik 32. 1920/21, 225–226.
Gez.: Otto Fischer.

1921

21 Die Versteigerung der Sammlung Davidsohn. II. Teil und einer Kupferstichsammlung alter Meister bei C. G. Boerner in Leipzig. 22.–27. Nov. 1920.
Kunstchronik 32. 1920/21, 259–262.
Dr. Otto Fischer.

22 Japanische Handzeichnungen. Von Otto Fischer.
Münchner Neueste Nachrichten 28. 2.1921.
[Anläßlich einer Ausstellung bei Thannhauser].

23 Ostasiatische Kunst in Stuttgart. Von Dr. Otto Fischer, Stuttgart.
MNN 11. 10.1921.

24 *Chinesische Farbdrucke aus den beiden Lehrbüchern Chieh-Tse-Yuan Hua-chuan* [芥子園畫傳 Jieziyuan huazhuan] und *Shih-Chu-Chai Shu-Hua-Tsih* [十竹斎書画譜 Shizhuzhai shuhua pu]. Einleitung von Emil Orlik, Erläuterung von Otto Fischer.
München: R. Piper & Co. (1921). 15 Bl. 2°.
(Drucke der Marées-Gesellschaft 32).
[1b] gez.: Otto Fischer.
[Die Originale stammen aus der Sammlung E. O. und Karl Berger, München].
Dieser zweiunddreißigste Druck der Marées-Gesellschaft wurde im Herbst neunzehnhunderteinundzwanzig vollendet. Alle Faksimiles wurden in der graphischen Anstalt Ganymed, Berlin, hergestellt. Den Text druckte Jakob Hegner in Hellerau bei Dresden.

25 Otto Fischer: *Chinesische Landschaftsmalerei.* Mit 63 Bildwiedergaben.
München: Kurt Wolff 1921. 174 S., 51 Taf. 4°.
[Umschlag:] Mit 51 Bildertafeln und 12 Bildwiedergaben im Text.
[Widmung:] Ludwig Klages in Verehrung und Freundschaft gewidmet.
Inhalt:
I. Voraussetzung
II. Entwicklung
1. Entstehung
2. Anfänge und T'ang-Dynastie
3. Sung-Dynastie
4. Yüan- und Ming-Dynastie
III. Form
1. Baum und Fels
2. Berg und Wasser
3. Raum und Luft
4. Komposition
IV. Bedeutung
1. Bild und Schrift
2. Die Eingebung
3. Der Sinn der Landschaft
Anmerkungen
Zeittafel
Verzeichnis der Abbildungen
Tafeln
Vgl. Wolfram Goebel: *Der Kurt Wolff Verlag 1913–1930.* Frankfurt a.M. 1977, 526
Rez.: *OLZ* 1922, 374–376 (H. Haas)
Monatshefte für Kunstwissenschaft 14. 1921/22, 287–288 (H. Kunike)

1922

26 Die indische Kunst. Von Museumsdirektor Otto Fischer, Stuttgart.
Das Licht des Ostens. Stuttgart, Berlin, Leipzig: Union Deutsche Verlagsges. [1922], 167–190.

27 Die chinesische Kunst. Von Museumsdirektor Dr. Otto Fischer, Stuttgart.
Das Licht des Ostens. Stuttgart, Berlin, Leipzig: Union Deutsche Verlagsges. [1922], 391–410.

28 Die japanische Kunst. Von Museumsdirektor Dr. Otto Fischer, Stuttgart.
Das Licht des Ostens. Stuttgart, Berlin, Leipzig: Union Deutsche Verlagsges. [1922], 567–583.

1923

29 Otto Fischer: *Chinesische Landschaftsmalerei.* Mit 63 Bildwiedergaben. (4.–6.Tsd.).
München: Kurt Wolff 1923. 177 S., 51 Taf.
[Widmung:] Ludwig Klages in Verehrung und Freundschaft gewidmet.

30 Chinesische Buddha- und Bodhisattvaköpfe. Mit sieben Abb. auf 5 Taf. Von Otto Fischer.
Cicerone 15. 1923, 247–257.

1924

31 Chinesische Buddha- und Bodhisatvaköpfe. Von Otto Fischer. Mit 7 Abb. auf Taf. 94–98.
Jahrbuch der asiatischen Kunst 1. 1924, 159–164.

32 [Rez.] Ernst Zimmermann: Chines. Porzellan und die übrigen keramischen Erzeugnisse Chinas. 2. Aufl. 2 Bde. Leipzig: Klinkhardt & Biermann 1923.
Jahrbuch der asiatischen Kunst 1. 1924, 270.
Gez.: Otto Fischer.

33 [Rez.] Der primitive japanische Holzschnitt. Von Carl Einstein. Berlin: E. Wasmuth. (Orbis pictus, Weltkunstbücherei, hrsg. v. Paul Westheim. Bd 16).
AM 1. 1924, [752].
Gez.: Otto Fischer.

34 [Rez.] Ludwig Bachhofer: Chinesische Kunst. Breslau: Ferdinand Hirt 1923.
AM 1. 1924, 755.
Gez.: Otto Fischer.

35 [Rez.] Chinesische Keramik. Ausstellung im Frankfurter Kunstgewerbemuseum, Juni-September 1923. Verlag Englert & Schlosser.
AM 1. 1924, 755–756.
Gez.: Otto Fischer.

36 [Rez.] Asiatische Monumentalplastik. Mit einem Vorwort von Karl With. Berlin: Ernst Wasmuth o.J. (Orbis pictus, Weltkunstbücherei, hrsg. v. Paul Westheim. Bd 5).
AM 1. 1924, 756–757.
Gez.: Otto Fischer.

37 [Rez.] Chinesische Kleinplastik von Otto Burchard. Berlin: E. Wasmuth. (Orbis pictus. Weltkunstbücherei, hrsg. von Paul Westheim. Bd 12).
AM 1. 1924, 765.
Gez.: Otto Fischer.

1927

38 *China und Deutschland. Ein Versuch.* Von Dr. Otto Fischer, Direktor des Museums der bildenden Künste in Stuttgart, Ehrenberater der chinesischen Reichsmuseen in Peking.
Münster: Aschendorff 1927. 110 S. 8°.
(Deutschtum und Ausland 12).
«Meinen chinesischen Freunden gewidmet».
Rez.: *SF* 6. 1931, 395–296 (Hsü Dau-lin).
Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte 25. 1932, 84–86 (Ernst Schultze).

1928

39 *Die Kunst Indiens, Chinas und Japans.* Von Otto Fischer.
Berlin: Propyläen-Verlag [1928]. 642 S., XLV Taf.
(Propyläen-Kunstgeschichte 4).
„Meiner lieben Frau gewidmet".
Inhalt
DER INDISCHE KUNSTKREIS
Voraussetzungen und Anfänge
Die klassische Kunst

Die Kunst des Barock
Die Kunst der Spätzeit
DER CHINESISCHE KUNSTKREIS
Voraussetzungen und Anfänge
Die Kunst des Altertums
Die Kunst des Übergangs
Die klassische Kunst Chinas
Die klassische Kunst Japans
Die malerische Kunst
Die Kunst der Spätzeit
ABBILDUNGEN
DER INDISCHE KUNSTKREIS
Die Kunst des Altertums
Die klassische Kunst
Die Kunst des Barock
Die Kunst der Spätzeit
DER CHINESISCHE KUNSTKREIS
Die Anfänge
Die Kunst des Altertums
Die Kunst des Übergangs
Die klassische Kunst Chinas
Die klassische Kunst Japans
Die malerische Kunst
Die Kunst der Spätzeit
Verzeichnis der Abbildungen
Verzeichnis der Tafeln
Karten und Zeittafeln
Register
Dazu: *OZ* NF 5. 1929, 127–128 (W. Cohn).
AA 3. 1928/29, 258–259 (Alfred Salmony).
NOAG 18. 1929, 20–22 (C. v. Weegmann).
CJ 9. 1928, 287 (A. de C. S[owerby]).

40 Die Plastik der T'ang-Zeit. Von Otto Fischer.
Querschnitt 1928, II, 393–396.
Aus dem soeben erschienenen Bande der Propyläen-Kunstgeschichte «Die Kunst Indiens, Chinas und Japans» von Otto Fischer, Propyläen-Verlag, Berlin.

1929

41 Die Sammlung [Eduard] von der Heydt in Ascona. Von Otto Fischer.
Pantheon 3. 1929, 276–279.

42 Handbücher der asiatischen Kunst.
NZZ 7. und 21.7.1929.
Otto Fischer.
Inhalt: O. Kümmel: Die Kunst Chinas, Japans und Koreas.
Die außereuropäische Kunst: Curt Glaser, Stella Kramrisch, Ernst Kühnel, Paul Germann, Heinrich Ubbelohde-Doering, Augustin Krämer.

1930

43 Beiträge zur japanischen Kunst.
NZZ 11. 3.1930.
Otto Fischer.
Zu: Tsuneyoshi Tsudzumi: Die Kunst Japans. Leipzig 1929.
Yearbook of Japanese art. Tokyo 1927/1928.

44 [Rez.] C. Hentze: Les figurines de la céramique funéraire. Matériaux pour l'étude des croyances et du folklore de la Chine ancienne. Hellerau bei Dresden: Avalun-Verlag. 1 Text- und 1 Tafelband.
AM 5. 1930, [525]–528.
Otto Fischer.

1931

45 *Die chinesische Malerei der Han-Dynastie.* Von Otto Fischer. Mit 80 Lichtdrucktafeln und einer Farbtafel.
Berlin: Paul Neff 1931. XI, 150 S. 30.5 cm.
Von diesem Buch gelangten 250 nummerierte Exemplare in Halbpergament zur Ausgabe.
[Widmung:] Seiner Exzellenz Herrn Geheimen Rat Dr. Wilhelm Solf, Reichsminister und Botschafter a.D., Herrn Prälat D. Dr. Georg Schreiber, Professor an der Universität Münster, und Dr. Eduard Freiherrn von der Heydt, den Förderern meiner Reise nach Ostasien, dankbar zugeeignet.
Vorwort, XI, gez.: Basel, den 27. September 1930. Otto Fischer.
Inhalt:
Vorwort
Einleitung
Der Totenkult
Die Grabanlagen
Die Steinreliefs
Dokumente der Linienzeichnung
Dokumente der Malerei
Die Deutung der Bilder
Der Stil der Darstellung
Ergebnis
Nachtrag
Verzeichnis der Literatur
Anmerkungen
Verzeichnis der Tafeln
Verzeichnis der Abbildungen
Abbildungen
Tafeln
Rez.: *SF* 6. 1931, 261–264 (A. Salmony).
TP 28. 1931, 452–457 (P. Pelliot).
JRAS 1931: 4, 878–879 (Florence Ayscough).
Burlington Magazine 59. 1931, 49–50 (W.P. Yetts).

46 Die chinesische Malerei der Han-Dynastie [Vortragsreferat].
OZ NF 7. 1931, 239–242.

47 Das Geheimnis der ostasiatischen Malerei. Besuche bei japanischen Zen-Malern der Gegenwart. Von Prof. Dr. Otto Fischer, Univ. Basel.
DAZ 8.3. 1931.
48 Die Grundlagen der ostasiatischen Malerei. Von Otto Fischer.
SF 6. 1931, 187–195.
49 Chinesische Kunstwerke in deutschem Besitz. Von Prof. Dr. Otto Fischer.
Atlantis 3. 1931, 122–128. Mit Abb.

1932

50 *Arte de la India, China y Japón.*
Barcelona 1931/32. 772 S.
51 Otto Fischer: Chuan-chou [轉咒]. Die Magie der Umkreisung.
AA 4. 1930/32, 213–220.
Der Autor behandelt das Ritual der Umkreisung oder Umwandelung, das weltweit bekannt ist. Er zitiert eine ganze Anzahl von Beispielen dafür aus China, vielfach im Totenkult, und regt eine genauere Untersuchung an. Auf den buddhistischen Bezug kommt er nicht detailliert zu sprechen.
52 Neuzugänge chinesischer Malereien im Münchener Museum für Völkerkunde.1931. Von Otto Fischer.
Münchener Jahrbuch NF 9. 1932, 279–284.
[Zu Geschenken von General Munthe, Peking].
53 La peinture chinoise au temps des Han.
*Gazette des beaux-arts.*VI, 8. 1932, II, S. 17–36.
Gez.: Otto Fischer.

1933

54 Chinesische Lackskulptur. Von Otto Fischer. Mit 3 Taf.
OZ NF 9. 1933, 74–82.

1934

55 Ausstellung Ostasiatische Gemälde der Sammlung von der Heydt, 24. November 1934–28. Februar 1935.
Zürich: Kunstgewerbemuseum 1934. 23 S., 7 eingekl. Abb. sowie Umschlagbild.
(Wegleitungen des Kunstgewerbemuseums der Stadt Zürich 122).
S. 22 gez.: Otto Fischer
[Die Sammlung geht im Grundbestand auf Raphael Petrucci (†1917) zurück].

1935

56 Die Kunst des alten Japan. Ausstellung im Gewerbemuseum Basel.
Artibus Asiae 5. 1935, 269–271.
Gez.: Otto Fischer.
„Alles in allem darf man wohl sagen, daß die japanische Kunst hier reich und würdig dargestellt wurde, wenn es auch naturgemäß mehr die Kunst der späteren Ashikaga- und Tokugawa-Zeit als die der frühen Jahrhunderte war. Es lebt aber auch in diesen späten Zeiten so viel von alter Tradition fort, es äußert sich gerade hier vielleicht am frischesten und blühendsten die eigentümlich japanische Kunstbegabung, so daß das künstlerische Wesen

des Inselvolks, auch im Gegensatz zu China, sehr ausdrücklich zur Wirkung kam. Die Ausstellung selbst war mit 540 Gegenständen fast überreich gefüllt. Trotz der geschmackvollen Anordnung hatte man hier und da das Gefühl, daß etwas weniger vielleicht mehr gewesen wäre“.

57 [Rez.] The Museum of Far Eastern Antiquities (Östasiatiska Samlingarna) Stockholm. Bulletin Nr 5. 1933, Nr 6. 1934. 180 S., 16 + 14 Taf.; 154 S., 53 Taf.
AA 5. 1935, 308–309.
Gez.: Otto Fischer.

58 [Rez.] The George Eumorfopoulos collection. Catalogue of the Chinese and Corean bronzes, sculptures, jades, jewellery and miscellaneous Objects. By W. Perceval Yetts. Vol. 1 Bronzes: Ritual and other vessels, weapons etc. Vol. 2 Bronzes: Bells, drums, mirrors etc. London: Ernest Benn 1929, 1930.
AA 5. 1935, 314–315.
Gez.: Otto Fischer

59 [Rez.] J.V. Pouzyna: La Chine, l’Italie et les débuts de la Renaissance (XIIIe–XIVe siècles). Paris: Les Éditions d’art et d’histoire 1935. Mit 16 Lichtdrucktaf.
AA 5. 1935, 316–317.
Gez.: Otto Fischer.

60 [Rez.] Lucy Driscoll and Kenji Toda: Chinese calligraphy. Chicago: The University of Chicago Press 1935. VII, 70 S., 17 Abb.4°
AA 5. 1935, 320–321.
Gez.: Otto Fischer.

61 [Rez.] Shao Yüan-T’u Lu K’ao: The Mi-garden by William Hung. Peiping 1933. (Harvard-Yenching Institute sinological index series. Supplement. 5).
AA 5. 1935, 324–325.
Gez.: Otto Fischer.

62 [Rez.] Kenji Toda: Japanese scroll painting. Chicago: The University of Chicago Press 1935. IX, 167 S., 19 Taf., 3 Ill.4°
AA 5. 1935, 326–327.
Gez.: Otto Fischer.

63 [Rez.] Wilhelm Gundert: Japanische Religionsgeschichte. Die Religionen der Japaner und Koreaner in geschichtlichem Abriß dargestellt. Tokyo: Japanisch-Deutsches Kulturinstitut, Stuttgart: D. Gundert Verlag 1935. XVIII, 268 S., 4 bunte, 40 einfarb. Taf., 5 Karten.
[Rez.] Wilhelm Gundert: Der japanische Nationalcharakter. Vortrag März 1934 von Dr. W. Gundert. Tokyo: Deutsche Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens 1934. 21 S.
AA 5. 1935, 327–328.
Gez.: Otto Fischer.

64 [Rez.] Ananda K. Coomaraswamy: The transformation of nature in art. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press 1934. 4 ungez. Bl., 245 S., 1 ungez. Bl.
AA 5. 1935, 334–336.
Gez.: Otto Fischer.

65 [Rez.] Ananda K. Coomaraswamy: La sculpture de Bodhagayâ. Paris: Les éditions d’art et d’histoire 1935. 72 S., 60 Taf., 2 Pläne. 4° (Ars asiatica 18).
AA 5. 1935, 336.
Gez.: Otto Fischer.

„Sein Text behandelt zunächst die Geschichte des indischen Baumkultus und insbesondere des Heiligtums jenes Bodhibaumes, unter dem der Buddha die Erleuchtung erfahren haben soll.“„Das vorliegende Werk beschränkt sich auf die Rekonstruktion des Steinzaunes und der früheren Baureste, sowie auf die Deutung der zahlreichen hochinteressanten Reliefs, deren Vorwürfe teils den Jatakas und der Lebensgeschichte des Buddha, teils der hinduistischen Mythologie und der Tierwelt entnommen“.

66 [Rez.] Stella Kramrisch: Indian sculpture. Calcutta: Oxford Univ. Press 1933. (The heritage of India series).
AA 5. 1935, 336–338.
Gez.: Otto Fischer.

1936

67 *Kunst des Fernen Ostens: Landschaften / Blumen / Tiere.* 15 Farbtafeln nach Bildern alter chinesischer und japanischer Meister. Einführung von Prof. Dr. Otto Fischer.
Leipzig: Iris Druck C. Weller & Co. Verlag [1936]. 10 S., 15 farb. Taf.
(Iris-Bücher [der Natur und Kunst]. hrsg. von Hans Zbinden).
Rez.: *Burlington Magazine* 69. 1936, 94–95 (Chiang Yee).
AA 7. 1937, 260 (Albert Giesecke).

68 Die Ausstellung chinesischer Kunst in London (November 1935–März 1936).
AA 6. 1936, 118–123.
Gez.: Otto Fischer.
„War in Berlin die Monumentalplastik und die Malerei Chinas stark zurückgetreten, so darf man sagen, dass in London kein einziges Gebiet und keine Epoche vernachlässigt worden, dass hier zum ersten mal ein nach dem Stand unserer Kenntnis umfassender Überblick und Einblick eröffnet worden ist. Die Ausstellung kann ohne Einschränkung als vollkommen gelungen gerühmt werden“.

69 [Rez.] Yin and Chou researches. The Museum of Far Eastern Antiquities (Östasiatiska Samlingarna). Stockholm 1935. 124 S., 90 Taf.
AA 6. 1936, 145–147.
Gez.: Otto Fischer.

70 [Rez.] Rudolf Kelling: Das chinesische Wohnhaus. Tokyo 1935. IX,128 und 27 S., 106 Abb., 3 Taf., 9 Vignetten (Mitteilungen der OAG. Supplement 13).
AA 6. 1936, 150–151.
Gez.: Otto Fischer.

71 [Rez.] Werner Speiser: T’ang Yin. Sonderdruck aus der Ostasiatischen Zeitschrift. Berlin 1935. 43 S., 21 Abb. auf 6 Taf.
AA 6. 1936, 151–152.
Gez.: Otto Fischer.

72 [Rez.] Alan Priest and Pauline Simmons: Chinese textiles. A new and revised edition. New York: The Metropolitan Museum of Art 1934. 95 S., 41 Fig.
Alan Priest: Japanese costume. An exhibition of Nô robes and Buddhist vestments. New York: The Metropolitan Museum of Art 1935. 42 S., 45 Taf.
AA 6. 1936, 153.
Gez.: Otto Fischer.

73 [Rez.] Tetsuro Yoshida: Das japanische Wohnhaus. Berlin: Ernst Wasmuth 1935. VIII, 193 S., 203 Abb.
AA 6. 1936, 153–154.

Gez.: Otto Fischer.

74 [Rez.] Engelbert Kaempfer (1651–1716): Seltsames Asien (Amoenitates exoticae). In Auswahl übersetzt von Karl Meier-Lemgo. Detmold: Meyersche Hofbuchhandlung 1933. 172 S., 18 Abb., 1 Kt.
AA 6. 1936, 156–157.
Gez.: Otto Fischer.

75 [Rez.] Ananda K. Coomaraswamy: Elements of Buddhist iconography. Cambridge, Mass.: Harvard University Press 1935. 95 S., 15 Taf. mit Noten. 4°.
AA 6. 1936, 157–158.
Gez.: Otto Fischer.

1937

76 Zwei Pariser Ausstellungen chinesischer Kunst.
AA 7. 1937, 224–226.
Gez.: Otto Fischer.

[Louvre: Arts de la Chine ancienne; Musée Cernuschi: Ältere Phasen der chinesischen Bronzekunst].

„Im Ganzen hat diese [Louvre-] Ausstellung ohne strenge Systematik, aber in einer sehr lebendigen und geschmackvollen Art der Darbietung die ungeheure Fülle und Vielseitigkeit des chinesischen Schaffens höchst wirkungsvoll zur Geltung gebracht. Sie war nirgends lehrhaft, nirgends vollständig, aber auch nirgends langweilig, und nur bei der Keramik wäre weniger wohl eher mehr gewesen. Das Ganze machte den Eindruck einer geistreichen und glücklichen Improvisation und hat denn auch auf die Besucher recht stark gewirkt. Die wissenschaftliche Bearbeitung des Katalogs war in der Anlage und Orientierung gut gelungen, im Einzelnen vielfach etwas flüchtig, ungenau und unvollständig. So hat diese Darbietung leider auch die Fehler ihrer Vorzüge nicht ganz vermeiden können. Das große Interesse, das man in Frankreich der chinesischen Kunst entgegenbringt, wird durch diese beiden Museumsveranstaltungen, gewissermaßen zur Eröffnung der Weltausstellung, eindrücklich bezeugt“.

77 [Rez.] J. Hackin and J. Carl: Recherches Archéologiques au Col de Khair khaneh près de Kābul. Paris: Éditions d’Art et d’Histoire 1936. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan Tome VII.
AA 7. 1937, 314.
Gez.: Otto Fischer.

1939

78 *Wanderfahrten eines Kunstfreundes in China und Japan.* Von Otto Fischer.
Stuttgart, Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt (1939). 507 S. 23 cm.

Auf Tagebuchaufzeichnungen von 1925/26 basierter Bericht über eine Ostasienreise, die mit Unterstützung der Notgemeinschaft, des Auswärtigen Amtes und des Innenministeriums realisiert wurde, und die den Verfasser von Korea über Japan nach China führte, wo er Shanghai, Nanking, Hangzhou, Suzhou, Henan und Shandong und dann ausführlich Peking besuchte. Er beschreibt Land und Leute und natürlich Kunstwerke, Sammler und Sammlungen mit großer Einfühlung und hält mit seiner persönlichen Einschätzung nicht zurück. Des öfteren schlagen sich seine Gefühle in Versen nieder, die er den Lesern nicht vorenthält. Während seines Aufenthalts in Peking lernte er u.a. Kang Youwei, Liang Qichao, Hu Shi, Herbert Mueller, Qi Baishi, General Munthe, Herrn Zhuang (Direktor des

Palastmuseums) und den Panchen Lama kennen. Mit zahlreichen Fotos, die teils von dem zeitweise als Berater in China tätigen Walther Metzener stammen.

Rez.:
SF 15. 1940, 130–132 (Max Loehr).
OZ NF 15/16. 1939/40, 57 (A. Graf Strachwitz).
Revue des arts asiatiques 13. 1939–42:2, S. 89 (J.B.).
AA 8. 1940, 64–66 (E.A. Voretzsch).

1940

79 Der chinesische Farbenholzschnitt. Von Otto Fischer.

Zum chinesischen Stempel- und Holztafeldruck; nebst vermischten Beiträgen aus dem Gesamtgebiete der Schrift- und Buchgeschichte. Leipzig: Otto Harrassowitz 1940, 87–119 (Buch und Schrift NF 3.1940).

Ein Überblick mit den Abschnitten: Briefpapier; Shih-chu-chai shu-hua-p'u; Chieh-tze-yuan hua-ch'uan; Hsi-hu-chia-hua (Fischer besaß ein Exemplar); Blumen und Früchte in Einzelblättern des 17. Jahrhunderts (Kämpfer-Holzschnitte); Figurenbilder in Einzelblättern des 17. Jahrhunderts; Architekturblätter in europäischer Manier; Schauspielblätter des 18. Jahrhunderts; Wunschblätter des 18. Jahrhunderts; Fortleben des chinesischen Farbenholzschnittes. Mit 6 Reproduktionen aus dem Bestand des Deutschen Buchmuseums Leipzig.

80 Monumentale Tierplastik in China. Von Otto Fischer.
Pantheon 13. 1940, 67–71, 7 Abb.

81 Buddhistische Marmorplastik der Sui-Dynastie in China. Von Otto Fischer.
Pantheon 13. 1940, 230–234, 289–291, Abb.

1941

82 Otto Fischer: *Kunstwanderungen auf Java und Bali.*
Stuttgart, Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt (1941). 227 S.
Druck der Deutschen Verlags-Anstalt GmbH Stuttgart
Inhalt:
Manila–Singapur–Batavia
Djokjakarta
Borobudur
Prambanan
Ostjava
Bali I
Bali II
Heimfahrt
Rez.:
OZ NF 18. 1942/43, 71–72 (Gelpke).

83 Asiatische Kunst in Schweizer Sammlungen.
OZ NF 17. 1941, 62–64.
Otto Fischer.
Zu einer Ausstellung in der Kunsthalle Bern, 1941.

84 Ausstellung Asiatische Kunst aus Schweizer Sammlungen II. Mit 2 Taf.
OZ NF 17. 1941, 131–132.
Otto Fischer.
Ausstellung in Zürich, 27.5.–24.8.1941.

85 Antwort auf Herrn von Tscharners Entgegnung, O.Z. N.F. 17, S.133/4.
OZ NF 17. 1941, 177–180.
S. 178 gez.: Otto Fischer.

86 [Übers.] Daisetz Taitaro Suzuki: *Zen und die Kultur Japans.* Aus dem Englischen übertragen und eingeleitet von O. Fischer.
Stuttgart, Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt 1941. 268 S.
2. Aufl. (4.–9. Taus.) 1942.
Originalt.: Zen Buddhism and its influence on Japanese culture. Kyôto 1938.
Fischer hatte Suzuki auf seiner Reise 1925/26 in Japan persönlich kennengelernt und dürfte dadurch die Anregung bekommen haben, eines seiner Bücher zu übersetzen.
Rez. *Anthropos* 35/36. 1940/41, 1064 (Franz Kiichi Numazawa).

1942

87 Der Baum in der Kultur Chinas. Von Otto Fischer.
Intersylva 2. 1942, 347–363.
Mit engl., frz., ital. u. span. Resümees.

88 Zur ostasiatischen Plastik. Von Otto Fischer.
Das XX. Jahrhundert 4. 1942:3, S. 113–115, 4 Taf.

1943

89 Otto Fischer: *Chinesische Landschaftsmalerei.* Dritte, neu bearbeitete und bereicherte Auflage. Mit 135 Bildwiedergaben.
Berlin, Wien: Paul Neff Verlag 1943. 222 S., 106 Taf.
[Widmung:] Ludwig Klages in Verehrung und Freundschaft gewidmet.
Inhalt:
Vorwort zur dritten Auflage
I. Voraussetzung
II. Entwicklung
    1. Entstehung
    2. Anfänge und T'ang-Dynastie
    3. Sung-Dynastie
    4. Yüan- und Ming-Dynastie
III. Form
    1. Baum und Fels
    2. Berg und Wasser
    3. Raum und Luft
    4. Komposition
IV. Bedeutung
    1. Bild und Schrift
    2. Die Eingebung
    3. Der Sinn der Landschaft
Anmerkungen
Zeittafel
Literatur
Verzeichnis der Abbildungen
Tafeln

S. 9: „Wie in einem Schlußwort zu den Anmerkungen der ersten Auflage mitgeteilt wurde, ist das vorliegende Buch aus einer ziemlich langen Beschäftigung mit seinem Gegenstand erwachsen, Seit dem Jahre 1909 hatte mich die Malerei Chinas in ihren Bann gezogen. 1911 entstand ein Aufsatz über die chinesische Kunsttheorie und 1912 legte ich der philologisch-historischen Abteilung der Philosophischen Fakultät an der Universität Göttingen eine größere Arbeit über die chinesische Malerei als Habilitationsschrift vor. Die Form dieser Schrift befriedigte mich später nicht mehr und ich entschloß mich, sie vor der Drucklegung einer völligen Umarbeitung zu unterziehen. Die Ausführung dieses Plans unterbrach der erste Weltkrieg. Aus dem Felde heimgekehrt, hielt ich es für das Beste, einen Teil der Arbeit für sich herauszunehmen und zu einem Abschluß zu bringen, und zwar denjenigen Teil, der am besten für sich allein ein abgeschlossenes Bild ergeben konnte und dessen Vorwurf dem abendländischen Empfinden am nächsten lag. So entstand im Laufe des Jahres 1920 das Buch Chinesische Landschaftsmalerei. Es wurde zu Ende des Jahres vom Kurt Wolff-Verlag in München herausgegeben.

Ich glaube heute, es ist mir damals gelungen, vieles auszusprechen, was mich lange im Innersten bewegt hatte, und das Buch ist nicht mit dem Kopf, sondern mit dem Herzen geschrieben worden. Bei seinem Erscheinen hat es den Beifall vieler mir unbekannter Leser gefunden, und schon nach Jahresfrist konnte eine zweite unveränderte Auflage herausgebracht werden. Seinem Verfasser hat es über jedes Erwarten auch die Anerkennung der Männer eingebracht, an deren Urteil ihm am meisten gelegen sein mußte. Noch heute ist mir dies Buch das liebste von allem, was im Laufe von nun 35 Jahren einer oft widerstrebenden Feder sich abringen ließ. Es ist mir deshalb eine besondere Freude, daß ich es jetzt in neuer Gestalt noch einmal dem Kreis der Freunde chinesischer Kunst und, wie ich hoffe, aller wahren und großen Kunst vorlegen darf.

Dabei hat sich eine weitgehende und gründliche Neubearbeitung des alten Textes als notwendig erwiesen. In den 22 Jahren, die seit der ersten Niederschrift verflossen sind, haben sich meine Ansichten in manchen Punkten ein wenig gewandelt, manche Formulierungen schienen einer Änderung bedürftig, manche sachlichen Angaben verlangten eine Berichtigung. In den Jahren 1925 und 1926 habe ich China und Japan aus eigener Anschauung kennenlernen dürfen, habe damals die meisten Werke im Original studiert, die ich einst nur aus guten Bildwiedergaben kannte, und darüber hinaus vieles gesehen, was mir früher unbekannt geblieben war. Auch die chinesische Ausstellung des Jahres 1936 in der Londoner Akademie gewährte mir die Kenntnis mancher sonst in China und Amerika befindlicher Werke. Meine Gedanken über das Wesen und Werden der chinesischen Landschaftsmalerei sind dadurch nicht im Kerne verändert, aber bereichert und gereift worden. Vor allem aber hat in dieser Zeit die junge Wissenschaft der ostasiatischen Kunstgeschichte durch die Auffindung und Veröffentlichung einer ungeahnten Fülle von Kunstwerken aller Epochen und durch eine große Zahl wertvoller Arbeiten sowohl europäischer wie auch chinesischer und japanischer Gelehrter eine wesentlich neue Grundlegung und Vertiefung erfahren. Auf dem Sondergebiet der chinesischen Malerei habe ich selber das Schaffen der Han-Zeit in einer eingehenden Untersuchung zu rekonstruieren versucht und beabsichtige, dasselbe für die wichtige Periode des 6. Jahrhunderts zu tun. Für die Kenntnis der späteren Epochen sind die Einzelbeiträge und Gesamtdarstellungen von Osvald Sirén, Ludwig Bachhofer, Werner Speiser, Max Loehr und Victoria Contag, von Paul Pelliot, Arthur Waley, Benjamin March und Laurence Sickman, von Omura Seigai, Kan Naito und Kojiro Tomita, Ku Teng und W. Y. Ting von besonderer Bedeutung. Diesen Arbeiten verdanke ich manche Verbesserungen meines eigenen Buchs, wenn ich auch nicht jede Ansicht ihrer Verfasser teile“.

1944

90 Ausstellung *Chinesische Steinabklatsche.* Aus den Sammlungen Otto Fischer, Tienshe Hu und der Bibliothèque Sino-Internationale, Genf.
Zürich: Kunstgewerbemuseum 1944. 31 S. 8°
(Wegleitungen des Kunstgewerbemuseums Zürich 161).
Gez.: Otto Fischer.

91 *Chinesische Steinabklatsche.* 34 Reproduktionen nach chinesischen Steinabklatschen aus den Sammlungen von Professor Dr. Otto Fischer, Ascona, Dr. Tienshe Hu, Genève, und der Bibliothèque Sino-Internationale Genève.
Zürich: Kunstgewerbemuseum 1944. Portfolio.
Das Werk erscheint vorläufig in einer Auflage von 220 nummerierten Exemplaren.
[Vorbem.:] Die Ausstellung der chinesischen Steinabklatsche, welche im Sommer 1944 in unserem Museum von Professor Dr. Otto Fischer organisiert wurde, hat überraschenderweise so großes Interesse in kunstverständigen Kreisen geweckt, daß der Wunsch entstand, einige der formal bemerkenswertesten Szenen und Schriften aus diesen Abklatschen zu reproduzieren. Die formale Gestaltungskraft, die und aus den Figuren und Schriftenkompositionen entgegenwirkt, zeugt von hoher Intelligenz und Konzentrationsfähigkeit; sie zeugt von einer Gelöstheit vergeistigter Kräfte in ganz außergewöhnlicher Freiheitlichkeit und zugleich Beherrschtheit. Wenn das Ziel des menschlichen Strebens in der Erreichung selbstbewußt gewordener Freiheit zu sehen ist, so haben wir in vielen dieser Gestaltungen — Schriften und Figuren — edle und ergreifende Dokumente bedeutenden Menschentums / Die Auswahl der Abbildungen besorgte der Unterzeichnete nach formalen Gesichtspunkten / Die Legenden zu den figürlichen Kompositionen verdanken wir Herrn Prof. Dr. Otto Fischer, diejenigen der Schriften Herrn Dr. Tienshe Hu / Den Herren Professor Dr. Fischer und Dr. Hu verdanken wir die freundliche Erlaubnis, aus ihren Sammlungen von Mauerabklatschen die vorliegenden Abbildungen zu reproduzieren. Eine eingehende kunsthistorische Studie über die Chinesischen Steinabklatsche veröffentlichte das Kunstgewerbemuseum in einer Wegleitung zur Ausstellung aus der Hand von Professor Dr. Otto Fischer / Das Werk wurde in den Werkstätten der Gewerbeschule I der Stadt Zürich hergestellt.
Johannes Itten.
Nr. 1–16 der Reproduktionen sind Abklatsche von Grabreliefs der Han-Zeit; Nr. 17–28 sind figürliche Darstellungen (so aus der Folge der 16 Lohan in Hang-chou), Nr. 29–34 zeigen Handschriften berühmter Meister.

92 Chinesische Steingravierungen. Chinese stone engravings. Prof. Otto Fischer.
Graphis 3/4. 1944, 176–186, 245–246 [zweisprachiger Text].

1946

93 Chinese stone-rubbings. Chinesische Steinabklatsche. Les estampages sur pierre de la Chine. Prof. O. Fischer.
Graphis 2. 1946, 456–461, 516–517.
Deutscher Text: S. 517–521; Texte français, p. 521 ff.

1947

94 *Kunst des Fernen Ostens.* Landschaften, Blumen, Tiere. Nach Bildern alter chinesischer und japanischer Meister. 16 Farbtafeln. Einführung von Otto Fischer.
Leipzig: Iris-Druck C. Weller [1947]. 10 S., 15 Taf. gr. 4°.

95 Eine chinesische Kleinbronze. Von Prof. Otto Fischer, Basel.
Sinologica 1. 1947, 138–143, 4 Tafels.

1948

96 Otto Fischer: *Chinesische Plastik.* Mit 177 Abbildungen.
München: R. Piper & Co. (1948). 200 S., 136 Taf. 29 cm.
Einband von Emil Preetorius.
S. 185: „Den vorstehenden Versuch, einen Überblick über die Entfaltung und einen Einblick in das Wesen der plastischen Schöpfung Chinas zu geben, habe ich im Jahr 1942 geschrieben. Unter den Kriegsverhältnissen dauerte es fast ein Jahr, bis die Herstellung des Buchs gesichert war. Der Druck war so gut wie vollendet, als die ganze Auflage bei dem Luftangriff auf Leipzig im November 1943 vernichtet wurde. Dasselbe Schicksal traf ungefähr ein Jahr später den vom Verlag unternommenen und wieder beinahe abgeschlossenen Neudruck des Buchs bei der Zerstörung von Freiburg im Breisgau. Wenn der Verlag es jetzt, nach bald sechs Jahren, trotz aller Schwierigkeiten noch einmal gewagt hat, diesem Schmerzenskind an das Tageslicht zu helfen, so kann ihm und ganz besonders Herrn Reinhard Piper der Verfasser nur seine tiefgefühlte Dankbarkeit und zugleich den Wunsch aussprechen, es möchte die aufgewendete Mühe nicht für eine unwürdige Sache vergeudet erscheinen. Im Text und den Bildern ist seit 1942 nichts geändert worden. Nur im Literaturverzeichnis wurden einige in der Zwischenzeit erschienene Veröffentlichungen, soweit sie zu meiner Kenntnis gelangt sind, nachgetragen. Basel, im Februar 1948“.
Inhalt:
Einleitung
Die Gefäßform
Die Tiergestalt
Das Menschenbild
Versuch einer Wesensdeutung
Anmerkungen
Literatur
Bilder-Verzeichnis
Rez.:
OA 2. 1949, 85 (W. Cohn)
Asiatische Studien 4. 1950, 120–122 (M. Stiassny)

1950

97 *Art of the Far East*. Landscapes–flowers–animals. 16 plates in colour from the work of old Chinese and Japanese masters.
London: Batsford 1950. 11 S., 15 Taf.

1952

98 *Kunst des Fernen Ostens:* Landschaften, Blumen, Tiere. Nach Bildern alter chinesischer und japanischer Meister. 16 Farbtafeln. Einführung von Otto Fischer.
Laupen bei Bern: Iris Verlag (1952). 10 S. 15 Taf. 2°.
(Iris Bücher).
Franz. Ausg.: Paris: Plon; engl.: London: Batsford; USA: New York: Oxford University Press.

Tafeln: 1. Wu Tao-tze 吳道子 (China um 700–760) zugeschrieben, doch eher 10.–11. Jh.): Berglandschaft mit Wasserfall und zwei Weisen; 2. Wang Wei 王維 (China 698–759) zugeschrieben, doch eher 10.–11. Jh.): Wassersturz; 3. Hsü Hsi 徐熙 (China 10. Jh.): Lotosblüten im Wind; 4. Hsü Hsi 徐熙 (China 10. Jh.): Schneereiher auf bereiftem Ast; 5. Li Ti 李迪 (China um 1130–1180): Heimkehrender Jäger im Schnee: 6. Hsia Kuei 夏珪 (China um 1180–1230): Seeufer im Gebirge; 7. Chang Fang-yu (China 13. Jh.): Nebel in den Bergen; 8. Chao Mêng-fu 趙孟頫 (China 1254–1322): Der Dichter Tao Yuan-ming (365–427) in den Bergen; 9. Yen Hui 顏輝 (China 14. Jh.): Woge und Mond; 10. Li I-ho (China um 1430): Entenpaar im Wasser unter Hibiscus-Blüten: 11. Tai Wên-chin 戴文進 (China um 1446 [1388–1462]): Schlafender Angler im Boot; 12. Lü [Lu] Chih 陸治 China um 1500 [1496–1576]): Fasanenpaar unter Kamelien- und Pflaumenblüten; 13. Shên Nan-pin 沈南蘋 (China 18. Jh. [um 1682–1762], 1731–1733 in Nagasaki): Damwild im Kiefernwald; 14. Ritsu O [Ritsuō] 笠翁 (Japan 1662–1747): Vögel im Schnee auf Kamelienzweigen; 15. Mori Sosen 森狙仙 (Japan 1749–1821): Zwei Affen; 16. Li Ti 李迪 (China um 1130–1180): Weisse Hibiscus-Blüten.

Die Originale stammen mit Ausnahme von Nr. 14 aus Privatbesitz oder aus ostasiatischen Klöstern.

1958

99 Daisetz Teitaro Suzuki: *Zen und die Kultur Japans.* (Übertragen von Otto Fischer).
Hamburg: Rowohlt (1958). 150 S.
(Rowohlts Deutsche Enzyklopädie 66).
Orig.: Zen Buddhism and its influence on Japanese culture.

Über Otto Fischer

Otto Kümmel: Otto Fischer zum Gedächtnis.
Weltkunst 2. 1948: 7, S. 45.

Heinrich Alfred Schmid: Professor Otto Fischer zum Gedenken.
Basler Nachrichten 16.4.1948.

H.Th. Musper: In memoriam Otto Fischer 1948.
Schwäbische Heimat 1950, 132–133.

Günther Wirth: Wenn der Abend dem Morgen die Hand reicht. Zum Gedenken an den Stuttgarter Kunsthistoriker Otto Fischer.
Stuttgarter Zeitung 11.4.1973.

Otto Fischer. Ein Kunsthistoriker des 20. Jahrhunderts. Reutlingen 1886–Basel 1948. Stadt Reutlingen 1986. 72 S. Aus *Reutlinger Geschichtsblätter* NF 25.1986, 255–320.

Heinrich Geissler, Martin Kaulbach: *Otto Fischer. Kunstgelehrter und Museumsmann 1886–1948*, Ausstellung der Staatsgalerie Stuttgart (Alte Staatsgalerie), 20.3.–11.5.1986, Stuttgart: Staatsgalerie, Graphische Sammlung 1986. 23 S.

Briefe an Otto Fischer: 1924–1938 / Rolf Nesch. Reicheneck: Aldus-Presse, 1994. 61 S. 444 Ex. handgedr., [sign.].

Nikolaus Meier: Ars una: Der Kunsthistoriker Otto Fischer. *Reutlinger Geschichtsblätter* Neue Folge 50 (2011), S. 147–208.

Отто Фишер (22 мая 1886 — 9 апреля 1948). Публикации по искусству Дальнего Востока

Хартмут ВАЛРАВЕНС
Государственная библиотека Берлина, Свободный университет
Берлин, Германия

Статья поступила в редакцию 20.11.2022.

Аннотация: Отто Фишер родился в купеческой семье 22 мая 1886 г. в Ройтлинге. С 1904 г. он изучал юриспруденцию, а затем историю искусства в Тюбингене, Мюнхене, Вене и Берлине, а в 1907 г. защитил диссертацию «Altdeutsche Malerei» в Берлине под руководством Генриха Волффлина (Heinrich Wölfflin). С 1909 по 1913 гг., после учебных поездок в Италию и Францию, он жил в Мюнхене и близко общался с молодыми немецкими художниками. В 1913 г. Фишер защитил докторскую диссертацию в Гёттингене на тему «Die Chinesische Malerei», которая была издана под названием «Die Chinesische Landschaftsmalerei». После службы в армии добровольцем в 1915–1918 гг., он с 1921 по 1927 гг. возглавлял Музей изобразительного искусства в Штутгарте (сейчас Staatsgalerie). В 1925–1926 гг. он отправился в научную поездку по Китаю, Японии, Яве и Бали, о чем написал в своих двух книгах. В 1927–1938 гг. был директором Музея искусств в Базеле, преподавал в университете и в 1938 г. вышел на пенсию, скончался в Базеле 4 апреля 1948 г. Основными научными интересами Отто Фишера были старогерманская живопись и искусство Дальнего Востока, о чем свидетельствуют его две диссертации. Его публикации по немецкому искусству легко доступны, однако работы по искусству Китая, Японии и Юго-Восточной Азии известны только узкому кругу специалистов. Следует особо выделить его статьи по теории китайского искусства, китайским эстампажам, а также цветным лубкам. Многогранность интересов Фишера, его неоднозначная жизненная позиция были предметом отдельных публикаций (см. литературу о нем). Тем не менее, в настоящей статье ставится цель объединить все публикации Отто Фишера по искусству Дальнего Востока. Все статьи были проверены *de visu*, некоторые из них аннотированы. Надеемся, что составленная библиография даст возможность историкам оценить вклад Отто Фишера в изучение искусства Дальнего Востока.

Ключевые слова: искусство Дальнего Востока, библиография, Отто Фишер (1886–1948).

Для цитирования: *Валравенс Хартмут*. Отто Фишер (22 мая 1886 — 9 апреля 1948). Публикации по искусству Дальнего Востока // Письменные памятники Востока. 2023. Т. 20. № 1 (вып. 52) (на нем. яз.). С. 95–114. DOI: 10.55512/WMO202797.

Об авторе: ВАЛРАВЕНС Хартмут, доктор филологических наук, Государственная библиотека Берлина, Свободный университет (Берлин, Германия) (hwalravens@gmx.net).

Письменные памятники Востока. 2023. Том 20. № 1 (вып. 52). С. 115–124

А.Н. Болдырев: служение науке длиною в жизнь

И.К. ПАВЛОВА
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO202796

Статья поступила в редакцию 16.01.2023.

Аннотация: 4 июня 2023 г. исполняется 30 лет со дня кончины выдающегося иранист XX в. А.Н. Болдырева (1909–1993). Данная статья посвящена светлой памяти этого ученого, тонкого знатока персидского языка, блестящего переводчика, талантливого филолога и литературоведа. Его имя остается знаковым для многих иранистов нескольких поколений как в России, так и за рубежом. Изучение персидской литературы, как показывает его трудовой путь, стало частью и смыслом жизни Александра Николаевича. До сих пор его научные труды, изданные еще во второй половине XX в., остаются востребованными и современными исследователями. В основу статьи легли материалы Архива востоковедов ИВР РАН и блокадные записи самого А.Н. Болдырева. Исследуемые факты из его биографии еще раз подчеркивают значимость личности А.Н. Болдырева. В своей научной карьере, как и в жизни, он всегда оставался верен избранному пути.

Ключевые слова: А.Н. Болдырев, иранистика, персидская литература, награды, Архив ИВР РАН.

Для цитирования: *Павлова И.К.* А.Н. Болдырев: служение науке длиною в жизнь // Письменные памятники Востока. 2023. Т. 20. № 1 (вып. 52). С. 115–124. DOI: 10.55512/WMO202796.

Об авторе: ПАВЛОВА Ирина Константиновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и культурологии СПбГУПТиД (Санкт-Петербург, Россия) (pik_2003@mail.ru). ORCID: 0000-0002-2990-3735.

© Павлова И.К., 2023

Светлой памяти Учителя посвящается

К плеяде ведущих иранистов XX в., несомненно, принадлежит и Александр Николаевич Болдырев (1909–1993) — тонкий знаток персидского языка, блестящий переводчик, талантливый филолог. Имя этого ученого, обладавшего энциклопедическими знаниями, стало знаковым для многих иранистов нескольких поколений, литературоведов, текстологов, любителей персидской поэзии как в России, так и за рубежом.

Родился Александр Николаевич Болдырев в Петербурге 16(29) мая 1909 г. в дворянской высокообразованной семье, где чтение книг, знание русской и европейской литературы было неотъемлемой частью жизни всех его родных. Еще в раннем возрасте у ребенка проявились неординарные языковые способности, а также интерес к литературе, в том числе к восточной поэзии, и вообще к гуманитарным предметам. В 1927 г. после окончания общеобразовательной школы Петришуле (в ту пору она называлась 41-я Советская трудовая школа), где особое внимание уделялось изучению немецкого языка, Александр Николаевич поступил в Ленинградский государственный университет (ныне СПбГУ) на восточное отделение историко-лингвистического факультета по специальности «История персидской литературы». Таким образом, еще с молодости была выбрана будущая профессия, которая стала смыслом жизни А.Н. Болдырева. Намерение сына выбрать именно это направление поддержал его отец Николай Васильевич Болдырев, приват-доцент по кафедре философии и права упомянутого университета.

Восточные языки (арабский, персидский, таджикский) давались молодому студенту довольно легко, и к окончанию курса Александр Николаевич владел ими уже свободно. Позже, при оформлении на работу в Институт востоковедения АН СССР Александр Николаевич написал в анкете о знании им девяти языков: персидского, французского, немецкого, английского, таджикского, латыни, шведского, итальянского, узбекского. Отметим, что персидский язык в этом списке стоит на первом месте[1].

Филологические способности Александра Николаевича и отличная учеба позволили ему окончить университет досрочно в 1931 г., т.е. всего за четыре года, а не за пять, как было положено в 30-е годы XX в. В Архиве ИВР РАН нами было обнаружено свидетельство, выданное Александру Николаевичу по окончании университета. В нем кроме основных дисциплин приводится перечень разнообразных спецкурсов, без изучения которых невозможно объять такое ёмкое понятие, как персидская литература. Целые циклы занятий были посвящены «Шахнаме», произведениям О. Хайяма и Саади, лирическим поэмам, арабской каллиграфии, персидским историческим текстам, изучению Корана (Болдырев 2011: 7–32). Перечень упомянутых дисциплин позволяет составить представление о фундаментальной подготовке студентов того времени.

Спустя три года после окончания университета он, намереваясь полностью заняться научными исследованиями, уехал на работу в Таджикистанский филиал Академии наук СССР, тогда же он стал работать в Таджикской Государственной публичной библиотеке и преподавал в Таджикском педагогическом институте. Вот как он сам пишет об этом в своей биографии: «Одновременно в течение 1934, [19]35, [19]36 гг. читал на правах доцента (по совместительству) курсы „Истории таджикской литературы“ и „Таджикского фольклора“ в вечернем и дневном Педагогических институтах гор. Сталинабада (совр. Душанбе. — *И.П.*) (в вечернем — на русском, а в дневном — на таджикском языке)» (Болдырев 2011: 29).

Эти годы оказались для начинающего исследователя весьма плодотворными. Находясь в ираноязычном регионе, Александр Николаевич мог совершенствоваться в разговорных языках, а также приступить к изучению персидских и таджикских рукописей. Поездки на Памир, где он изучал памирские языки и фольклор местных жителей, позволили собрать уникальный и редкий материал, положенный в основу будущей кандидатской диссертации «Фольклор и литература Бадахшана». Кроме

[1] Архив востоковедов Института восточных рукописей (АВ ИВ РАН). Ф. 152. Оп. 3а. Ед. хр. 95. 1942–1950. Л. 13. Личное дело А.Н. Болдырева.

этого, он стал автором-составителем учебников по истории персидской литературы для таджикских школ, что было тогда очень востребовано и актуально.

Вернувшись из Таджикистана в Ленинград в 1936 г. А.Н. Болдырев уже имел среди своих коллег-иранистов репутацию ведущего ученого в области изучения персидской литературы. Его знания были востребованы в крупных востоковедных центрах города: в Эрмитаже, Институте востоковедения АН СССР и, конечно, на Восточном факультете университета, где он стал преподавать персидский язык и теоретические курсы по литературе. Буквально за месяц до начала Великой Отечественной войны (1941–1945), в мае 1941 г., Александр Николаевич представил на Ученый совет ИВ АН СССР готовую диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук и пакет необходимых документов для защиты.

Несмотря на еще довольно молодой возраст А.Н. Болдырева, его высокий профессионализм в области персидской литературы дали основание директору Эрмитажа академику И.А. Орбели обратиться в Высшую аттестационную комиссию с просьбой освободить своего подопечного от сдачи кандидатских минимумов по специальности «История таджикской литературы» и иностранному языку (английский). Председатель ВАК удовлетворил это ходатайство, о чем свидетельствует приложенная к делу справка от 24 июня 1940 г. Александру Николаевичу нужно было сдать только экзамен по историческому и диалектическому материализму, который он выдержал «успешно»[2]. Защита диссертации на тему «Фольклор и литература Бадахшана» состоялась 30 июня 1941 г. в ИВ АН СССР и прошла блестяще. Все 14 присутствовавших членов Ученого совета Института востоковедения единогласно проголосовали за присуждение соискателю степени кандидата филологических наук. Защита А.Н. Болдырева проходила в первые дни войны. Очевидно, это был своего рода знак свыше, так как все военные годы, оставаясь в блокадном Ленинграде, Александр Николаевич продолжал заниматься научными изысканиями.

К осени 1941 г. положение в осажденном Ленинграде с каждым днем становилось все тяжелее: ежедневные бомбежки, введение блокадных карточек, отключение тепла и света в домах и учреждениях — всё это во многом деморализовывало жителей города. Однако научная жизнь, как свидетельствуют очевидцы, не останавливалась. Так, 19 октября 1941 г. в Эрмитаже состоялось торжественное заседание, посвященное 800-летию великого азербайджанского поэта Низами Гянджави (1149–1209). Одним из организаторов этого заседания был А.Н. Болдырев. Его доклад «Низами и его время» вызвал неподдельный интерес присутствующих. В нем докладчик аргументировано доказывал, что в XII в., несмотря на национальность, поэты и писатели от Закавказья до Инда писали свои произведения на персидском языке, который в то время был единым литературным языком в упомянутом регионе (Болдырев 1992: 124–128; Дроздов 2005: 131–133)[3]. Празднование юбилея Низами стало значимым культурным событием в блокадном Ленинграде.

Спустя еще два месяца, 10, 12 декабря и 29 декабря 1941 г., когда многие востоковеды уже оказались в эвакуации, силами небольшой группы сотрудников Эрмитажа и Института востоковедения были проведены еще три юбилейных мероприятия, посвященных 500-летию выдающегося узбекского поэта Алишера Навои (1441–1501), также писавшего на персидском языке. Первое торжественное заседание прошло в Школьном кабинете Эрмитажа, в холодном, неотапливаемом помещении, под об-

[2] АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3а. Ед. хр. 95. 1942–1950. Л. 14. Личное дело А.Н. Болдырева.
[3] Об этом заседании и его значении в наши дни см. также (Пиотровский 2021).

стрелами вражеских орудий. На нем А.Н. Болдырев выступил с докладом «Навои и его время». Рукописный текст этого выступления как дорогую реликвию военных лет Александр Николаевич хранил у себя долгие годы и после окончания войны. Позднее А.Н. Болдырев посвятил этому великому мыслителю и поэту еще две статьи (Болдырев 1946: 121–152; 1952: 25–30)[4].

В начале 1942 г. в связи со сложившейся ситуацией в городе начинается вторая волна эвакуации промышленных предприятий, учреждений культуры, высших учебных заведений, простых жителей. Александр Николаевич имел возможность уехать из Ленинграда на Большую землю с университетом, Академией наук, Эрмитажем, Союзом писателей. Мог уехать, но не уехал и всячески противился этому. В своем Блокадном дневнике он пишет: «Идет огромная эвакуация всех желающих. Я же по-прежнему тверд на позиции — „не ехать“» (Болдырев 1998: 56). Таким образом, Александр Николаевич сделал свой выбор, хотя реально понимал ситуацию и четко осознавал, «что оставаться в Ленинграде — крупнейшая игра ва-банк».

Страшное время наступило в Ленинграде, ежедневно смерть уносила сотни жизней ленинградцев, в том числе и востоковедов. Александр Николаевич с горечью констатировал: «Так выдвигаюсь я в первую шеренгу иранистики» (Там же: 69). Классическое университетское образование и широкая эрудиция А.Н. Болдырева были востребованы и в военное время. Его выступления в Доме ученых, Союзе писателей, в госпиталях, на кораблях Балтийского флота, на Ленинградском радио вызывали большой интерес слушателей. Тематика сообщений была весьма разнообразна, в том числе им были подготовлены и прочитаны доклады, связанные с иранистикой: «Из истории русско-иранских политических отношений в XIX в.», «Современное положение Афганистана», «Очерки культурной жизни Герата начала XVI в.» и др. А.Н. Болдырев в те годы плодотворно сотрудничал с Союзом писателей, участвовал в литературных заседаниях, редактировал книги. 18 февраля 1942 г. он единогласно был принят в члены Союза писателей. Одновременно с этим ученый по заданиям журнала «Звезда» рецензировал работы современных таджикских и узбекских авторов.

С 1 июля 1942 г. А.Н. Болдырев был зачислен в штат ИВ АН СССР на должность научного сотрудника и хранителя рукописного фонда Института. Прежде всего он систематизирует рукописи по истории персидской литературы и начинает собирать материал для своей будущей докторской диссертации. Однако вскоре кроме научной работы Александру Николаевичу пришлось заняться организационными вопросами. С 8 мая 1943 г., т.е. после эвакуации основного состава сотрудников и дирекции ИВ АН в Казань и Ташкент, он становится «уполномоченным по Институту», руководителем так называемой Ленинградской группы, в которую, кроме него, вошло еще только два сотрудника (О.П. Петрова и В.И. Евгенова).

На их плечи легла ответственная и тяжелая работа по консервации, охране и регулярной проверке рукописей в хранилищах в годы блокады. Кроме этого, члены группы должны были содержать в порядке само здание, ежедневно подвергавшееся артиллерийским обстрелам немцев. Занимая должность «уполномоченного по Институту» до 25 июля 1945 г., т.е. до возвращения дирекции Института из Ташкента, А.Н. Болдырев, будучи весьма организованным человеком, понимающим значение

[4] О праздновании юбилеев Низами Гянджави и Алишера Навои см. также (Варшавский, Рест 1964). Одна из последних статей, посвященных празднованию 500-летия Алишера Навои, была опубликована в декабре 2021 г. См.: Стихи Навои под бомбежками: как отмечал юбилей поэта блокадный Ленинград (Алишер Навои 2021; Пиотровский 2021).

зафиксированных фактов, с 1 декабря 1943 г. по июнь 1945 г. ведет Журнал текущей работы и происшествий по Институту[5]. Благодаря его записям мы можем представить, как смог выжить научный Институт в те годы, как трое сотрудников совершили своего рода подвиг. Находясь на грани голодной смерти, в условиях крайне холодных блокадных зим, они сумели спасти уникальный рукописный и книжный фонды Института, сохранить восточные фолианты для будущих востоковедов[6].

Ежедневный осмотр рукописей, архивных материалов, библиотеки требовал немало усилий членов Ленинградской группы, особенно если учесть, что помощниками А.Н. Болдырева были две женщины. О его работе можно судить по следующей записи: «Каждая папка и каждая коробка (их много сотен) уложена моими руками». После каждого осмотра хранилища А.Н. Болдырев констатирует: «Фонды в порядке» (Болдырев 2011: 19–29).

Кроме этого, А.Н. Болдырев, хотя его физическое состояние из-за постоянного недоедания все эти годы было сильно подорвано, считал своим долгом спасать личные библиотеки умерших востоковедов. Так, по инициативе Александра Николаевича книги и рукописные материалы известного ираниста А.А. Ромаскевича (1885–1942) после его смерти были перевезены в Институт. Общее количество упомянутой библиотеки достигало почти 1000 единиц (см. Приложение). В Журнале А.Н. Болдырева есть следующая запись: «Заражённые книги А.А. Ромаскевича отделены от здоровых, часть которых поднята на 5 этаж своими силами» (Там же: 22). Нужно было не только доставить книги, но и перебрать их, с тем чтобы они смогли служить еще не одному поколению иранистов.

Несмотря на большую загруженность в ИВ АНе, Эрмитаже, Союзе писателей, ленинградском Лектории, в Доме радио и других организациях, где работал Александр Николаевич в те блокадные годы, он скрупулезно продолжал собирать материал по своей научной теме «Литературная жизнь Герата в XV–XVI вв.». В рамках исследования он перевел с персидского языка на русский трактат по теории музыки персидско-таджикского поэта и философа Абу Абдуррахмана Джами (1414–1492) — «Рисалеи мусики» («Трактат о музыке»). Объем перевода составил 2 а.л. и был утвержден на научном заседании Ленинградской группы 22 августа 1944 г.[7]. Виктор Иванович Беляев (1902–1976), известный советский арабист и филолог, в своем отзыве о переводе А.Н. Болдырева отмечал: «Перевод „Трактата о музыке“ является важным вкладом для изучения мировой музыкальной культуры, а также Узбекистана и Таджикистана»[8]. Этот единственный экземпляр рукописи Абдуррахмана Джами, практически малоизвестный на то время востоковедам, не мог не заинтересовать А.Н. Болдырева, который также высоко ценил это произведение и считал его первоисточником по музыкальной культуре гератского общества. В своем Введении к переводу Александр Николаевич подчеркивал, что трактат Джами основан на книгах людей музыкальной профессии и на их творческом опыте[9].

[5] Об издании Журнала см. (Болдырев 2011).

[6] В то время ИВ АН СССР находился в помещении библиотеки Академии наук, на Васильевском острове на Биржевой линии д. 1/1.

[7] АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 838. № 4. Л. 1. Ленинградская группа. Индекс № 221.1.24. Отчет о работе группы за 1-е полугодие и за 1944 г. Протокол заседания от 22 августа 1944 г.

[8] АВ ИВР РАН Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 395. 1944. Л. 15. Беляев В.И. «Рисалеи мусики» Абдуррахмана Джами. Отзыв на перевод А.Н. Болдырева.

[9] АВ ИВР РАН. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 404. 1944. Л. 5. Болдырев А.Н. От переводчика «Трактата о музыке» Абдуррахмана Джами.

В эти же военные годы Александр Николаевич собирал материал для будущей докторской диссертации. Первоначально он планировал свое исследование «Литературная жизнь Герата в XV–XVI вв.» защитить в качестве докторской диссертации, по крайней мере, в Архиве востоковедов ИВР РАН хранится рукописный текст этой работы с титулом «докторская диссертация». Затем Александр Николаевич, очевидно, решил поменять тему, занявшись творчеством таджикского писателя XVI в. Зайн-ад-дин Васифи. В 1954 г. он успешно защитил диссертацию на степень доктора филологических наук по теме «Таджикский писатель XVI в. Зайн-ад-дин Васифи и его произведение „Удивительные события“».

Научная, организационная и общественная жизнь Александра Николаевича, как мы видим, в годы блокады была крайне интенсивна.

По возвращении дирекции Института из эвакуации летом 1945 г. А.Н. Болдырев после детальной проверки всех фондов, которые оказались «в полном порядке», был освобожден от исполнения обязанностей руководителя Ленинградской группой (Павлова 2021: 106–116). За добросовестный труд, сохранение рукописного и архивного фондов ИВ АН Александру Николаевичу была объявлена благодарность и выплачены денежные премии. Кроме этого, за его научную, лекционную и организаторскую работу в годы блокады он был награжден орденом «Знак почета» и тремя медалями: «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945»[10]. Позже, уже в мирное время А.Н. Болдырев был награжден орденом Трудового Красного знамени.

Сложение обязанностей уполномоченного по Институту позволило Александру Николаевичу полностью вернуться к научным исследованиям. Уже 2 августа того же года он записывает в дневнике: «Отослал в Узбекский Институт Искусствознания мои условия к переводу Джами». И на следующий день: «Последние дни начала навещать меня муза, даже две — литературная и диссертационная. Тянет и тянет писать, размышлять, подмечать» (Болдырев 1998: 332). Итак, снова любимая работа, исследование рукописей, написание монографий и статей, которые станут фундаментальными в изучении персидской литературы, культуры, истории иранского общества. В том же, 1945 г. Александр Николаевич, оставаясь пока еще в штате ИВ АН, возобновил преподавание на Восточном факультете ЛГУ.

В 1950 г. А.Н. Болдырев в связи с реорганизацией Института востоковедения окончательно возвращается на преподавательскую работу в университет для чтения курсов по истории персидско-таджикской литературы.

При переходе из Института востоковедения в университет А.Н. Болдырев получил следующую характеристику, подписанную секретарем партийной организации упомянутого учреждения Д.И. Тихоновым: «Тов[арищ] Болдырев является крупным ученым-иранистом, одним из лучших знатоков Ирана и Таджикистана как в области литературы и лингвистики, так и истории, археологии и искусства»[11]. Вскоре Александр Николаевич был назначен заведующим кафедрой иранской филологии. Эту должность он будет занимать до 1981 г., т.е. больше 30 лет, оставаясь не только организатором учебной и научной работы кафедры, но и прежде всего блестящим ученым и специалистом в области персидской литературы. В эти же годы он разработал

[10] АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3а. Ед. хр. 95. 1942–1950. Л. 17 об. Личное дело А.Н. Болдырева. Личный листок по учету кадров.

[11] АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3а. Ед. хр. 95. 1942–1950. Л. 57 об. Личное дело А.Н. Болдырева.

новые курсы для студентов по персидской и таджикской поэзии, на основании последних достижений литературоведения. Необыкновенно творческая, дружеская и уважительная атмосфера среди преподавателей и студентов сложилась на кафедре Александра Николаевича. Он действительно очень внимательно присматривался к своим ученикам, помогая им найти себя в разнообразных направлениях иранской филологии. В отношении своих подопечных Александр Николаевич придерживался главного принципа обучения — «сначала любить, а потом учить».

За долгие годы своей педагогической деятельности профессор А.Н. Болдырев подготовил огромное количество специалистов: литературоведов, филологов, языковедов, лингвистов не только в России, но и в Таджикистане. Таджикские исследователи учились на научных работах ленинградской школы иранистики, возглавляемой А.Н. Болдыревым, и регулярно приезжали к своему профессору за консультациями на кафедру иранской филологии.

Александр Николаевич выступал с докладами на многих престижных востоковедных и иранистических конгрессах, съездах, конференциях. Отметим лишь два из них: Международный конгресс востоковедов в Москве в 1936 г., Первый конгресс иранистов в Тегеране в 1966 г. В 1971 г. А.Н. Болдырев благодаря значимым работам по истории персидской литературы был приглашен иранским правительством в качестве почетного гостя на празднование 2500-летия со дня основания Персидского государства.

Впоследствии к его почетным обязанностям прибавилась еще одна: он стал членом постоянной комиссии Международной ассоциации иранистов. Стремясь к расширению изучения богатого наследия персидской поэзии и литературы в СССР, А.Н. Болдырев возглавил работу Всесоюзных иранистических конференций. С 1966 г. ежегодно под его руководством стал действовать семинар ленинградских иранистов, в котором принимали участие не только уже известные исследователи, но и аспиранты, студенты старших курсов. Нередко на этот семинар приезжали иранисты из Москвы, Таджикистана и других регионов Советского Союза.

Таким образом, вся научная и творческая жизнь Александра Николаевича Болдырева так или иначе была связана с главным смыслом его Бытия — персидской литературой. Его достижения в это области были высоко оценены как современниками, так и последующими поколениями. Еще при жизни Александра Николаевича Болдырева его имя было упомянуто в Советских энциклопедических изданиях (БСЭ 1970: 506–507; СЭС 1987: 154). Коллеги посвящали его юбилеям научные конференции, делали доклады и сообщения, писали о нем очерки и статьи. Несколько публикаций, касающихся его научной деятельности, появились уже после его смерти (Айни 2004: 24–25; Дроздов 2005; Павлова 2021).

Следует сказать и о том, что Александр Николаевич Болдырев имел почетное звание заслуженного деятеля науки Таджикистана, был лауреатом Государственной премии Таджикской ССР им. Абу Али-Ибн Сины, лауреатом иранской премии им. Фирдоуси. Все эти награды он получал сам лично. Однако необходимо упомянуть еще об одной награде, которой он был удостоен уже после смерти. В декабре 2010 г. правительство Республики Таджикистан «за большой вклад в изучении персидско-таджикской литературы» вручило А.Н. Болдыреву (посмертно) Государственную премию и присвоило ему звание лауреата премии им. Рудаки. Награды были переданы представителями Республики Таджикистан дочери Александра Николаевича Марии Александровне Болдыревой (род. 1938) на торжественном заседании кафедры иран-

ской филологии 22 февраля 2011 г. Эта последняя награда А.Н. Болдыреву, утвержденная правительством Таджикистана спустя 17 лет после его кончины, является еще одним свидетельством признания его трудов современными иранистами XXI в.

В заключение отметим, что научное наследие А.Н. Болдырева насчитывает почти 150 публикаций (Болдырев 1979: 9–13).

Учителя не умирают. Они остаются жить в памяти своих учеников, воплощаются в книгах и статьях, становятся примером служения науке для новых поколений.

Приложение

АКТ[12]

г. Ленинград июля 14 дня 1944 года

Мы, нижеподписавшиеся, управхоз домохозяйства № 240 Петроградского района Мелешкина А.А. и Уполномоченный Института востоковедения Академии наук СССР Болдырев А.Н. составили настоящий акт о нижеследующем: первая сдала, а второй принял обнаруженные остатки научной библиотеки, принадлежащей покойному научному сотруднику Института востоковедения профессору А.А. Ромаскевичу, проживающему по Съезжинской ул., д. № 8, кв. 13, в количестве примерно 1000 томов. Книги перевезены для дальнейшего хранения в Институте востоковедения АН СССР.

Управхоз домохозяйства (Мелешкина)
Уполномоченный Института востоковедения АН СССР в Ленинграде (Болдырев)
Печать: Домовое хозяйство № 240 (Съезжинская, д. 1, ком. 12).

Литература

Айни 2004 — *Айни К.С.* Звезда иранистики. К 95-летию Александра Николаевича Болдырева // Ирано-Славика. 2004. № 3–4. С. 24–25.

Алишер Навои 2021 — *Алишер Навои.* Стихи Навои под бомбежкой. Как отмечал юбилей поэта блокадный Ленинград. [Электр. ресурс]: www//http:uz.sputniknews.ru 08.03.21 (последнее обращение: 09.01. 2023 г.).

Болдырев 1946 — *Болдырев А.Н.* Алишер Навои в рассказах современников // Алишер Навои: сборник статей / АН СССР; ИВ СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 121–152.

Болдырев 1952 — *Болдырев А.Н.* Персидские переводы «Маджлис ан-нафаис Навои» // Ученые записки ЛГУ. Серия 128. № 3. Л., 1952. С. 25–30.

Болдырев 1979 — *Болдырев А.Н.* Список публикаций А.Н. Болдырева // Востоковедение. 1979. Т. 6. С. 9–13.

Болдырев 1992 — *Болдырев А.Н.* Низами и его время // Литературный Азербайджан. Баку, 1992. № 5 (сентябрь–октябрь). С. 124–128.

Болдырев 1998 — *Болдырев А.Н.* Осадная Запись (Блокадный дневник) / Подгот. к печати В.С. Гарбузова и И.М. Стеблин-Каменский. СПб.: Фонд регион. развития Санкт-Петербурга; Европейский Дом и др., 1998.

Болдырев 2011 — *Болдырев А.Н.* Журнал текущей работы и происшествий по Институту Востоковедения Академии наук СССР / Предисл. и публикация И.К. Павловой // Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941–1944) / Сост. и отв. ред. И.Ф. Попова; Ин-т восточных рукописей РАН. М.: Вост. лит., 2011 (Труды Архива востоковедов ИВР РАН. Вып. I). С. 7–32.

[12] АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 845. Л. 11. Библиотека. Индекс № 712.41. 1 марта 1944 — 25 ноября 1944. Публикуется впервые.

БСЭ 1970 — Большая Советская энциклопедия. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1970. Т. 3. С. 506–507.

Варшавский, Рест 1964 — *Варшавский С., Рест Б.* Сердце Эрмитажа // Советская культура. 28.01.1964.

Дроздов 2005 — *Дроздов В.А.* [Рец. на:] *Векилов А.П.* Юбилей Низами в блокадном Ленинграде. СПб., 2003. 84 с. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. Вып. 3. СПб., 2005. С. 131–133. См. также [Электр. ресурс]: www//http:cyberleninka.ru.

Павлова 2021 — *Павлова И.К.* Блокада глазами ученого // На русских просторах. Историко-литературный журнал. СПб.: СПбООК «Аврора», 2021. № 1(44). С. 106–116.

Пиотровский 2021 — *Пиотровский М.Б.* Памятный вечер (19 октября 2021 г.) «80 лет со дня Торжественного заседания, посвященного 800-летию Низами Гянджави». [Электр. ресурс]: http://ermitazhny-teatr-events.timepad.ru 19.10.2021 (дата обращения: 09.01.2023 г.).

СЭС 1987 — Советский энциклопедический словарь. 4-е изд. М., 1987. С. 154.

References

Aini, Kamal S. “Zvezda Iranistiki. K 95-letiiu Aleksandra Nikolaevicha Boldyreva” [The Star of the Iranian Studies. To the 95th Anniversary of Alexander Nikolaevich Boldyrev]. *Irano-Slavica*, 2004, vol. 3–4, pp. 24–25 (in Russian).

Alisher Navoi. *Stikhi Navoi pod bombezhkami. Kak otmechal iubilei poeta blokadnii Leningrad* [Navoi's Poems under the Bombardment. How the Anniversary of the Poet was Celebrated in Blockaded Leningrad]. URL: www//http:uz.sputniknews.ru 08.03.21 (Access date: 09.01.2023) (in Russian).

Boldyrev, Aleksandr N. “Alisher Navoi v rasskazakh sovremennikov” [Alisher Navoi in the Stories of Contemporaries]. In: *Alisher Navoi: sbornik statei* [Alisher Navoi: A Collection of Articles], Moscow–Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1946, pp. 121–152 (in Russian).

Boldyrev, Aleksandr N. “Zhurnal tekushchei raboty i proisshestvii po Insitutu Vostokovedeniia Akademii nauk SSSR. Predislovie i publikatsiia I.K. Pavlovoi”[Journal of the Current Works and Events at the Institute of the Oriental Studies of the Academy of Sciences of USSR. Introd. and Publication by Irina K. Pavlova]. In: *Trudy vostokovedov v gody blokady Leningrada (1941–1944)*. Sost. i otv. red. I.F. Popova [Proceedings of Orientalists during the Siege of Leningrad (1941–1944), comp. and ed. I.F. Popova]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2011 (Trudy Arkhiva vostokovedov IVR RAN. Vyp. I [Proceedings of the Archive of Orientalists of the IOM, RAS. Iss. I]), pp. 7–32 (in Russian).

Boldyrev, Aleksandr N. “Nizami i iego vremia” [Nizami and His Time]. *Literaturnyi Azerbaijan*, Baku, 1992, no. 5 (September–October), pp. 124–128 (in Russian).

Boldyrev, Aleksandr N. “Persidskie perevody ‘Madzhlis an-nafais’ Navoi” [The Persian Translations of the *Majlis an-nafais* by Nava’i]. *Uchenye zapiski LGU*, series 128, 1952, vol. 3, pp. 25–30 (in Russian).

Boldyrev, Aleksandr N. *Osadnaia zapis’ (Blokadnyi dnevnik).* Podgotovili k pechati V.S. Garbuzova i I.M. Steblin-Kamenskii [Notes under Siege (The Blockade Diary]. Publication by V.S. Garbuzova and I.M. Steblin-Kamenskii]. St. Petersburg: Fond region. razvitiia Sankt-Peterburga–Evropeiski dom, 1998 (in Russian).

Boldyrev, Aleksandr N. “Spisok publikatsii A.N. Boldureva” [A List of Publications by A.N. Boldyrev]. *Vostokovedenie*, Leningrad, 1979, vol. 6, pp. 9–13 (in Russian).

Bol’shaia Sovetskaia Entsiklopediia [The Great Soviet Encyclopedia]. Moscow, 1970 (in Russian).

Drozdov, Vladimir A. “[Review of the book:] Vekilov, Afrasiab P. Yubilei Nizami v blokadnom Leningrade [Nizami’s Anniversary in Blockaded Leningrad]. St. Petersburg, 2003. 84 pp.” *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta*, series 9, iss. 3, St. Petersburg, 2005, pp. 131–133 (in Russian).

Pavlova, Irina K. “Blokada glazami uchenogo” [The Blockade in the Eyes of a Scholar]. *Na russkikh prostorakh. Istoriko-Literaturnyi zhurnal* [On the Vast Russian Expanses. Historical and Literary Journal]. St. Petersburg: SPB OOK “Avrora”, 2021, vol. 1(44), pp. 106–116 (in Russian).

Piotrovskii, Mikhail B. “Pamiatnyi vecher (19 oktyabria 2021 g.). 80 let so dnia Torzhestvennogo zasedaniia, posviashchennogo 800-letiiu Nizami Ganzhavi” [The Memorable Evening (October 19, 2021) 80 Years after the Grand Meeting Devoted to the 800th Anniversary of Nizami’s]. URL: www//http:http://ermitazhny-teatr-events.timepad.ru 19.10.2021 (Access date: 09.01.2023) (in Russian).

Sovetskii entsiklopedicheskii slovar’ [The Soviet Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1987 (in Russian).

Varshavskii, Semen & Rest, Boris. “Serdtse Ermitazha” [The Heart of the Hermitage]. *Sovetskaia kultura*, January 28, 1964 (in Russian).

A.N. Boldyrev: A Lifelong Service to Science

Irina K. PAVLOVA

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
St. Petersburg, Russian Federation

Received 16.01.2023.

Abstract: The article is dedicated to the memory of A.N. Boldyrev (1909–1993) — an outstanding Iranologist of the 20th century, a subtle connoisseur of the Persian language, a talented philologist and a brilliant translator. On June 4, 2023, 30 years will have passed after his death. His name remains important for many Iranologists both in Russia and abroad. The study of Persian literature became a part and meaning of Boldyrev’s life. Until now, his scholarly works, published in the second half of the 20th century, remain in demand and use by modern researchers. The article is based on the materials of the Archive of Orientalists of the Institute of the Oriental Manuscripts, RAS, and on A.N. Boldyrev’s Leningrad siege (1941–1944) recordings. The facts of his life once again emphasize the significance of Boldyrev’s personality and his dedication to science.

Key words: A.N. Boldyrev, Iranian Studies, Persian literature, awards, archive. Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Pavlova, Irina K. “A.N. Boldyrev: A Lifelong Service to Science”. *Pis’mennye pamiatniki Vostoka*, 2023, vol. 20, no. 1 (iss. 52), pp. 115–124 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO202796.

About the author: Irina K. PAVLOVA, Cand. Sci (History), Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Cultural Studies of St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (St. Petersburg, Russian Federation) (pik_2003@mail.ru). ORCID: 0000-0002-2990-3735.

Письменные памятники Востока. 2023. Том 20. № 1 (вып. 52). С. 125–129

Международная научная конференция «XXXVII Кононовские чтения»

(Санкт-Петербург, 28–29 октября 2022 г.)

М.А. КОЗИНЦЕВ
Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO121784

Статья поступила в редакцию 10.01.2023.

Ключевые слова: Андрей Николаевич Кононов, Восточный факультет СПбГУ, кафедра тюркской филологии, российская тюркология, османистика, изучение тюркских языков, история тюркских народов.

Для цитирования: *Козинцев М.А.* Международная научная конференция «XXXVII Кононовские чтения» (Санкт-Петербург, 28–29 октября 2022 г.) // Письменные памятники Востока. 2023. Т. 20. № 1 (вып. 52). С. 125–129. DOI: 10.55512/WMO121784.

Об авторе: КОЗИНЦЕВ Марк Альвиевич, младший научный сотрудник Лаборатории Сериндика ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (m.kozintcev@mail.ru). ORCID: 0000-0001-8588-739X.

© Козинцев М.А., 2023

28–29 октября 2022 г. на Восточном факультете СПбГУ состоялись ежегодные «Кононовские чтения». Организатором конференции выступила кафедра тюркской филологии Восточного факультета СПбГУ при поддержке Генерального консульства Турецкой Республики в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургского общества научных и культурных связей с Турцией и Санкт-Петербургского центра развития и поддержки востоковедных исследований. Чтения, давно ставшие традиционными, посвящены выдающемуся ученому-востоковеду, крупнейшему отечественному лингвисту-тюркологу, академику АН СССР Андрею Николаевичу Кононову (1906–1986), заведующему ЛО ИВ АН СССР (ныне ИВР РАН) (1961–1963) и заведующему кафедрой тюркской филологии Восточного факультета ЛГУ (ныне СПбГУ) (1949–1972). В 2022 г. «Кононовские чтения» проводились кафедрой тюркской филологии в 37-й раз. С 2015 г. они имеют статус международной конференции. Чтения объединяют тюркологов России, ближнего и дальнего зарубежья — лингвистов, литературоведов, историков, за-

нимающихся широким кругом вопросов материальной и духовной культуры тюркских народов.

Мероприятия начались 28 октября с открытия выставки османских книг Восточной библиотеки СПбГУ. Экскурсию по выставке для участников и слушателей провел Т.А. Слесарев (Научная библиотека им. М. Горького СПбГУ). Он рассказал об истории преподавания тюркских языков в университете, продемонстрировал ряд хранящихся в библиотеке турецких рукописей и наиболее значимых научных изданий.

После этого состоялась церемония открытия конференции. С приветственным словом к участникам и слушателям обратились: заведующий кафедрой тюркской филологии Н.Н. Телицин, генеральный консул Турции в Санкт-Петербурге Озгюн Талу (Özgün Talu) и председатель Санкт-Петербургского общества научных и культурных связей с Турцией А.А. Колесников.

Далее состоялись заседания по трем секциям, исходя из тематики докладов.

В рамках работы утренней секции «Языки тюркских народов» под председательством Н.Н. Телицина (СПбГУ) прозвучало семь докладов.

Л.В. Софронова (Дипломатическая академия МИД России) в докладе «Лингвостилистические особенности политической речи (на материале публичных выступлений президента Турции Р.Т. Эрдогана)» рассмотрела набор стилистических средств, которыми пользуется в своих речах Р.Т. Эрдоган.

Улькю Полат (Ülkü Polat) (Газиантипский университет, Турция) представила доклад на турецком языке «Анализ связи слов Töz-Tözlüg и Bag-Baglıg, Uguş-Uguşlug, Yıltız-Yıltızlıg в древнетюркском языке».

М.Э. Дубровина (СПбГУ) рассказала «Об эволюции значений турецких глагольных имен действий с показателями -ma и -mak».

Доклад Е.А. Огановой (ИСАА МГУ) на тему «Особенности перевода рассказов Музаффера Изгю с турецкого на русский язык» был посвящен творчеству одного из самых читаемых турецких сатириков второй половины XX — начала XXI в. Музаффера Изгю (1933–2017).

К.А. Верхова (ИСАА МГУ) в докладе «Категория обусловленности в полипредикативных и сложных предложениях (на материале турецкой прессы)» рассмотрела средства, выступающие в роли маркеров указанной категории.

В докладе К.А. Алиевой (ЛГУ им. А.С. Пушкина; СПбГУ) «К вопросу о формах со значением лимитативности в древнеуйгурском языке» был проведен анализ морфологических средств выражения аспектуальных (лимитативных) значений.

Ш.Н. Камалова (СПбГУ) в докладе «Конструкции с дополнением, оформленным аффиксом винительного падежа, в языке древнетюркских рунических памятников» показала, в каких случаях имя существительное в оформленном винительном падеже обозначает определенный объект и оформляет прямое дополнение.

Следующее заседание под председательством А.В. Образцова (СПбГУ) объединило семь докладов по истории, источниковедению и историографии, культуре и фольклору тюркских народов.

Доклад О.В. Васильевой (РНБ) «Профессор Василий Дмитриевич Смирнов: 49 лет в Императорской Публичной библиотеке» был посвящен научному пути профессора Санкт-Петербургского университета В.Д. Смирнова (1846–1922).

М.Н. Гаврилова (Государственный Эрмитаж) в докладе «Персоналии в истории коллекционирования: Агоп Кеворкян (на примере турецкой коллекции Государственного Эрмитажа)» показала связь интереса к собирательству предметов прикладного

искусства во второй половине XIX в. с идеей организации художественно-промышленных музеев.

Тема записок путешественников была раскрыта в выступлении А.М. Абидулина (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского) «Османский Восток в путевых записках Николая Васильевича Терлецкого».

Д.Д. Копанева (СПбГУ) и С.А. Красуцкий (СПбГУ) в совместном докладе «Следственное дело об оскорблении царской фамилии: обсценная тюркская лексика в российских документах XVII в.» сообщили о случае (в 1642 г.), приведшем к международному скандалу.

М.А. Козинцев (ИВР РАН) в докладе «Письма, написанные от имени императора Иоанна Антоновича, в подборке документов османского историографа XVIII в. Кесби» описал два сохранившихся в переводе на османский язык документа, которые еще не были введены в научный оборот в отечественной исторической науке.

Тюркской этнографии и, в частности, древних предметов кухонной утвари касалось выступление Г.А. Серкиной (Государственный Эрмитаж) «К вопросу о происхождении кухонной чаши-пиалы и современных ритуальных сосудов тюрков».

Е.А. Козуб (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского) представила доклад «К вопросу о становлении источниковедения Османской империи (XV–XVI вв.)».

Литературе тюркских народов было посвящено третье заседание, председателем которого был А.М. Абидулин (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского). Было заслушано пять докладов.

Вопросы средневековой тюркской литературы были раскрыты в докладах: М.С. Фомкина (ЛГУ им. А.С. Пушкина) — «Образный мир поэмы „Кутадгу Билиг“» и А.И. Пылева (СПбГУ) — «О среднеазиатском периоде жизни и творчества шейха Йусуфа ал-Хамадани (1048/1049–1140), духовного наставника основоположника тюркского суфизма Ходжи Ахмада Йасави (ум. 1166)».

Суфийская поэзия находилась в центре внимания совместного доклада А.С. Аврутиной (СПбГУ) и Ю.А. Аверьянова (ИВ РАН; ВШЭ) «Особенности перевода тюркоязычной суфийской поэзии на русский язык».

Османской литературе конца XIX в. был посвящен совместный доклад А.В. Образцова (СПбГУ) и А.С. Сулеймановой (СПбГУ) «О некоторых особенностях структуры романа Х.Р. Гюрпынара „Шик“».

Особенности современного турецкого фэнтези были рассмотрены М.М. Репенковой (ИСАА МГУ) в докладе «Варианты турецкой „темной“ фэнтези на примере романа Г. Огюта „Два берега реки“ (2003)».

29 октября, во второй день работы конференции, на секции «Молодой тюрколог» под председательством М.О. Деркачёвой (СПбГУ) в рамках двух заседаний было зачитано 16 докладов. Тематически выступления касались широкого спектра проблем.

Вопросам языкознания были посвящены доклады Р.И. Сагдеевой (СПбГУ) «Типологические особенности английского языка как препятствие для успешного его освоения носителями турецкого языка» и Э.П. Ляминой (СПбГУ) — «Категория определенности-неопределенности в современном турецком и английском языках с точки зрения когнитивного подхода У. Чейфа».

Различные точки зрения на реформу письменности языков тюркских народов были изложены в докладе Р.С. Ашкенази (СПбГУ) «„Латинисты“ против „ислахистов“ на

Первом Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку и влияние их дискуссии на латинизацию тюркских языков в СССР».

Вопросов этногенеза турок касался доклад С.А. Давыдова (СПбГУ) «Становление тюркского этноса на территории полуострова Малая Азия».

Об османской и турецкой литературе говорили М.О. Деркачёва (СПбГУ) в докладе «Жизнь и творчество османского поэта Ахмеда Недима (1681–1730)» и Т.О. Кураксина (СПбГУ) в докладе «Сопоставление персонажей Мюмтаза и Рауфа в знаковых романах турецких авторов XX в.».

Вопросы истории и культуры тюркских народов, а также взаимодействия турецкой и русской культур получили освещение в докладах: Л.М. Гимазиевой (Институт международных отношений Казанского федерального университета) — «Культурный код Турецкой Республики: ретроспектива, современное состояние, роль в российско-турецких отношениях на международной арене»; А.С. Митряшкина (СПбГУ) — «Татары-липки во Второй Польской Республике (по материалам арабской печати)»; М.М. Токаревой (СПбГУ) «Ушедшая Россия продолжает жить в Стамбуле».

«Образ турок и турецкая угроза глазами Мартина Лютера» — название доклада А.М. Первушина (СПбГУ). История турецкой религиозной жизни получила отражение в докладе П.П. Голубева (СПбГУ) «Основание суфийского ордена Мавлавия». Об искусстве Турции говорила Д.Ю. Виноградова (СПбГУ) в докладе «Керамическое искусство Чанаккале».

Историко-правовых вопросов касались в своих выступлениях: Д.А. Соловьева (СПбГУ) — «Казахи в Российской империи: феномен полиюридизма» и С.М. Терещенко (СПбГУ) — «Система штрафов и наказаний в Османской империи в XVI в. на основании *канун-наме* Сулеймана I».

Проблемы международного сотрудничества находились в центре внимания К.А. Слипчика (СПбГУ) — доклад «Отношения Турции и Центральной Азии на современном этапе» и И.Р. Лученкова (СПбГУ) — «Проблематика водной безопасности в рамках суверенного курса Турецкой Республики (1923–2021)».

Прозвучавшие в рамках конференции доклады отличались широким разнообразием рассмотренных научных вопросов и вызвали большой интерес и отклик у слушателей. Это в полной мере относится и к студенческой секции. «Кононовские чтения» неизменно остаются актуальной и востребованной площадкой для научной дискуссии и обмена опытом тюркологов разных регионов России и зарубежья.

International Scientific Conference XXXVII Kononov Memorial Readings

(St. Petersburg, October 28–29, 2022)

Mark A. KOZINTCEV
Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 10.01.2023.

Key words: Andrei Nikolaevich Kononov, St. Petersburg State University, Faculty of Asian and African Studies, Department of Turkic Philology, Russian Turkology, Ottoman studies, study of Turkic languages, history of Turkic peoples.

For citation: Kozintcev, Mark A. “International Scientific Conference XXXVII Kononov Memorial Readings (St. Petersburg, October 28–29, 2022)”. *Pis’mennye pamiatniki Vostoka*, 2023, vol. 20, no. 1 (iss. 52), pp. 125–129 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO121784.

About the author: Mark A. KOZINTCEV, Junior Researcher of the Serindica Laboratory, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (m.kozintcev@mail.ru). ORCID: 0000-0001-8588-739X.

Письменные памятники Востока. 2023. Том 20. № 1 (вып. 52). С. 130–135

Шестнадцатые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга

(Санкт-Петербург, 21–22 ноября 2022 г.)

Т.В. ЕРМАКОВА
Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO202795

Статья поступила в редакцию 09.01.2023.

Ключевые слова: буддизм, О.О. Розенберг, письменные памятники Востока, история востоковедения.

Для цитирования: *Ермакова Т.В.* Шестнадцатые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга (Санкт-Петербург, 21–22 ноября 2022 г.) // Письменные памятники Востока. 2023. Т. 20. № 1 (вып. 52). С. 130–135. DOI: 10.55512/WMO202795.

Об авторе: ЕРМАКОВА Татьяна Викторовна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (taersu@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-5273-7870.

© Ермакова Т.В., 2023

Шестнадцатые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга проходили в Санкт-Петербурге 21–22 ноября 2022 г.

Доклады представили востоковеды из Санкт-Петербурга, Москвы, Сыктывкара, Элисты, Саратова. Выступления затрагивали проблематику классического востоковедения (исследование и перевод письменных памятников, рукописная культура и коллекции, история востоковедения) на материале памятников письменности и культуры Индии, Китая, Японии, Тибета, Кореи, Монголии, Калмыкии. Всего было заслушано и обсуждено 34 доклада.

История духовной культуры Дальнего Востока, эпизоды религиозной жизни Китая и Японии были освещены в докладах санкт-петербургских и московских исследователей.

Проблемам распознавания метафор в письменных памятниках китайской философии посвятил свой доклад «О вкусной и духовной пище: предисловие Ли Чжи (1527–1602) к „Разбору Лаоцзы“ Су Чже (1039–1112)» Н.В. Руденко (Москва). На основе

своего перевода докладчик убедительно показал, как «стремление к дао» в тексте предисловия уподобляется аппетиту к пище. На примере даосских памятников Н.В. Руденко обосновал необходимость учитывать в исследовании их терминологии весь объем доступных сочинений автора, находить его аллюзии на известные произведения.

Отражение социальной проблематики в исторических памятниках рассмотрел В.В. Башкеев (Москва) в докладе «Борьба старого с новым: о противостоянии политических элит в Западной Хань — размышления на полях перевода очередного тома Хань шу». В процессе перевода второго тома памятника В.В. Башкеев установил, что в тексте отражена дискуссия о тенденциях управления — модернистской и изоляционистской.

М.С. Целуйко (Москва) представил доклад «Слои и традиции в тексте 5-й главы „Исторических записок“ Сыма Цяня», в котором сформулировал комплексный подход к решению проблемы хронологической гетерогенности источников, использованных Сыма Цянем.

Эпиграфику как ресурс исследования культуры древнего Китая рассмотрела М.В. Ефименко (Москва) в докладе «Религиозные церемонии и их элементы раннего периода эпохи Западное Чжоу (1027–966 гг. до н.э.) по надписям на бронзовых сосудах». Докладчица установила, что надписи на бронзовых сосудах содержат информацию о цели ритуала и его заказчике, составе жертвоприношений. На основе этих сведений возможна историческая реконструкция базовых элементов окказиональной и календарной обрядности.

Г.С. Попова (Москва) в докладе «Происхождение „И-Чжоу-шу“ („Утраченные записи Чжоу“)» рассмотрела проблему датировки сборника наставлений и рассуждений, который в настоящее время может быть реконструирован лишь по фрагментам, включенным в более поздние памятники.

Т.В. Клементьева (Санкт-Петербург) в докладе «Интерпретация понятий „фэн“ („ветра“/„поветрия“) и „су“ („обычаи“) в трактатах „Фэн су тун и“ („Проникновение в смысл поветрий и обычаев“) и „Лунь хэн“ („Весы суждений“)» охарактеризовала оба трактата в аспекте использования полисемантичных терминов «фэн» и «су», установила их контексты и смысловую связь с концептуализацией гармоничного правления.

В докладе А.Э. Терехова (Санкт-Петербург) «„Цинхэ цзюань бэнь“ — ненадежный источник апокрифических фрагментов (на материале апокрифа „Мин ли сюй“)» были проанализированы китайские и европейские исследования памятника, установлены разночтения в отражении исторических фактов в апокрифической литературе.

Т.А. Сафин (Москва) посвятил свой доклад «„Благородный муж“ и „маленький человек“ как социальные категории в Лунь юе» исторической реконструкции базовых социальных групп древнекитайского общества. Неизменность социального статуса, как продемонстрировал докладчик, подкреплялась социогенетическим мифом и приписыванием высоких моральных качеств «благородному мужу». «Маленький человек» по своей природе моральному идеалу соответствовать не мог.

А.Д. Зельницкий (Санкт-Петербург) в докладе «Трактовка даосизма конфуцианским книжником. На примере одной раннетанской инскрипции» проанализировал содержание официального панегирика о визите императора в храм. Докладчик установил, что в тексте есть вставки, содержащие сведения об истории даосизма и неканоническую интерпретацию базовых понятий.

П.Д. Ленков (Санкт-Петербург) на основе сообщений в современной печати КНР провел религиоведческий анализ курьезного инцидента с невежественной верующей

в докладе «Казус с мемориальными табличками из монастыря в Нанкине (из жизни буддистов в современном Китае)».

М.Л. Лепнева (Москва) выступила с докладом «Реставрация фарфоровой пагоды в Нанкине и ее отражение в жизнеописаниях буддийских монахов». В докладе эпизод с реставрацией фарфоровой пагоды был рассмотрен по хроникальным источникам, что позволило установить его как более позднюю вставку в жизнеописаниях.

В.Ю. Климов изложил промежуточные результаты изучения буддийской культуры в Японии в докладе «Еще раз о славословиях Синрана, посвященных Тань-луаню (476–542)».

Д. Кикнадзе (Санкт-Петербург) посвятила свой доклад «Японская идея „исконной просветленности“ хонгаку в иллюстрированном свитке „Цукумогами-ки“ („Свиток о старых вещах-оборотнях“), XVI в.» анализу оригинального способа укоренения буддийского мировоззрения в Японии. Докладчица установила, что сюжеты свитка содержат прозелитическую идею: потенциально опасные предметы-вместилища зла могут быть нейтрализованы принятием буддийских обетов.

Социальная активность женщин-христианок в Японии была проанализирована А.Д. Бертовой (Санкт-Петербург) в докладе «Японские христиане и женское образование в Японии во второй половине XIX в.: по страницам журнала „Дзёгаку дзасси“».

А.Ю. Лущенко (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Восприятие комментариев к „воинским повествованиям“ (гунки моногатари) в эпоху Токугавы». Было рассмотрено формирование идентичности воинского сословия в процессе обучения в школах военных наук, охарактеризован жанр «воинских повествований».

Доклады, отражающие промежуточные итоги исследований письменных памятников буддизма на санскрите, были представлены сотрудниками ИВР РАН.

Е.П. Островская (Санкт-Петербург) в докладе «Буддийская концепция религиозной дисциплины» проанализировала меритократический аспект буддийской религиозной практики: накопление религиозного знания и исполнение правил Винаи в повседневной жизни. Также было проведено сопоставление буддизма и индуизма в трактовке религиозной дисциплины.

В.П. Иванов (Санкт-Петербург) обратился к наследию индийской философской мысли в докладе «Всеведение и пустота в трактате „Таттва-санграха“ Шантаракшиты». Он рассмотрел содержание категории «всеведение», провел сравнительный анализ подходов Шантаракшиты и Камалашилы к интерпретации буддийского учения о всеведении.

Е.А. Десницкая (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Учение о субстанции в „Вакьяпадии“ Бхартрихари». Была рассмотрена эволюция учения о субстанции в индийской философии, установлен вклад Бхартрихари в разработку понятия субстанции.

Анализ категорий буддийской философии был представлен также в докладе С.Л. Бурмистрова «Предварительные замечания о месте трактата „Прасаннапада“ в истории махаяны». Комментарий Чандракирти (VII в.) к «Мула-мадхьямака-карикам» Нагарджуны (II–III вв.), известный под названием «Прасаннапада», был сопоставлен с типологически сходными источниками. В результате было установлено, что в «Прасаннападе» комментаторская традиция впервые обрела письменную фиксацию.

Е.П. Лекарева (Санкт-Петербург) рассмотрела роль литературы в формировании этнокультурной идентичности индийцев в докладе «Диалог культур в жизни и твор-

честве Рабиндраната Тагора». На материале романа Р. Тагора «Гора» был проанализирован вклад писателя в осмысление традиционных ценностей на фоне контактов с европейской культурой.

И.Ю. Котин (Санкт-Петербург) представил доклад «Индус в премьерском кресле Англии. Политическая карьера Риши Сунака», в котором на основе материалов английской печати проанализировал путь Риши Сунака в политику и высказал предположение, что для консервативной партии это удачный ход, укрепляющий ее связи с индийцами — британскими подданными, традиционным электоратом консерваторов.

Ю.В. Болтач (Санкт-Петербург) в докладе «Индийские топонимы на карте древней Кореи (на материале „Самгук юса“, XIII в.)» рассмотрела буддийский контекст присвоения корейским географическим объектам индийских названий, маркирующих локусы эпизодов сакральной биографии Будды. Это было способом реализовать стремление древних корейцев представить свою страну как издревле буддийскую землю, освященную посещением многих будд.

Буддийская комментаторская традиция в Тибете была рассмотрена Р.Н. Крапивиной (Санкт-Петербург) в докладе «„Бодхисаттвачарья аватара“: текст и „реальность“». На основе комментариев к знаменитому трактату Шантидевы, созданных в разных направлениях тибетского буддизма, и переведенных на тибетский язык комментариев к его санскритскому оригиналу была воссоздана история интерпретации базовой терминологии.

Три доклада из представленных сотрудниками ИВР РАН освещали результаты работы с рукописными коллекциями.

Доклад В.П. Зайцева (Санкт-Петербург) «Неопубликованная рукопись Г.Ф. Миллера “Vera interpretatio folii Tangutici Fourmontiani”: результаты исследования» был посвящен неопубликованной рукописи Г.Ф. Миллера (1705–1783) “Vera interpretatio folii Tangutici Fourmontiani” (ок. 1736), содержащей «истинный перевод» на монгольский, а затем русский и латинский языки нескольких строк знаменитого листа тибетской рукописи из Аблай-хита, переводившегося до Миллера в 1722 г. братьями Этьеном и Мишелем Фурмон для Петра I.

С.Х. Шомахмадов (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Перспективы изучения фрагментов санскритских рукописей на бересте из Сериндийского фонда ИВР РАН». Была сформулирована актуальная задача такого исследования — выявление репертуара рукописей, что затрудняется разнородностью сохранившихся фрагментов. В презентации на примере фрагментов рукописей на бересте из собрания Петровского, выполненных письмом гуптское брахми (IV–V вв.), были продемонстрированы этапы работы по их отождествлению.

А.В. Мешезников (Санкт-Петербург) в докладе «Об одном фрагменте санскритской „Аштасахасрика-праджняпарамита-сутры“ (SI 3681) из Сериндийского фонда ИВР РАН» рассказал об истории обнаружения фрагментов и соотнес их локации с картой региона (совр. Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР). Были продемонстрированы фотографии рукописей этого канонического текста, хранящихся в других собраниях.

Четыре доклада тематически были связаны с историей востоковедения.

Д.В. Возчиков (Екатеринбург) посвятил свой доклад «Войско, флот и вооружение государств Южной и Юго-Восточной Азии в отчетах венецианских путешественников XV–XVI вв.» характеристике отчетов Николо ден Конте, Чезаре Федеричи

и Госпаро Бальби как информационного ресурса для восстановления истории военного дела и исторической географии региона.

Т.В. Ермакова (Санкт-Петербург) в докладе «Международное сотрудничество в истории научно-издательской серии “Bibliotheca Buddhica” (BB)» провела анализ истории накопления международных связей индологов-буддологов ко времени организации BB (1897), установила роль И.П. Минаева (1840–1890) в поддержании международных связей и передаче их своим ученикам С.Ф. Ольденбургу и Ф.И. Щербатскому — организаторам BB.

Д.А. Носов (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Знамёна священных гор: принцип первого административно-территориального деления Монгольской Народной Республики в описании В.А. Казакевича», основанным на материалах Архива востоковедов ИВР РАН. Было отмечено, что В.А. Казакевич в своих материалах сохранил уникальные сведения о смысловой связи топонимики, культа гор и административного деления в Монголии в период 1911–1924 гг.

Истории советских полевых исследований МНР посвятил свой доклад «Экспедиция К.В. Вяткиной в Монголию в 1948 г.» Д.В. Иванов (Санкт-Петербург). На основе экспедиционных фотографий были реконструированы аспекты полевого исследования К.В. Вяткиной: повседневный быт, жилище и занятия монголов, этнокулинария, средства передвижения.

В.В. Понарядов (Сыктывкар) в докладе «Арабский автор IX в. Ибн Ахи Хизам об индийской иппологии» изложил свое исследование преемства источников сочинения Ахи Хизама о лошадях с индийским трактатом «Ашвашастра».

Деятельность буддийских религиозных групп в современной Калмыкии была рассмотрена в докладе Ю.Ю. Эрендженовой (Элиста) «Диалог культур в буддийском мире». Докладчица подчеркнула, что современные буддисты-калмыки стараются реализовать принципы буддийской этики как в общении между собой, так и с представителями иных вероисповеданий.

Л.Б. Четырова и А.С. Сахаров (Самара) представили доклад «Коммуникативный анализ писем калмыцких ханов и владельцев (XVIII в.)». Исследование переводов деловой переписки на русский язык с калмыцкого показало, что лексика перевода в большей степени отражала социальную иерархию, чем оригинал.

Б.А. Бичеев (Элиста) выступил с докладом «Ойратский текст наставлений Трисонг Децэна». Был проведен комплексный анализ букинистического раритета «Шастра истинносущей мирской власти и главных законов дхармы», ныне хранящегося в Научном архиве Калмыцкого научного центра РАН в Элисте. В докладе также были представлены новые факты из истории книгоиздания на старомонгольской письменности в Санкт-Петербурге в 1910-х годах.

При подведении итогов Чтений были отмечены высокий научный уровень докладов, современный стиль подачи материала и его тематическое разнообразие. В качестве положительного опыта Чтений отмечено неизменное привлечение к участию с докладами аспирантов и выпускников аспирантуры ИВР РАН, что обеспечивает апробацию их исследований. Также было констатировано, что использование онлайн-формата позволило расширить географию участников и такую практику целесообразно применять и в дальнейшем.

The 16th All-Russian Oriental Conference in Memory of O.O. Rozenberg
(St. Petersburg, November 21–22, 2022)

Tatiana V. ERMAKOVA
Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 09.01.2023.

Key words: Buddhism, O.O. Rozenberg, written monuments of the East, history of oriental studies.

For citation: Ermakova, Tatiana V. "The 16th All-Russian Oriental Conference in Memory of O.O. Rozenberg (St. Petersburg, November 21–22, 2022)". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2023, vol. 20, no. 1 (iss. 52), pp. 130–135) (in Russian). DOI: 10.55512/WMO202795.

About the author: Tatiana V. ERMAKOVA, Cand. Sci. (Philosophy), Leading Researcher of the Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (taersu@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-5273-7870.

Письменные памятники Востока. 2023. Том 20. № 1 (вып. 52). С. 136–139

Научная конференция «Экспедиции в земли айнов»
(Санкт-Петербург, 8 декабря 2022 г.)

В.В. ЩЕПКИН
Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO192526

Статья поступила в редакцию 10.01.2023.

Ключевые слова: айны, экспедиции, ИВР РАН, японоведение, топонимика.

Для цитирования: *Щепкин В.В.* Научная конференция «Экспедиции в земли айнов» (Санкт-Петербург, 8 декабря 2022 г.) // Письменные памятники Востока. 2023. Т. 20. № 1 (вып. 52). С. 136–139. DOI: 10.55512/WMO192526.

Об авторе: ЩЕПКИН Василий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Дальнего Востока ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (vshepkin@gmail.com). ORCID: 0000-0003-0007-1143.

© Щепкин В.В., 2023

8 декабря 2022 г. в Институте восточных рукописей РАН состоялась научная конференция «Экспедиции в земли айнов». Она стала уже четвертой в ряду конференций по истории айнов и их места в российско-японских отношениях, которые Институт проводит ежегодно с 2019 г. Темой конференции этого года стали экспедиции и их роль в истории земель айнов — Хоккайдо, Сахалина и Курильских островов.

К началу XVII в. этот обширный регион к северу от Японии с неопределенным географическим положением притягивал к себе многочисленные экспедиции: как с юга, так и с севера, на крупных океанских судах и на хлипких лодках местных жителей, с сотнями участников под флагами и стягами — и инкогнито в одиночку. Только до середины XIX в. в землях айнов успели побывать представители Ордена иезуитов, корабли из Голландии, Франции, Великобритании, США и, конечно, России и Японии.

Важной общей особенностью всех этих экспедиций было то, что их участники принадлежали к письменным культурам, в основном были грамотны, любили или были вынуждены по роду службы много писать, а потому оставили после себя огромное количество письменных источников. До нас дошли дневники, журналы плаваний, за-

писки, инструкции, отчеты, карты, рисунки, словари, бухгалтерские книги, расписки, переписные листы и даже стихи. Именно благодаря экспедициям и созданным во время них письменным материалам мы обладаем ценными источниками по истории, культуре и языку айнов, пусть даже периода их заката, пришедшегося на XVII — начало XX в.

В то же время роль экспедиций в истории айнских земель не ограничивалась письменными свидетельствами и созданием карт. Зачастую именно экспедиции «привносили историю» в эти земли, видоизменяли ткань материальной и духовной жизни коренного населения, направляли ее в новое русло, создавали и рушили торговые связи, влияли на социальное расслоение и расклад политических сил. Именно эти разнообразные роли экспедиций в истории айнских земель и предполагалось обсудить в ходе конференции.

Открыл заседание доцент Школы востоковедения НИУ ВШЭ (Москва) С.В. Гришачев докладом «Айны глазами голландских мореходов XVII в.». В нем он рассказал об одной из первых европейских экспедиций в земли айнов — плавании голландца Маартена де Фриза в 1643 г. к южным Курильским островам и Сахалину. Докладчик осветил роль экспедиции в истории картографии айнских земель, а также указал на ценность этнографических заметок голландцев об айнах Кунашира и Сахалина.

Старший научный сотрудник ИВР РАН В.В. Щепкин сообщил о записках японского чиновника Могами Токунаи, побывавшего в составе правительственной экспедиции на южных Курильских островах в 1785–1786 гг. Докладчик подробно остановился на анализе топонимов о-ва Итуруп, упомянутых путешественником, и предположил, что некоторые из них были ошибочно восприняты японцем от айнских информантов как топонимы.

Доклад ведущего научного сотрудника ИВР РАН В.Ю. Климова, подготовленный по материалам третьей тетради сочинения Хабуто Масаяму «Записи о светоносном правлении добродетельного государя», был посвящен инспекционным поездкам японских чиновников в земли айнов. Речь в этой тетради шла прежде всего о проблеме выдворения русских с о-ва Уруп, где они основали поселение в 1795 г. Докладчик, используя первичные источники, рассказал, как принимались решения о мерах в отношении российского поселения и как они претворялись в жизнь: для этого потребовалось пресечь вековые торговые связи айнов южных и северных Курил, проходившие через Уруп. Также речь шла об обследовании японскими чиновниками побережья южной части о-ва Сахалин в 1803 г., что было сделано при активном участии айнов на их лодках.

Старший преподаватель Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге А.В. Климов поведал о пребывании и первой зимовке на о-ве Итуруп на основе «Рассказов о северных варварах» Мацуда Дэндзюро, одного из видных исследователей айнских земель рубежа XVIII–XIX вв. Сведения Мацуда наглядно показывают, сколь велики были роль и опыт местного населения — айнов — в том, чтобы зимовка японских чиновников на острове прошла с наименьшими потерями, хотя помочь японцам от обморожений не смогли даже они.

Доцент, заведующая кафедрой японоведения Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге О.В. Климова посвятила свой доклад описаниям айнов российскими мореплавателями начала XIX в. Она проанализировала записки И.Ф. Крузенштерна, Н.П. Резанова, Н.А. Хвостова, Г.И. Давыдова и В.М. Головнина, а также архивные документы, имевшие отношение к их плаваниям, опре-

делила место айнов в политике России по установлению торговых связей с Японией на рубеже XVIII–XIX вв.

В докладе старшего научного сотрудника Отдела этнографии Сибири МАЭ РАН М.В. Осиповой говорилось о первых женщинах-путешественницах в земли айнов — это были американки Мэри Шэффер, Джесси Акерманн и Мэйбл Лумис Тодд. Все они родились в середине XIX в., а их путешествия пришлись на конец XIX и начало XX в. Кроме того, все они оставили записки о своем пребывании на Хоккайдо. Докладчик сопоставила данные трех путешественниц, выявив общее и особенное в их описаниях коренных жителей этого острова.

Доцент кафедры востоковедения Уральского федерального университета (Екатеринбург) Е.С. Чекункова посвятила выступление айнскому общественному деятелю Каяно Сигэру и его вкладу в сохранение исторической памяти о своем народе. Докладчик рассказала об основных вехах жизни и деятельности активиста, его работе по изучению и сохранению айнского языка, борьбе за равноправие айнов в международных организациях и в парламенте Японии.

Главный редактор журнала “Cultural Anthropology & Ethnosemiotics” А.Ю. Акулов в докладе «Айнские топонимы северных Курильских островов как исторический источник» проанализировал этимологию островов и некоторых других природных объектов северной группы Курильского архипелага, сохранивших свои айнские названия до наших дней, и показал, как подобная работа может предоставить ценные сведения антропологам по реконструкции пространственных представлений и в целом мировоззрения курильских айнов.

Заключительный доклад конференции также был посвящен вопросам айнской топонимии. Магистрантка кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета СПбГУ В.С. Стрючкова рассказала об особенностях адаптации айнских топонимов Хоккайдо в современном японском языке. На ряде примеров она продемонстрировала, что в подавляющем большинстве случаев для записи айнских топонимов использовались китайские иероглифы с близким чтением, однако с совершенно другим значением, что в отдельных случаях могло придавать благозвучие или благовидность чужим словам в японском языке.

Буквально каждый из представленных докладов вызывал бурную дискуссию участников, что в очередной раз подтвердило необходимость регулярного проведения таких узкотематических научных собраний. Следующая подобная конференция должна состояться в конце 2023 г. — она станет юбилейной, уже пятой по счету.

Scholarly Conference “Expeditions to the Ainu Lands”
(St. Petersburg, December 8, 2022)

Vasilii V. SHCHEPKIN
Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 10.01.2023.

Key words: Ainu, expeditions, IOM RAS, Japanese studies, toponymics.

For citation: Shchepkin, Vasilii V. “Scholarly Conference ‘Expeditions to the Ainu Lands’ (St. Petersburg, December 8, 2022)”. *Pis’mennye pamiatniki Vostoka*, 2023, vol. 20, no. 1 (iss. 52), pp. 136–139 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO192526.

About the author: Vasilii V. SHCHEPKIN, Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Department of Far Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (vshepkin@gmail.com). ORCID: 0000-0003-0007-1143.

Письменные памятники Востока. 2023. Том 20. № 1 (вып. 52). С. 140–143

Выставка «Мудрость Востока: учители, ученики, книги» в Государственном музее истории религии

Н.В. ЯМПОЛЬСКАЯ
Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO121732

Статья поступила в редакцию 09.01.2023.

Ключевые слова: выставка, религия, буддизм, индуизм, даосизм.

Для цитирования: *Ямпольская Н.В.* Выставка «Мудрость Востока: учители, ученики, книги» в Государственном музее истории религии // Письменные памятники Востока. 2023. Т. 20. № 1 (вып. 52). С. 140–143. DOI: 10.55512/WMO121732.

Об авторе: ЯМПОЛЬСКАЯ Наталия Васильевна, Ph.D., старший научный сотрудник Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (nataliayampolskaya@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-2198-768X.

© Ямпольская Н.В., 2023

Создатели выставки «Мудрость Востока: учители, ученики, книги», открывшейся 20 декабря 2022 г. в Государственном музее истории религии (ГМИР), поставили перед собой сложновыполнимую задачу: рассказать на небольшом выставочном пространстве о традициях нескольких религий — индуизма, буддизма, даосизма и синтоизма. Авторы концепции выбрали необычный принцип рассказа об избранных конфессиях, попытавшись показать скорее не внешний аспект (ритуал), а более глубокую, интеллектуальную составляющую каждой религии. В центре внимания — фигуры учителей, носителей сакрального знания и духовного опыта, книги (т.е. учение в словесной форме), символика и созерцательные практики, противопоставленные рациональному постижению. На эти аспекты опирается весь нарратив выставки, и ее разделы выстроены по принципу поиска общего и различного между религиями в каждой из сфер.

Лубсан Лхундуб Дандаров.
Монголия(?), конец XIX — начало XX в. Медь, выколотка, литье, золочение, краска.
Фонд ГМИР. Фотограф ГМИР Елена Игнатьева

Число экспонатов выставки, развернутой в самом светлом зале музея — атриуме, превышает полторы сотни. Предметы сгруппированы в пять разделов (между которыми, впрочем, нет строгих границ) и сопровождены подробными экспликациями. По большей части здесь представлены живопись, графика, пластика, ритуальные предметы и книги из фондов ГМИР. Многие вещи экспонируются впервые. Среди них — увлекающая обилием деталей японская гравюра XIX в. «Будда в окружении 500 архатов», а также ставший одной из главных точек притяжения экспозиции портрет первого настоятеля Цугольского дацана Лубсана Дандарова (медная скульптура работы монгольских мастеров начала XX в.), загадочная улыбка и взгляд полуприкрытых глаз которого буквально завораживают. Дополняют подборку рукописи и миниатюры из собрания ИВР РАН (14 предметов).

Сутра «Праджняпарамита в сто тысяч стихов» на монгольском языке (том 2). Монголия(?), 1676 г. Рукопись, китайская бумага, черная и красная тушь; лак, живопись клеевыми минеральными красками, роспись золотом, золотая рельефная паста, шелк. Фонд ИВР РАН. Фотограф ГМИР Елена Игнатьева

Открывает экспозицию раздел «Мудрость небесная. Основоположники учений», где представлены образы божеств и легендарных учителей, таких как Лао-цзы и Будда Шакьямуни. Разделы «Развитие учения и практик» и «Земные учители» рассказывают о преемственности в передаче знания от учителя к ученику, начиная от мифологизированных фигур, таких как современники Будды — архаты, и заканчивая персонажами новейшей истории. Четыре раскрашенных рисунка из серии «Жития восьмидесяти четырех махасиддхов» (Бурятия, начало XX в.), в каждом из которых зашифрована история об обретении пробуждения одним из индийских йогинов-тантриков, соседствуют здесь с цветным литографическим изображением середины XX в. «Восшествие на небо Махатмы Ганди», на котором создатель концепции сатьяграхи возносится над миром, чтобы встретиться на небесах с верховными божествами индуистского пантеона. Об особенностях духовных практик разных традиций — от индийского аскетизма до тайного учения миккё в Японии — рассказывают не только тексты этикеток, но и фильм «Очищение белого слона», в котором на примере иконы-танка разъясняется буддийский метод успокоения сознания.

Раздел «Письменная традиция передачи учения» демонстрирует замечательную подборку рукописей. Здесь представлены тексты индуизма и буддизма на нескольких языках из коллекции ИВР РАН. Впервые выставляются великолепно сохранившийся образец иллюстрированной рукописи на пальмовых листьях, содержащий трактат индийского философа IV–V вв. н.э. Васубандху в переводе на бирманский язык, а также две рукописи на тибетском языке из Дуньхуана. В строках одной из дуньхуанских

рукописей (IX в.) — «Сутры наивысшего самадхи» — метафорически сформулирована одна из базовых идей выставки о вторичности рационального постижения по сравнению с духовной практикой: если ученость подобна реке, то медитативное сосредоточение — океану. Избранные отрывки из других знаковых текстов буддизма, индуизма и конфуцианской традиции помещены в медиа-киоск: здесь можно полистать «Дхаммападу» и прочесть отрывки из «Бхагавадгиты».

Этот раздел затрагивает и тему книгопроизводства. Так, связь носителя сакрального знания с книжной традицией показана через уже знакомую завсегдатаям выставок на восточную тематику инсталляцию «кабинет конфуцианского ученого», где представлены традиционные китайские письменные принадлежности — кисть, тушь и бумага. Доски для ксилографии, с помощью которых печатали тексты на тибетском языке в дацанах Бурятии, выступают связующим звеном с последним разделом выставки — «Передача учения: живая традиция», где в числе прочего представлена серия снимков начала XX в., запечатлевших печатню и библиотеку Агинского дацана.

Экспозиция не дает исчерпывающей информации о каждой религиозной традиции — скорее предлагает особый, авторский взгляд на «мудрость Востока».

Выставка продлится до 6 марта 2023 г.

“The Wisdom of the Orient: Teachers, Disciples, Scriptures” Exhibition at the State Museum of the History of Religion

Natalia V. YAMPOLSKAYA
Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 09.01.2023.

Key words: exhibition, religion, Buddhism, Hinduism, Taoism.

For citation: Yampolskaya, Natalia V. “ ‘The Wisdom of the Orient: Teachers, Disciples, Scriptures’ Exhibition at the State Museum of the History of Religion”. *Pis’mennye pamiatniki Vostoka*, 2023, vol. 20, no. 1 (iss. 52), pp. 140–143 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO121732.

About the author: Natalia V. YAMPOLSKAYA, Ph.D., Senior Researcher, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (nataliayampolskaya@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-2198-768X.

Письменные памятники Востока. 2023. Том 20. № 1 (вып. 52). С. 144–146

Рецензия на книгу:
Shi Jinbo.
Tangut Language and Manuscripts: An Introduction. —
Leiden: Brill, 2020. — 547 pp. (The Languages of Asia Series, vol. 20 / Ed. by Alexander Vovin). — ISBN 978-90-04-41453-2 (hardback), ISBN 978-90-04-41454-9 (e-book)

К.М. БОГДАНОВ
Институт восточных рукописей РАН
Санкт Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO202794

Рецензия поступила в редакцию 12.01.2023.

Ключевые слова: тангутоведение, Тангутский фонд ИВР РАН, история и культура Си Ся.

Для цитирования: *Богданов К.М.* [Рец. на:] *Shi Jinbo*. Tangut Language and Manuscripts: An Introduction. Leiden: Brill, 2020. — 547 pp. (The Languages of Asia Series, vol. 20. Ed. by Alexander Vovin) // Письменные памятники Востока. 2023. Т. 20. № 1 (вып. 52). С. 144–146. DOI: 10.55512/WMO202794.

Об авторе: БОГДАНОВ Кирилл Михайлович, научный сотрудник Отдела рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия) (khmae@list.ru). ORCID 0000-0001-9769-5918.

© Богданов К.М., 2023

В 2020 г. издательство «Brill» в серии «The Languages of Asia» выпустило монографию *Tangut Language and Manuscripts.* Автор — самый авторитетный китайский тангутовед второй половины XX в., почетный профессор и член Китайской академии общественных наук Ши Цзиньбо 史金波 (1940). Ученик одного из первых китайских тангутоведов Ван Цзинжу, Ши Цзиньбо посвятил всю свою научную деятельность изучению истории и культуры Си Ся. Несмотря на краткий подзаголовок *An Introduction* (Введение), в книге автор собрал важные сведения обо всех ключевых моментах тангутской истории и культуры, изложил историю изучения Си Ся, назвав ключевые фигуры в истории тангутоведения, и указал основополагающие труды. Правомерно

отдавая дань первенства китайской науке, Ши Цзиньбо неоднократно ссылается на работы А.И. Иванова, Н.А. Невского, Е.И. Кычанова, Э. Гринстеда, Т. Нисиды. Вместе с тем в прилагаемой библиографии не указаны те самые фундаментальные исследования Н.А. Невского, Э. Гринстеда, Е.И. Кычанова, с которыми автор, как следует из текста, хорошо знаком[1]. Можно сказать, что избранная библиография, состоящая на 2/3 из статей и книг самого Ши Цзиньбо, является определенным недостатком издания, претендующего на высокий научный уровень. Некоторое недоумение вызывает и название «Тангутский язык и рукописи», поскольку тангутская книжная культура включает в себя как рукописи, так и печатные книги. При этом упоминания печатных книг, в частности изданных с помощью подвижного шрифта, сопровождаемые иллюстрациями, в самой монографии есть! Нужно также добавить, что сам автор в 1990-х годах провел много времени в ЛО ИВ АН СССР (в настоящее время ИВР РАН), изучая материалы Тангутского фонда, которые являются основным корпусом текстов для настоящей публикации, но, кажется, подробностей об этом периоде его научной деятельности не сообщается.

В монографию включены разделы, посвященные тангутской истории и культуре, религии, письменности, грамматический очерк, включающий описание фонетики, морфологии и синтаксиса тангутского языка, основы тангутской кодикологии, тангутско-английский тематический словарь, вернее вокабулярий, состоящий из наиболее важной, по мнению автора, и часто употребляющейся в тангутских текстах лексики. Обилие иллюстративного материала, ясная манера изложения, благодаря хорошему английскому переводу, делают ее достаточно легкой для восприятия даже читателям далеким от данной тематики и являются ее несомненными достоинствами. Насколько известно, это первая китайская монография на английском языке, автор которой ставит себе целью изложить в популярной форме в одном томе историю и культуру государства Си Ся. В значительной степени ему это удалось, но все же объем и характер материала и краткая тезисная манера изложения неизбежно противоречат друг другу, что приводит к непониманию некоторых важных моментов. К сожалению, в простых формулировках, способных вызвать энтузиазм у предполагаемого исследователя, совершенно не упоминаются специфические трудности и измеряемые годами затраты времени, которые неизбежны на пути изучения тангутской культуры.

Во вводной главе Ши Цзиньбо называет две причины, по которым следует заниматься тангутоведением: во-первых, чтобы изучать тангутский язык; во-вторых, чтобы читать и переводить с тангутского языка с помощью в том числе данного учебного пособия. У внимательного читателя неизбежно должен возникнуть вопрос: для чего же нужно заниматься переводами с тангутского языка? Можно предположить, что краткий и в то же время убедительный ответ на самый существенный для будущих тангутоведов вопрос был бы весьма затруднителен, так как он не соответствовал бы выбранному научно-популярному стилю изложения. Тем не менее появление подобного итогового труда является знаковым событием в развитии данной отрасли востоковедения, а публикация в таком авторитетном издательстве, как «Brill», предполагает ее востребованность международным научным сообществом и в то же время констатирует несомненно лидирующую роль китайских ученых в данной области в настоящее время. Справедливости ради следует отметить, что подобная идея, как при-

[1] Имеются в виду «Тангутская филология» Н.А. Невского (М., 1960), «Очерк истории тангутского государства» Е.И. Кычанова (М., 1969), «Analyses of the Tangut Script» Э. Гринстеда (Lund, 1972).

нято говорить, витала в воздухе уже давно. И впервые она была осуществлена российскими востоковедами: в 2011–2012 гг. под руководством Е.И. Кычанова (1932–2013) была разработана и практически подготовлена к печати коллективная монография «Введение в тангутоведение», она совмещала в себе и полноценный учебный курс, и всеобъемлющий историко-культурный очерк тангутского государства. К сожалению, смерть ведущего автора и редактора помешала опубликовать книгу, которая, несомненно, явилась бы значимым этапом в развитии тангутоведения.

Review of the book:
Shi Jinbo.
Tangut Language and Manuscripts: An Introduction.
Leiden: Brill, 2020. 547 pp. (The Languages of Asia Series, vol. 20.
Ed. by Alexander Vovin). ISBN 978-90-04-41453-2 (hardback),
ISBN 978-90-04-41454-9 (e-book) (in English).

Kirill M. BOGDANOV
Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 12.01.2023.

Kew words: Tangut Studies, Tangut fund of IOM, RAS, history and culture of Xi Xia.

For citation: Bogdanov, Kirill M. [Review of the book:] “Shi Jinbo Tangut Language and Manuscripts: An Introduction. Leiden: Brill, 2020. 547 pp. (The Languages of Asia Series, vol. 20. Ed. by Alexander Vovin)” (in English). *Pis’mennye pamiatniki Vostoka*, 2023, vol. 20, no. 1 (iss. 52), pp. 144–146 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO202794.

About the author: Kirill M. BOGDANOV, Research Fellow in the Department of Manuscripts and Documents, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (khmae@list.ru). ORCHID 0000-0001-9769-5918.

Письменные памятники Востока. 2023. Том 20. № 1 (вып. 52). С. 147–150

Рецензия на книгу:
Наставления раннетанских императоров / Перевод с китайского, комментарии, исследование, приложения И.Ф. Поповой. — М.: Наука — Вост. лит., 2022 — (Памятники письменности Востока. CLIX / редкол.: А.Б. Куделин (пред.) и др.) — 310 с.: илл. — ISBN 978-5-02-039882-5

Т.А. ПАН
Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO202793

Рецензия поступила в редакцию 27.01.2023.

Ключевые слова: династия Тан, Тай-цзун, Гао-цзун, У Цзэ-тянь, семейные наставления, китайская идеология.

Для цитирования: *Пан Т.А.* [Рец. на:] Наставления раннетанских императоров / Перевод с китайского, комментарии, исследование, приложения И.Ф. Поповой. М.: Наука — Вост. лит., 2022 — (Памятники письменности Востока. CLIX / редкол.: А.Б. Куделин (пред.) и др.) — 310 с.: илл. // Письменные памятники Востока. 2023. Т. 20. № 1 (вып. 52). С. 147–150. DOI: 10.55512/WMO202793.

Об авторе: ПАН Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Отделом Дальнего Востока, заместитель директора по научной работе ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (ptatiana@inbox.ru). ORCID: 0000-0002-2597-2530.

© Пан Т.А., 2023

Научное издание памятников письменности народов Востока является приоритетным направлением работы Института восточных рукописей РАН. В 2022 г. вышла в свет монография директора ИВР РАН, член-корр. РАН И.Ф. Поповой — «Наставления раннетанских императоров». Книга опубликована в серии «Памятники письменности Востока», давно зарекомендовавшей себя как наиболее авторитетная (издается с 1965 г.) и претворяющей традиционный подход российского классического востоковедения к изучению письменного наследия. В сборник включены комментированный перевод со средневекового китайского на русский язык и исследование произведений

назидательного характера, авторами которых считаются китайские правители эпохи Тан (618–907): «Золотое зерцало» (*Цзинь цзин*) и «Правила императоров» (*Ди фань*) Тай-цзуна, «Наставления небес» (*Тянь сюнь*) Гао-цзуна и «Правила подданных» (*Чэнь гуй*) У Цзэ-тянь. В этих наставлениях танские монархи стремились сохранить во имя «вечного правления» династии введенные ими принципы управления и этического соответствия правителей их предназначению. Как указывает во вводной статье И.Ф. Попова, важность этих сочинений заключается в том, что в политической идеологии Китая периода Тан «власть стала рассматриваться как нравственно мотивированная, но вполне рациональная деятельность, направленная на достижение не абстрактного умиротворения, а определенных конкретных результатов… Более определенный прагматический характер приобрело с древних времен присущее китайской идеологии стремление найти в событиях прошлой истории обоснование для политических решений текущего момента. Значительно были конкретизированы статусные задачи носителей власти — самого императора, его родственников, высших сановников и чиновничества» (с. 14).

Рецензируемая монография состоит из двух основных частей. В первой — «Наставления раннетанских императоров как „семейные поучения“» (с. 13–100) — автор разбирает значение наставлений «Золотое зерцало» и «Правила императоров» императора Тай-цзуна, «Наставления небес» Гао-цзуна и «Правила подданных» У Цзэ-тянь. Подробный очерк исторического контекста, в котором были написаны эти произведения, раскрывает политическую ситуацию и внутридворцовые интриги, а также особенности правления первых танских императоров. Этот очерк является продолжением и весомым дополнением к разрабатываемой И.Ф. Поповой теме, представленной в ее книге «Политическая практика и идеология раннетанского Китая» (М.: Вост. лит., 1999) и более поздних статьях.

В «Золотом зерцале» Тай-цзуна основной акцент делается на том, что в «понимании методов управления необходимо неукоснительно отдать предпочтение классическим конфуцианским ценностям» (с. 29). В «Правилах императоров» Тай-цзуна представлены его размышления о власти, придворной совещательной деятельности, которая стала «механизмом, обеспечивающим политическое согласие в обществе и регулирующим скрытое напряжение внутри правящего класса, а также структурообразующим началом государственного аппарата» (с. 37). За период своего правления У Цзэ-тянь и основала свою династию, и приняла титул «императора», для этого она реформировала ритуал, широко используя идеи буддизма и даосизма, которые в полной мере отразились в ее «Правилах подданных».

Во второй части монографии И.Ф. Поповой (с. 103–216) даны переводы четырех наставлений с китайского языка на русский. Сами тексты — небольшие по объему, но их перевод требует фундаментальных знаний китайской истории, философии и культуры, поскольку написанные в традиционном стиле китайские произведения фактически состоят из скрытых цитат и исторических намеков. Их разбору посвящены подробнейшие комментарии. Они помещены после каждого из переводов и являются примерами историко-филологического анализа текста.

В первом приложении монографии И.Ф. Поповой публикуется перевод текста *Цзинь цзин*, выполненный в 1805 г. учеником Седьмой Пекинской духовной миссии (1781–1794) Антоном Владыкиным (1757–1812), — «Сочинение Тан династии царя Тай-цзуна под названием: Золотое Зерцало. В 620 год по Р.Х.». Эта рукопись хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН и публикуется впервые (с. 217–222). Во втором

приложении (с. 223–225) дается транскрипция китайского текста *Тянь сюнь* по рукописи из Национальной библиотеки Франции, по которой был сделан перевод. Факсимиле этой рукописи приводится в третьем приложении (с. 226–269). Объемный список источников и литературы на русском, китайском, японском и западных языках включает издания, на которые опиралась автор при написании исторического очерка и комментариев к переводам текстов (с. 270–281). Отдельной работой явилось составление двух глоссариев: «Термины и понятия» (с. 282–289) и «Должности, титулы, учреждения» (с. 290–295), где учтены все использованные в тексте монографии термины в их китайской транскрипции, китайскими иероглифами и переводе. В указателе имен (с. 296–306) каждому имени даны китайские иероглифы и указаны другие имена и псевдонимы героев повествования. Глоссарии и указатели могут быть полезны китаистам, поскольку нет устоявшихся вариантов перевода терминов и должностных титулов. Монографию завершает Summary на английском языке (с. 307–310).

Издание монографии И.Ф. Поповой «Наставления раннетанских императоров» является важным событием в российском китаеведении, поскольку раскрывает основы политической идеологии эпохи Тан — периода «необычайного процветания и блеска китайской цивилизации» (с. 13). Тексты этих наставлений послужили образцами для подобных «семейных наставлений» императоров последующих династий вплоть до последней династии Цин, когда этот жанр видоизменился до «священных наставлений императоров». Книга, безусловно, заинтересует китаистов, историков восточной философии и права.

Review of the book:
The Family Precepts of Early Tang Emperors.
Translation from Chinese, commentary, research, indexes by I.F. Popova.
Moscow: Nauka–Vostochnaya literatura, 2022 (Pamiatniki pis'mennosti Vostoka, CLIX / Ed. board: A.B. Kudelin et al.). 310 pp. with ill.
ISBN 978-5-02-039882-5 (in Russian).

Tatiana A. PANG
Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 27.01.2023.

Key words: Tang dynasty, Tai-zong, Gao-zong, Wu Zetian, family precepts, Chinese ideology.

For citation: Pang, Tatiana A. [Review of the book:] "The Family Precepts of Early Tang Emperors. Translation from Chinese, commentary, research, indexes by I.F. Popova. Moscow: Nauka–Vostochnaya literatura, 2022 (Pamiatniki pis'mennosti Vostoka, CLIX / Ed. board: A.B. Kudelin et al.). 310 pp. with ill." *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2023, vol. 20, no. 1 (iss. 52), pp. 147–150 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO202793.

About the author: Tatiana A. PANG, Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Head of the Department of Far Eastern Studies, Deputy-director for Science, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (ptatiana@inbox.ru). ORCID: 0000-0002-2597-2530.

Письменные памятники Востока. 2023. Том 20. № 1 (вып. 52). С. 151–154

Рецензия на книгу:
Павлова М.Б.
Сын бога Шивы. Жизнь и гимны раннесредневекового тамильского святого Самбандара в контексте религиозного течения бхакти в Южной Индии. — М.: Ганга, 2022. — 468 с. (ил.). — ISBN 978-5-907432-55-0

Е.В. ТАНОНОВА
Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO202789

Рецензия поступила в редакцию 01.11.2022.

Ключевые слова: Самбандар, средневековая тамильская литература, южноиндийское *бхакти*, *наянары*, шиваизм.

Для цитирования: *Танонова Е.В.* [Рец. на:] Сын бога Шивы. Жизнь и гимны раннесредневекового тамильского святого Самбандара в контексте религиозного течения бхакти в Южной Индии. — М.: Ганга, 2022. — 468 с. (ил.) // Письменные памятники Востока. 2023. Т. 20. № 1 (вып. 52). С. 151–154. DOI: 10.55512/WMO202789.

Об авторе: ТАНОНОВА Елена Викторовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник, ученый секретарь ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (etanona@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-9012-790X.

© Танонова Е.В., 2023

Исследования специалистов-тамилистов на русском языке — редкость, не говоря уже о серьезных работах. Монография индолога М.Б. Павловой представляет читателю полновесный срез исторической, социокультурной, религиозной реальности страны тамилов VII в., дополненный сделанными автором переводами оригинальных текстов и их серьезным литературоведческим анализом.

Поэтическая основа книги — гимны поэта Самбандара[1] — материал практически неизвестный или малоизвестный в нашей стране. Введение памятников в научный

[1] Его настоящее имя Тирунянасамбандар (*санскр.*) — «причастный священному знанию».

оборот само по себе несет несомненную научную ценность. В данном случае автор не просто приоткрывает шторку, как делали другие исследователи (конечно, малочисленные!), бегло знакомившие русскоязычного читателя с богатейшим миром древней и средневековой тамильской литературы — М.Б. Павлова распахивает окно, сквозь которое на читателя обрушивается целый поток оригинальных, неповторимых образов тамильской поэзии, обладающих только им присущим ярким ароматом и свежестью. Выход этой книги — большое событие для всех, интересующихся Южной Индией и любящих ее культуру.

Книга состоит из пяти разделов, дополнена приложениями с переводами гимнов Самбандара, глоссарием, библиографией и снабжена иллюстрациями. Написана понятным и ёмким языком, который делает издание доступным для широкой аудитории.

Ознакомившись с монографией М.Б. Павловой, читатель составит отчетливое представление о формировании и развитии духовно-мистического движения *бхакти* в индуизме, которое, по всей видимости, зародилось именно в Южной Индии и оттуда распространилось на всю территорию Индийского субконтинента. В рамках *бхакти* на Юге существовали две сакральные традиции почитания бога — через творчество поэтов-*альваров*[2], поклонников бога Вишну, и *наянаров*[3], воспевавших Шиву; они обе развивались параллельно и дополняли друг друга. Тамильская иконография представляет Самбандара как вечного божественного ребенка, «сына Шивы» и наиболее выдающегося святого-*наянара*. Его 385 известных гимнов вместе с произведениями поэтов-современников — Аппара и Сундарара — были объединены в сборник *Деварам* («Гирлянда богу»), составили ядро литературного священного канона *наянаров* и вошли неотъемлемой частью в богослужение шиваитских храмов. Поэтому основной предмет исследования настоящей книги можно отнести к священным текстам шиваитской традиции; их понимание способствует углублению знаний о шиваизме.

Автор рассказывает о чудесном обретении рукописей *Деварама*. Это религиозное чудо, напоминающее явление икон или обретение мощей святых в православии. Легенда утверждает, что после воссоединения Самбандара с Шивой, т.е. окончания его земной жизни (предположительно VII в.), творчество поэта было основательно забыто. Лишь в середине XI в. царь Чолов случайно услышал неизвестный ему гимн Самбандара и, пораженный его мощью, повелел служителю храма Ганеши Намби Андару Намби отыскать другие гимны этого автора. Ведомый Ганешей, Намби получил божественное указание, что искомые рукописи хранятся в запечатанной комнате шиваитского храма в Чидамбараме[4]. И действительно, пальмовые листы, значительно изъеденные термитами, обнаружились в указанном месте. Таким образом утверждается подлинность текстов *Деварама*, дарованных свыше Шивой через посредничество сына Шивы Ганеши, что крайне важно для установления статуса священного писания этого сборника в традиции тамильского шиваизма.

Из-за неразвитости исторической науки в Индии исследователи индийской культуры средневековья и тем более древности невольно оказываются во власти мифов и легенд. Относительно личности поэта остается только транслировать сложившееся в тамильской литературе и иконографии представление о Самбандаре как гениальном ребенке, чей поэтический дар открылся в три года при чудесных обстоятельствах.

[2] *Альвары* (āḻvār) — *тамильск.* «те, кто погружен [в Бога]».

[3] *Наянары* (nāyanmār) от *санскр.* naya — «вождь», «ведущий» и nara — «человек».

[4] Чидамбарам — знаменитый храмовый комплекс недалеко от г. Мадураи в Тамил-Наду, где находится известнейший храм Шивы Натараджи (Танцующего Шивы).

Отец отправился с ним в храм; оставив сына на ступенях храмового водоема, он пошел совершать омовение. Малыш заскучал и стал плакать, на его плач снизошел сам Шива с супругой Парвати, и она накормила ребенка своим молоком. Вернувшийся отец рассердился, что кто-то посмел дать сыну брахмана неизвестную пищу, но сын ответил ему первым гимном Шиве, что сделало очевидным для изумленного родителя, кем были тайные благодетели. С этого момента начинается полная чудес жизнь Самбандара, которая так же чудесно завершилась в момент его свадьбы в 16 лет, когда Шива принял своего преданного *бхакта* с юной женой, представ перед ними в образе огненной колонны[5]. М.Б. Павлова в разделе «Жизнеописание Самбандара: миф и реальность» задается известными вопросами: «а был ли мальчик?» или феномен Самбандара был плодом коллективного творчества безымянных поэтов? Надо сказать, что это — распространенная литературоведческая проблема, возникающая, как только объектом исследования становится талант большой величины, чье время жизни уходит в глубину веков. Основываясь на анализе творчества поэта, сопоставлении данных житийной литературы из разных источников, ранних скульптурных изображениях святого, М.Б. Павлова поддерживает гипотезу о том, что Самбандар, по всей видимости, был взрослым поэтом, сохранившим детскую чистоту души, что нашло отражение в его гимнах. С его творческим наследием была проведена тщательная редакторская работа (это очень характерный для Индии процесс), отсеявшая указания на реальный возраст поэта, но не изменившая «взрослый» уровень поэтики гимнов, воспевавших удивительно целостный, возвышенный и прекрасный мир образов бога Шивы и мир живописаний его «вселенной».

Из разделов, посвященных анализу творчества поэта, следует, что Самбандар часто автобиографичен и довольно неэмоционален (если рассматривать эмоциональность поэта-*бхакта* как любовное томление о божественном предмете своей страсти), любовная тема слабо выражена в его творчестве, что в некоторой степени свидетельствует о юном возрасте создателя гимнов. Можно говорить о преобладании описательного материала, изображающего разные атрибуты, достоинства, деяния Шивы. Гимны Самбандара созданы, чтобы быть положенными на музыку. Сам поэт придавал большое значение музыкальному сопровождению своих произведений и всегда путешествовал в сопровождении музыканта. Считается, что Самбандар возродил тамильскую музыкальную традицию, практически угасшую под влиянием аскетичных джайнов, которые относили музыку и празднества к развращающим увеселениям. Также он проявлял трепетное отношение к тамильскому языку, ценил его и культивировал в своих гимнах осознанно и с большим искусством. Вообще, тамилы известны благоговейным отношением к родному языку; вопросы языковой идентичности и примата тамильского языка над другими индийскими языками, в том числе государственным, не раз поднимались на знамена различных социальных движений. Тамильский язык — достояние каждого обитателя благословенной страны тамилов — мыслится как живое существо и часто представляется в образе сияющей богини,

[5] Согласно легендарной биографии, когда Самбандару исполнилось 16 лет, родители выбрали ему невесту, дочь брахмана. Искренне веря, что жизнь семьянина-домохозяина не для него, Самбандар во время свадебного обряда воззвал к своему Господу: неужели его многочисленные гимны не принесли плодов? В тот же миг храм, где проходила церемония, исчез, явился Шива в виде сияющей колонны (символ Шивы — *лингам*) и пригласил желающих войти в этот свет и слиться с ним. Самбандар с юной женой, а также все преданные *бхакты* вошли в столп света и покинули этот мир. Храм, где произошло это легендарное событие, сохранился до сих пор, став местом паломничества.

которую поклоняющиеся поэты украшают своими произведениями-драгоценностями. Пожалуй, таким приношением тамильской культуре можно считать и книгу М.Б. Павловой.

Review of the book:
Maria B. Pavlova.
A Son of Shiva. The Life and Hymns of the Early Medieval Tamil Saint Sambandar as a Part of Bhakti Movement in Southern India. Moscow: Ganga Publishing House, 2022. 468 pp. (ill.). ISBN 978-5-907432-55-0 (in Russian).

Elena V. TANONOVA
Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 01.11.2022.

Key words: Sambandar, medieval Tamil literature, Southern Indian *bhakti* movement, *Nayanars*, Shaivism.

For citation: Tanonova, Elena V. [Review of the book:] "Maria B. Pavlova. *A Son of Shiva. The Life and Hymns of the Early Medieval Tamil Saint Sambandar as a Part of Bhakti Movement in Southern India*. Moscow: Ganga Publishing House, 2022. 468 pp. (ill.)". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2023, vol. 20, no. 1 (iss. 52), pp. 151–154 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO202789.

About the author: Elena V. TANONOVA, Cand. Sci. (Philology), Research Fellow, Scientific Secretary of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (etanona@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-9012-790X.

Письменные памятники Востока. 2023. Том 20. № 1 (вып. 52). С. 155–157

Зограф Ирина Тиграновна
(1931–2022)

DOI: 10.55512/WMO202791

3 декабря 2022 г. ушла из жизни известный китаевед-филолог, крупнейший ученый в области китайской исторической и сравнительной грамматики, специалист по средневековому китайскому языку, доктор филологических наук Ирина Тиграновна Зограф.

И.Т. Зограф родилась 17 декабря 1931 г. в г. Моздоке Северо-Осетинской АССР. После окончания средней школы с золотой медалью поступила на Восточный факультет ЛГУ, который окончила с отличием в 1954 г. Она начала свою трудовую деятельность в качестве библиографа в Секторе восточных рукописей ИВ АН СССР, связав всю свою жизнь с востоковедением и Институтом. В конце 1955 г. поступила в аспирантуру Института, а в мае 1959 г. успешно ее завершила написанием и защитой 7 июля 1962 г. кандидатской диссертации «Грамматические особенности китайского языка XII–XIV вв. по материалам памятника „Цзин бэнь тунсу сяошо“». Сразу же после окончания аспирантуры в 1959 г. Ирина Тиграновна была принята на должность младшего научного сотрудника Дальневосточного (позднее — Китайского) кабинета и с 1960 г. руководила лингвистической группой кабинета, в 1974 г. стала старшим научным сотрудником по специальности «языкознание» («история китайского языка»). В 1977 г. по решению Президиума АН СССР И.Т. Зограф получила звание старшего научного сотрудника по специальности «Языки народов Китая», а в 1986–2014 гг. занимала должность ведущего научного сотрудника Отдела Дальнего Востока. Уйдя на пенсию, Ирина Тиграновна оставалась советником ИВР РАН.

Являясь ученицей выдающегося лингвиста-китаеведа С.Е. Яхонтова (1926–2018), она впервые в китаеведении выполнила исторический анализ китайского языка XII–XIV вв. и издала «Очерк грамматики среднекитайского языка (по памятнику „Цзин бэнь тунсу сяошо“)» (М.: Изд-во восточной литературы, 1962).

Работа над «Описанием китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии АН СССР. Вып. 2» (М.: Наука, ГРВЛ, 1967. Авт.: М.И. Воробьева-Десятовская, И.Т. Зограф, А.С. Мартынов, Л.Н. Меньшиков, Б.Л. Смирнов) дала возможность И.Т. Зограф сосредоточиться на изучении языка этих памятников, в результате чего появились грамматический очерк и словарь к изданию «Бяньвэнь о воздаянии за милости» (М.: Наука, ГРВЛ, 1972. Ч. 1. Факсимиле рукописи, исслед., пер. с кит., коммент. и табл.: Л.Н. Меньшиков. Ч. 2. Грамматич. очерк и словарь: И.Т. Зограф).

Грамматика среднекитайского языка была темой докторской диссертации И.Т. Зограф, которую она защитила 2 октября 1980 г. по опубликованной за год до этого монографии «Среднекитайский язык (становление и тенденции развития)» (М.: Наука, ГРВЛ, 1979).

Ирина Тиграновна занималась исключительно сложной темой языковой интерференции периода правления некитайской династии в Китае, когда изолированный китайский язык находился под сильным влиянием агглютинативного монгольского языка. В китайском языке этого времени не только появляется большое количество монгольских заимствований, но и изменяется структура предложения. Ряд статей И.Т. Зограф был посвящен разбору этих особенностей. Итогом исследований стала монография «Монгольско-китайская интерференция (язык монгольской канцелярии в Китае)» (М.: Наука, ГРВЛ, 1984).

Сборники художественных переводов, такие как «Пятнадцать тысяч монет» (М.: Изд-во восточной литературы, 1962), «Простонародные рассказы, изданные в столице» (СПб.: Петербургское Востоковедение, 1995) и др., зарекомендовали И.Т. Зограф как прекрасного переводчика китайской художественной литературы. Она продолжила эту работу, издав совместно с А.С. Мартыновым (1933–2013) переводы конфуцианских классиков: «Классическое конфуцианство. Т. 2. Мэн-цзы, Сюнь-цзы» (СПб.: Изд. дом «Нева»; М.: «Олма-пресс», 2000. Переводы, статьи и коммент. И.Т. Зограф); «О сознании (Синь): Из философского наследия Чжу Си» (М.: Вост. лит., 2002. Пер. с кит. А.С. Мартынова и И.Т. Зограф; вступ. ст. и коммент. к пер. А.С. Мартынова; грамматич. очерк И.Т. Зограф).

Особым жанром научной работы И.Т. Зограф было составление учебных пособий с подробными грамматическими комментариями — «Хрестоматия по истории китайского языка III–XV вв.» (совместно с И.С. Гуревич; М.: Наука, ГРВЛ, 1982) и «Хрестоматия по китайскому языку (ранний байхуа и поздний вэньянь)» (СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005). Используемая автором методология исследования подробно освещена в монографии «Методы описания истории изолирующего языка с иероглифической письменностью» (СПб.: Наука, 2008).

Более ста научных работ опубликовано Ириной Тиграновной. Многие из ее основополагающих работ выдержали несколько изданий и переизданий, что свидетельствует о признании их научного значения. Так, переиздания Издательством ЛКИ в Москве в 2010–2011 гг. монографий «Официальный вэньянь (синтаксис простого и сложного предложения)» (М.: Наука, 1990), «Среднекитайский язык. Опыт структурно-типологического описания» (СПб.: Наука, 2005), «Методы изучения истории

изолирующего языка с иероглифической письменностью» подтверждают авторитет И.Т. Зограф как выдающегося специалиста по среднекитайскому языку.

Ирина Тиграновна сотрудничала и с лингвистами других специальностей по многим вопросам языкознания как лингвист широкого профиля. Так, в соавторстве с супругом, выдающимся индологом, доктором филологических наук, специалистом по новоиндийским языкам Г.А. Зографом (1928–1993) был написан доклад «Современный армянский и новоиндоарийский (некоторые структурно-типологические соответствия)», прочитанный в Ереване в 1987 г. на II Международном симпозиуме по армянскому языкознанию.

В Институте И.Т. Зограф воспитала несколько аспирантов, много сил отдала научно-организационной работе и как заведующая аспирантурой ЛО ИВ АН, и как ученый секретарь Сектора Дальнего Востока, была во главе китайской группы Сектора.

Ирина Тиграновна Зограф принадлежала к блистательному поколению ленинградских-петербургских китаистов и была замечательным продолжателем научной школы А.А. Драгунова (1900–1955) и С.Е. Яхонтова. Труды И.Т. Зограф будут безусловно востребованы исследователями-компаративистами будущих поколений.

Т.А. Пан
к.и.н., замдиректора по научной работе ИВР РАН
(ptatiana@inbox.ru)

О Б Ъ Я В Л Е Н И Е

Вниманию подписчиков, читателей и авторов журнала!

С 2016 года журнал «Письменные памятники Востока» издается четыре раза в год согласно требованиям Высшей аттестационной комиссии. Просим авторов обратить внимание на изменения в оформлении статей и списка литературы. Полная информация о правилах подачи материала опубликована на сайте Института восточных рукописей РАН:

http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=content&task=view&id=51

Письменные памятники Востока

Научный журнал

У ч р е д и т е л ь
Институт восточных рукописей РАН (Азиатский Музей)
А д р е с у ч р е д и т е л я : Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Лит. А, Россия
Г л а в н ы й р е д а к т о р : член-корр. РАН Ирина Федоровна Попова

Над номером работали:

А.А. Ковалев, О.В. Мажидова, М.А. Унке, О.В. Волкова, М.П. Горшенкова, А.Е. Танчарова, И.И. Чернышева, Н.Н. Щигорева

К сведению читателей журнала
«Письменные памятники Востока»

Подписка на журнал «Письменные памятники Востока» производится по Объединенному каталогу «Пресса России» (т. I) в отделениях связи.

По вопросу приобретения журнала просим обращаться в Институт восточных рукописей РАН по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18, Лит. А — www.orientalstudies.ru

---

Сдано в набор 02.12.2022. Подписано к печати 20.03.2023. Дата выхода 27.03.2023. Формат $70\times100^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Усл. п. л. 10,0. Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 500 экз. Зак. № Цена свободная.

Адрес редакции и издательства: 191186 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18, Лит. А – www.orientalstudies.ru

Адрес типографии: ООО "Литография Принт". 191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, офис 14, Лит. А. **www.litobook.ru** e-mail: **info@litobook.ru**. Тел. +7 (812) 712-02-08

«Письменные памятники Востока» – международное научное рецензируемое издание, специализирующееся на изучении письменного наследия Востока. С 1970 по 1987 г. оно выходило в формате ежегодника и издавалось Институтом восточных рукописей Российской академии наук (ИВР РАН). В 2004 г. ИВР РАН возобновил «Письменные памятники Востока» как научный журнал; с 2015 г. выходит английская версия журнала; с 2016 г. он публикуется с периодичностью 4 раза в год. Издание сохраняет своим главным направлением изучение рукописного, старопечатного и архивного наследия народов Востока, а также широкого круга связанных с ним проблем истории, филологии, философии, источниковедения, историографии, кодикологии, палеографии, эпиграфики, текстологии.

The periodical “Pis’mennye pamiatniki Vostoka” is an international peer-reviewed journal, which is focused on the study of written legacy of Asia. From 1970 till 1987, it was published annually by the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. In 2004 the IOM, RAS resumed “Pis’mennye pamiatniki Vostoka” as an academic journal; in 2015 the English version of the journal appeared; since 2016 it has been published quarterly.
The main direction of the journal is the study of the manuscripts, early printed editions and archival heritage of the peoples of the Orient, as well as of a wide range of problems in history, philology, source study, historiography, codicology, palaeography, epigraphy, textology.

Научное содержание публикаций, наименования и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

07.00.00 Исторические науки и археология
07.00.02 Отечественная история
07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)
07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

09.00.00 Философские науки
09.00.03 История философии
09.00.14 Философия религии и религиоведение

10.00.00 Филологические науки
10.01.03 Литература народов стран зарубежья
10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии

Правила оформления рукописей представлены на сайте Института восточных рукописей РАН www.orientalstudies.ru.

По вопросам публикации просим обращаться в редакцию журнала.
Плата за публикацию рукописей не взимается.
Адрес: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, Лит. А.
Тел.: (812) 315-87-28. Факс: (812) 312-14-65. E-mail: ppv@orientalstudies.ru

ISSN 1811-8062 ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА, 2023, ТОМ 20, № 1 Индекс 11254